

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. — ИСТОРИЯ СЕЛА БОЛОТНОЕ.

Летописные заметки за период от 1917 до 1941 года

Введение. — Село Болотное в пореформенную эпоху

(От 1861 до 1917 года) 9

I. Село крестьян-единоличников и государственный оброк

1. Село в период натурального коммунизма и гражданской войны (1917—1920 годы) 15

2. Село в период новой экономической политики (1921—1928 годы) 54

II. Колхозная Голгофа 93

3. «Страшные годы» — коллективизация 95

4. Упорные единоличники 130

5. Бегство из колхозов. (Переселенцы и отходники) 137

6. Внешний облик колхозной деревни 145

7. Кустарная промышленность 149

8. «Колхозные царьки» 153

9. Скот и люди в колхозе 168

10. Колхозная барщина 174

11. Сельское хозяйство 199

12. «Не жизнь, а мука 209

13. Могильный режим 231

14. Колхозный гарем 241

15. Сельская интеллигенция 252

16. Пасхальные дни 289

17. «Мы им навоюем! 301

18. Колхозник на радиостанции 317

Часть вторая. — НИЩЕТА КОЛХОЗНАЯ

Материальный быт деревни за период 1945—67 годов 319

1. «Не жилье, а горе . . . » 323
2. «Разутово-Раздетово . . . » 349
3. Колхозная «Нееловка» 360

Часть третья. — КОЛХОЗНАЯ ДЕРЕВНЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Социологические очерки 427

1. Рай в земледельческих коммунах
Мечты и пророчества Н. Чернышевского 429
2. Белорусская колхозная деревня
Повесть А. Кулаковского — «Добросельцы» 433
3. Воронежская деревня
Роман А. Андреева — «Грачи прилетели» 457
4. Вологодский колхоз
Повесть А. Яшина — «Сирота» 471
5. «Колхозный рай»
Фотография частушечная 487
6. Нищие в «социалистическом раю» 505
7. Райские предсказания и адская действительность 507—509

Эпиграфы

«Не имеем мы цельной истории советского крестьянства и его перехода на путь социализма. А разве это не увлекательная, не благодарная тема исторического исследования? Особенно, если учесть, что крестьянство составляет бóльшую часть населения земли».

**Профессор Б. Пономарев
(Журнал «Коммунист»,
№ 1, 1963, Москва)**

В коммунистических государствах крестьянство распято на Голгофе, а сельское хозяйство сброшено в болото.

Т. К. Чугунов

«В некоммунистических странах земледельцы работают и не знают, даже не подозревают, какая доля отведена, какая судьба уготовлена им международным коммунизмом».

Юрий Мишалов

Часть первая

ИСТОРИЯ СЕЛА БОЛОТНОЕ

Летописные заметки за период от 1917 до 1941 года

ВВЕДЕНИЕ

Село Болотное в пореформенную эпоху (От 1861 до 1917 года)

На последующих страницах будет описана жизнь одного русского села при советской власти за период от Октябрьской революции до начала германо-советской войны — до 1941 года. Это село находится в Средней России, в Орловской губернии; в очерках ему дано условное название: «Болотное».

Для того, чтобы наглядно представить, какие изменения внесла коммунистическая власть в жизнь дореволюционной деревни, необходимо дать хотя бы самую краткую характеристику жизни этого села за последнюю, пореформенную, эпоху — от Освободительной Реформы 1861 года до Октябрьского переворота.

Жизнь крестьян в эпоху помещичьего крепостного права с наибольшей полнотой и правдивостью ярко изобразили русские писатели: А. Н. Радищев — в книге очерков «Путешествие из Петербурга в Москву» (в 1790 году), Н. Некрасов — в поэмах и стихотворениях, И. С. Тургенев — в очерках, объединенных в книге «Записки охотника» (в 1847-1852 годах). Тургенев, орловский помещик, описывал встречи и наблюдения, которые он имел во время охотничьих блужданий в губерниях Средней России — в Орловской, Курской, Тульской и Калужской, т. е. в тех местах, в которых расположено село Болотное.

Жизнь закабаленных крестьян в эпоху помещичьего крепостного права была бедной, тяжелой и мрачной: рабская зависимость от произвола помещиков; тяжелые повинности — «барщина», «оброк»; нищета: жалкие закопченные хижины, плохая одежда, скудное питание.

Но после отмены крепостной зависимости, в пореформенную эпоху, от 1861 до 1917 года, жизнь крестьян вообще, а в частности, в селе Болотное, изменилась коренным образом.

Село Болотное возрождалось: изменялось, преображалось, развивалось, быстро двигалось вперед. Основую для этого прогресса послужили главные мероприятия Освободительной реформы: уничтожение крепостной зависимости крестьян от помещика и превращение их в свободных людей; отмена «барщины», принудительного труда на помещика; наделение крестьян землей на основе долгосрочного выкупа.

При освобождении от крепостной зависимости крестьяне села Болотное получили земельные душевые наделы в размере 4 десятин (или 4,4 гектара) на каждую мужскую душу. Большинство дворов получило по два душевых надела или по 8,8 гектара земли с рассрочкой выплаты на 50 лет, т. е. от 1861 до 1911 года.

Барщина обыкновенно отнимала у крестьян Болотного три-четыре дня в неделю, половину рабочего времени в летнем сезоне. После отмены ее крестьяне имели в своем распоряжении рабочего времени в два раза больше, чем раньше. Это освободившееся рабочее время земледельцы в пореформенной деревне стали использовать для улучшения своего хозяйства.

Они стали лучше обрабатывать свою землю; снимать в аренду помещичью землю и покосы; разводить больше скота, улучшать его качество; использовать на полях больше удобрений.

В результате этих мероприятий средняя урожайность основной зерновой культуры в Болотном, ржи, за пореформенную эпоху повысилась от 25-30 до 50-60 пудов (или от 4-5 до 8-10 центнеров) с гектара, т. е. в два раза. А урожаи других культур — конопли, картофеля, гороха, крупяных культур — повысились еще больше.

Имея больше кормов (зерна, картофеля, яровой соломы, сена), свободные земледельцы увеличили поголовье скота и птицы в несколько раз. Расширение кормовой базы и разведение лучших пород скота привели к повышению продуктивности животноводства.

Так в результате улучшения растениеводства и животноводства ~~свободные~~ крестьяне, инициативные хозяева, стали получать от земледелия в несколько раз больше дохода, чем в крепостную эпоху.

Кроме того, почти все крестьяне стали получать дополнительные доходы извне: от наемного труда (в качестве батраков, лесных рабочих, работ на отхожих промыслах); от занятий ремеслом и в кустарных предприятиях; от арендованной земли; от обработки земли тех, кто уходит на заработки.

Часть этих дополнительных доходов шла на уплату выкупных платежей за землю, за душевые наделы, полученные после проведения Крестьянской Реформы в 1861 году. Но эти платежи, в среднем около четырех золотых рублей в год с каждого двора, составляли незначительную часть от дополнительных доходов освобожденного крестьянина. А с 1906 года эти выкупные платежи за землю были вообще досрочно отменены правительством министра-реформатора П. А. Столыпина.

Дополнительные доходы от более прибыльного хозяйства свободные крестьяне расходовали на улучшение жизни, на облегчение труда, на расширение и дальнейшее усовершенствование своего хозяйства.

Питание огромного большинства крепостных крестьян было необычайно скудным: хлеб, картофель, лук, пустые щи. Один старик, вспоминая эту полуголодную жизнь, говорил писателю Глебу Успенскому: «Как только выжили!...» А в пореформенную эпоху крестьяне даже малоземельного села Болотное в небогатой Орловской губернии стали питаться удовлетворительно. Они имели достаточно не только хлеба, картофеля и овощей, но и других, более питательных, продуктов: круп, растительного (конопляного) масла, молока, яиц, коровьего масла, сала. По воскресеньям и другим праздничным дням крестьяне ели мясо (в дореволюционной деревне праздничные дни составляли треть года).

Свободные крестьяне смогли значительно улучшить свою одежду. Они могли завести вместо одного, как было прежде, два комплекта одежды: рабочий и праздничный. Для зимы земледельцы теперь имели валенки, для праздников — сапоги или ботинки.

За пореформенную эпоху жители Болотного поразительно улучшили свои жилища. В крепостную эпоху жилищем крестьянской семьи служила обычно ветхая однокомнатная избушка. Она была без дымохода: не хватало средств для покупки кирпича и оплаты мастера. Во время топки дым наполнял жилье, выходил в открытую дверь; все стены и потолок были покрыты копотью. Освещение в крестьянских хатах прежде было «самодельное»: горела лучина или коптилка (фитилек на блюдечке с маслом). В таких хатах было всегда полутемно: вечером — из-за лучиночно-копильного освещения, а днем — из-за маленьких окон в хате. Такие избушки крепостной эпохи назывались: «черные» или «курные» (от слова «курить»: и топящаяся печь, и лучина, и коптилка — постоянно «курили», т. е. дымили и коптили).

После того, как благосостояние крестьян Болотного повысилось, они стали строить избы гораздо лучшего типа: не осиновые, а березовые или сосновые; не однокомнатные, а двухкомнатные, большие по площади и более высокие. Новые избы строились с большими окнами. Освещались избы уже не лучиною, а керосиновыми лампами. Такие избы назывались «белыми» или «светлыми». В просторных и светлых избах крестьянам веселее жилось и лучше работалось.

Свободные земледельцы использовали свои повышенные доходы также для усовершенствования техники в хозяйстве. Раньше женщины пряли нити для полотна или сукна веретеном, т. е. простой оструганной палочкой. В пореформенную эпоху все женщины Болотного смогли обзавестись прядильными станками — «прялками». Работа на них была более легкой и производительной. За эти качества крестьянки называли этот станок «самопрялкой».

Огромное большинство крестьян в селе смогло купить однолемешные или двухлемешные плуги, которые во время работы двигались на колесах. Сохой продолжали пахать землю только самые бедные крестьяне, 10—20 процентов, те, кто еще не смог накопить средств для покупки плуга.

Другие тяжелые земледельческие работы тоже были заменены более легкой работой на машинах. Зажиточные крестьяне села купили на земском складе несколько молотилок и веялок. И все крестьяне стали производить молотьбу не цепами, а конными молотилками. Веять зерно они стали не деревянными лопатами на ветру, как прежде, а веялками.

Так пахоту, молотьбу и веяние жители Болотного уже механизировали и сильно облегчили. Некоторые купили сеялки.

Многие земледельцы строили и открывали кустарные предприятия: мельницы, крупорушки, масленицы; толчеи, овчинные мастерские, волнобойки; портняжные мастерские; кузницы, столярные мастерские и т. д. В селе Болотном за каждые два года открывалось одно новое кустарное предприятие или появлялась новая машина (молотилки, веялки). Каждый пятый двор в селе накануне переворота 1917 года имел кустарное предприятие или машину.

За пореформенную эпоху крестьяне села купили у соседнего помещика около 170 гектаров земли с выплатой стоимости в рассрочку. На этой земле было создано 50 небольших отрубов и три хутора.

Душевые наделы крестьян в земельной общине переделались через каждые три года. Но часть этой наделной земли, около 25 процентов всей площади, однодесятинные или двухдесятинные усадебные и приусадебные земли, имели форму отрубов и переделам не подвергались. После столыпинских земельных реформ крестьяне села Болотное предполагали вообще ликвидировать земельную общину и разделить всю землю на отруба и хутора. Они ожидали очереди для землеустроительных работ. Но этому делу помешала русско-германская война 1914-1917 годов и революция 1917 года.

Огромный прогресс сделало Болотное в области просвещения. В конце крепостной эпохи в селе было только несколько человек грамотных крестьян: дьячек, из местных жителей, и некоторые люди из бывших дворовых. Никакой школы ни в Болотном, ни в окружающих деревнях не было. А в свободном селе появились школы: сначала частная — в доме дьячка, а потом — трехклассная церковно-приходская школа. Накануне революции 1917 года в селе более 2/3 населения было грамотным. Неграмотными остались, главным образом, старики. А среди детей школьного и подросткового возраста грамотных было около 90 процентов.

В крепостную эпоху начальником села был староста, назначенный помещиком. В пореформенную эпоху сельский староста и писарь стали избранниками народа. Они ежегодно избирались населением, были подотчетны и подконтрольны сельскому сходу — общему собранию крестьян.

Крестьяне нескольких соседних деревень (волости) выбирали волостное правление: волостного старшину и волостного писаря (секретаря).

Они выбирали также постоянных заседателей народного суда и принимали участие в выборах руководителей уездного и губернского земств.

Так освобожденное от крепостнического ярма село Болотное, на основе свободы и личной инициативы, развивалось в пореформенную эпоху, от 1861 до 1917 года. Оно развивалось быстро, неуклонно и всесторонне: в экономическом, политическом, техническом и культурном отношениях.

I. Село крестьян-единомочников и государственный оброк

1. СЕЛО В ПЕРИОД НАТУРАЛЬНОГО КОММУНИЗМА И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917—1920 годы)

Большевистская власть в селе

После Октябрьского переворота в 1917 году в столице, большевики, под руководством своего центрального комитета, захватили власть и на местах: в губерниях, а потом в уездах и деревнях. Чиновники Временного Правительства были изгнаны из органов управления и арестованы. Так была установлена большевистская власть и в Орловской губернии.

В уезде, к которому принадлежало село Болотное, власть была захвачена уездным революционным комитетом (ревкомом), который был назначен уездным комитетом коммунистической партии. Впоследствии ревкомы были переименованы в исполкомы.

Только несколько месяцев уездный ревком состоял из большевистских и левоэсеровских комиссаров. После того, как партия левых эсеров была разгромлена в центре и исключена из советской правительственной коалиции, уездный ревком тоже стал однопартийно-большевистским. Это было летом 1918 года.

Уездный ревком назначил волостных комиссаров, а волостной — сельских.

Так власть повсюду была установлена сверху, однопартийная коммунистическая диктатура. Официально она называлась: «советская власть», или «диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства».

Большевистский уездный ревком разгромил все местные организации других партий: кадетов, октябристов, эсеров — сначала правых, потом левых. Руководители этих организаций были посажены в тюрьму.

Был издан и широко опубликован приказ о немедленной сдаче оружия властям. За хранение оружия грозила смертная казнь. Это был один из самых первых приказов советской власти в уезде.

Разгромив некоммунистические партийно-политические организации, обезоружив население, вооружив всех коммунистов, большевистская власть осуществляла свою политику, не считаясь с населением.

В деревнях большевиков было очень мало. Но всю власть в деревнях уездный ревком передал только им.

В волостях в те годы были волостные комиссары: земельный, продовольственный, военный, председатель волревкома (волисполкома).

В деревнях было два руководителя: сельский комиссар и председатель комитета бедноты («комбеда»).

Зимой 1917-го года в Болотное вернулись два дезертира из армии. Они вступили в партию большевиков.

Одному из этих большевиков, отходнику-бобылю, горькому пьянице, был вручен пост сельского комиссара.

Председателем комитета бедноты, «комбеда», был назначен молодой отходник, краснобай и беспринципный человек, руководившийся в своей деятельности только интересами личными и своих близких.

В других селениях большевиков тоже было очень мало: один-два на деревню. В местных деревнях было так мало большевиков, что в волости не было даже сельских партийных ячеек: обычно там не находилось даже трех членов партии, чтобы образовать ячейку. Поэтому была только одна партийная организация, которая руководила политическими делами во всех деревнях волости.

В то время советская власть, начиная от столичной и кончая сельской, повсюду — и в конституции и на собраниях — откровенно провозглашала себя «диктатурой»: «диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства». И была, действительно, открытой диктатурой: монопартийной диктатурой партии большевиков.

Сельский комиссар — в сапогах, галифе, в кожаной тужурке — ходил по Болотному и, размахивая револьвером, командовал, кричал, грозил, отдавал приказы.

— Законов больше нет! — орал он во всю глотку. — Все старые законы товарищ Ленин отменил. Мои приказы — вот закон!.. Это вам не фунт изюму, а всамделишная диктатура пролетариата и сельской бедноты! Потому — у кого оружие, у того и власть!..

Он постоянно производил обыски, конфисковал то, что ему понравится, отбирал у крестьян продукты, скот, вещи, «боролся с самогонкой»...

Большевистская власть провозгласила своей опорой бедноту и свою политику старалась осуществлять через нее. Так, например, проведение продразверстки в деревне было передоверено советской властью сельским группам и комитетам бедноты, «комбедам», которыми обычно руководили местные партийцы или комсомольцы.

Партийный председатель комбеда в Болотном действовал по своему произволу. Земля после революции распределялась в деревнях равномерно по живым душам. Но продразверстку в селе председатель комбеда распределял не по количеству земли, а по другим признакам. Членов комбеда, своих родственников и приятелей, он освобождал от продразверстки, а на другие дворы раскладывал разверстку в многократном размере. У одних крестьян председатель комбеда продукты отбирал. А другим дворам он раздавал продукты.

У зажиточных крестьян власть отобрала все кустарные предприятия и сдала для управления членам комбеда.

Большевистская власть свою экономическую и политическую борьбу направила против зажиточных крестьян, которых официально называла бранной кличкой: «кулаки». Советская власть отобрала у них кустарные предприятия, часть их земли и конфисковала у них и продукты и скот.

Советское правительство отстранило зажиточных крестьян от всякого участия в политической жизни государства. Их лишили права голоса и не пускали на собрания, мотивируя тем, что они являются «классовыми врагами», ибо они «богаты», имели кустарные предприятия, или тем, что они являются «эксплуататорами», так как до революции нанимали на лето батрака или батрачку.

У местного лавочника конфисковали все его имущество. Сам он в эти месяцы умер, а семья уехала в город.

Семью священника тоже лишили права голоса, подвергали обыскам. Священник с семьей тоже поспешил куда-то уехать.

С самого момента своего возникновения, большевистская диктаторская власть приучала все население, а особенно «мелкую буржуазию», «крестьян-собственников», к повиновению и покорности, обуздывая инакомыслящих и непокорных.

Если кто-либо осмеливался возражать, критиковать власть или местного партийного начальника, то уже через несколько дней он мог ощущать тяжкие последствия этой непокорности. Чаще всего местные начальники применяли такие методы борьбы с непокорными:

во-первых, конфискацию продуктов и скота;

во-вторых, донос в уездную «Чека» («Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем»). Этот донос часто оканчивался арестом и тюрьмой.

Предлоги для доноса и ареста легко находили в деятельности и разговорах каждого крестьянина. Высказал кто-либо недовольство советскими порядками, критическое замечание о комиссаре или партийной ячейке — это расценивалось, как «контрреволюция». Выменяла баба за хлеб или картофель у горожанина коробку спичек, кусок мыла или фунт соли, — это называлось «спекуляцией». Неполностью выполнил крестьянин наложенную на него комбедом непосильную подрастертку — это характеризовалось, как «антисоветский саботаж»...

В первые годы революции очень многие крестьяне были арестованы Чекой, побывали в ней на мучительных допросах и посидели в тюрьме.

В тюрьме, по рассказам заключенных, их мучили разными пытками: жарой и холодом, голодом и жаждой, истязали побоями. Один, побывавший в тюрьме, местный политический деятель рассказывал о том, как его сначала мучили голодом, добиваясь от него требуемых показаний. Потом накормили селедкой и несколько дней не давали ни капли воды и никакой жидкой пищи. Жажда мучила, с ума сводила... А потом дали некипяченой воды и вызвали мучительное расстройство желудка...

В те годы было много расстрелов. Каждый уездный комиссар мог не только расстрелять, но и просто застрелить жителя, и за это он ни перед кем не отвечал. Расстреливала не только Чека, но и военный комиссар, и продкомиссар, и другие.

Были расстрелы крестьян за укрытие хлеба при разверстке.

Военный комиссар в пьяном виде разболтал, как он со своим отрядом самолично расстрелял двух юнцов, уклонившихся от призыва в Красную армию. Когда в 1918 году был объявлен приказ советской власти о принудительном призыве в Красную армию, два юноши не явились на призывной участок и скрывались. Их скоро поймали и

привели к уездному военному комиссару на расправу. Тот решил: для устрашения других призывников точно выполнить приказ правительства о расстреле дезертиров и уклоняющихся от военной службы. Восемнадцатилетние юноши, после оглашения приказа о расстреле, рыдали у вырытой могилы, как обезумевшие, ползали на коленях у ног военного комиссара, умоляли его пощадить их, обещали верно служить в Красной армии. Но ничего не помогло. Беспощадный комиссар выполнил жестокий приказ советского правительства . . .

Некоторые расстрелы уездная Чека производила даже публично. В 1917 году для сведения населения был опубликован приказ Чека о сдаче органам советской власти всякого оружия, имеющегося у населения, и о расстреле за невыполнение этого приказа. Во время последовавшего затем обыска в уездном городе в одном доме был найден револьвер. Чека немедленно арестовала офицера, не сдавшего свое оружие советской власти, и его отца, земского деятеля, на квартире которого оружие было найдено. На второй день на окраине города днем была назначена публичная казнь — расстрел — офицера и его отца. Расстрел был произведен отрядом Чека, в присутствии большого количества любопытных. В городе была совершена публичная казнь, о которой раньше ни местные жители, ни их предки даже не слышали. Эта казнь возымела свое действие: население было ошеломлено и запугано большевистским террором . . .

Так узурпаторская власть осуществляла свою диктатуру драконовскими мерами. Беспощадным террором она приучала подсоветское население к соблюдению главного правила поведения в условиях диктатуры: «держат язык за зубами и повиноваться власти всегда, во всем и беспрекословно!» . . .

Национализация кустарной промышленности

Советская власть провела национализацию (огосударствление) всех промышленных предприятий — крупных, средних и мелких, кустарных, — не только в городе, но и в деревне.

Все кустарные предприятия и машины в Болотном — мельницы, толчеи, масленицы, молотилки и т. д. — были отобраны у хозяев, объявлены государственной собственностью и переданы для управления местному комитету бедноты.

Как было организовано управление ими и как они работали после этого, может показать пример с мельницами. Две мельницы комбед закрыл: хлеба после разверстки оставалось у крестьян очень мало. Третья мельница, лучшая, «голландская», работала под управлением комбеда.

Заведывал мельницей представитель местного комбеда. Но мельничного дела он не знал, выполнять физическую работу не хотел. Поэтому он взял к себе на помощь «мельничного рабочего», бывшего мельника, который выполнял всю работу.

Но на государственной мельнице требовалось еще вести и канцелярскую работу. Весь помольный сбор с каждой мельницы должен был поступать в Упродком (уездный продовольственный комиссариат). Поэтому требовалось: записывать на каждой мельнице все зерно, привезенное для помола, в особых квитанциях; записывать весь помольный сбор; составлять ежемесячные отчетные ведомости о помоле и помольном сборе; отправлять все эти квитанции и ведомости, вместе с помольным сбором, Упродкому. Заведующим мельницей был человек малограмотный, а мельнику он не доверял. Поэтому для канцелярских дел он взял к себе на мельницу еще и другого помощника: грамотную девушку, учетчицу.

Если на частной мельнице всю работу выполнял один человек, хозяин, то теперь на государственной — работали три человека: заведующий, рабочий и учетчица.

Но работа мельницы от этого не улучшилась, а ухудшилась. Мельничные работники получали за свой труд ничтожную плату: паек, несколько килограммов муки. Все они, особенно заведующий, старались украсть хлеба: для семьи, на другие нужды. А сделать это они могли, обманывая государство или помольщиков. В некоторых случаях они совсем не записывали в квитанциях ржи, привозимой для помола, а взятый при этом помольный сбор забирали себе, надувая государство. В других случаях мельничные работники записывали в квитанциях уменьшенный вес сданного на помол зерна. «Недовес» забирали себе и обкрадывали, таким образом, помольщиков.

Таким же образом проходила «работа» и других заведующих кустарными предприятиями и машинами: на маслобойке, на молотилках и т. д.

А некоторые предприятия были закрыты и совсем не работали: толчеи, овчинная мастерская, волнобойка. Толчеи и волнобойка не работали потому, что государство отбирало у крестьян почти все замашки и всю волну. Овчинная мастерская не работала из-за того, что государство отбирало у крестьян весь скот; убой же скота хозяевами воспрещался.

Среди закрытых предприятий были такие, которые работали иногда тайно, по ночам. Там работали их бывшие хозяева, которые один ключ сдали комбеду, а другой, запасной, оставили у себя...

О сохранности и ремонте государственных предприятий никто не заботился: ни правительство, ни комбед. Кустарная промышленность в селе в эти годы влачила жалкое существование: работала плохо, некоторые кустарные предприятия были разрушены. Мельницы и толчеи в это время стояли с поломанными крыльями.

Социализация земли

Перед Октябрьской революцией Ленин аграрную программу партии большевиков формулировал как «национализацию», то есть, превращение всей земли в государственную собственность. Но потом, в процессе политической борьбы с партией социалистов-революционеров, «эсеров», он заимствовал у нее программу «социализации» земли, то есть, передачу ее земельным общинам. Впоследствии советской властью опять официально была провозглашена «национализация» земли (в «Земельном кодексе» и в Конституции).

На практике ленинская «аграрная революция» проходила так:

Прежде всего было ликвидировано помещичье землевладение: помещичьи имения, «дворянские гнезда». В волости, к которой принадлежало село Болотное, до революции было три имения. После Октябрьской революции советская власть конфисковала их.

Одно из этих помещичьих имений — самое богатое и благоустроенное, с винокуренным заводом — было превращено в государственное имение, совхоз (советское хозяйство). По плану Ленина, совхо-

зы должны были стать образцовыми хозяйствами крупного социалистического земледелия и убедить крестьян в выгоде и необходимости перехода от мелкого индивидуального хозяйства к крупному социалистическому. Бывший владелец этого имения жил в каком-то большом городе и посещал свое имение только изредка. Конфискация имения произошла без него.

Владелец второго имения — наследник того помещика, который в крепостные времена владел и селом Болотное, — умер в первые же дни после Октябрьского переворота. Получив весть о захвате власти большевиками, этот земский деятель, член Государственной Думы, сказал своим родным: «Эту партию я еще в Думе узнал. Она все погубит... Теперь помирать надо...» И вскоре, действительно, умер. Семья его поспешила куда-то уехать. Волостной ревком передал землю этого имения для общего передела деревне, где была помещичья усадьба. А дом, усадьба и скотный двор были разграблены. Крестьяне той деревни рассказывали, что разграблением руководил большевистский ревком. Руководители власти сначала главную часть имущества (из ценных вещей и скота) забрали себе. А потом они не только призывали «грабить награбленное», но даже принуждали к грабежу. »Нет, вы, почтенные, хитроумные. мужички, от этого дела не откручивайтесь, — приставали они к крестьянам, которые в грабеже не хотели принимать участия. — Хоть щепку да возьмите из имения: чтоб отвечать — так всем, скопом!...»

Третье имение, помещика, сына купца, внука крепостного крестьянина, было передано соседней деревне для организации на нем большого поселка. Посельчане, в распоряжение которых власть передала все имение, со своими постройками, инвентарем и скотом, сделали владельцу ряд уступок. Они оставили ему дом, все постройки, сельскохозяйственный инвентарь, несколько лошадей, часть продуктивного скота, сад и всю его большую усадьбу, с изрядным участком полевой земли, луга и леса. Помещик заявил, что он с семьей остается в доме и будет обрабатывать землю, как это делал его дедушка, крепостной крестьянин. Так он, действительно, и сделал: со своими детьми сам стал заниматься земледелием.

Таким образом, все три помещичьих имения в волости были ликвидированы, но разными путями: одно было превращено в государственное имение (совхоз); другое — преобразовано в поселок; третье было разграблено, а земля — разделена в общине.

Наряду с помещичьими имениями, большевистская власть ликвидировала столыпинские хутора, трудовые фермерские хозяйства. Она назвала их «кулацкими гнездами» и ставила своей первоочередной задачей: ликвидировать их, как и «дворянские гнезда».

Власть объявила приказ: все хутора и отруба присоединить к соседним земельным общинам для общего передела. А самим хуторянам (фермерам) приказано было: срочно сломать все свои постройки и вернуться в те деревни, где они жили раньше.

Хуторяне против этого приказа бурно протестовали. Они доказывали власти, что их хутора, как небо от земли, отличаются от помещичьих имений, с которыми советская власть пытается их смешивать.

Во-первых, хуторяне приобрели землю за свои трудовые деньги.

Во-вторых, их хутора — площадью от 12 до 30 десятин (от 13,2 до 33 гектаров), представляют собой только трудовой надел для крестьянской семьи, на хуторе нет земельных излишков.

В-третьих, столыпинский хутор — это трудовое крестьянское хозяйство, которое ведет своим трудом семья хуторянина, без наемного, батрацкого труда. Не больше десяти процентов хуторян нанимали сезонных работников, батрака или батрачку, в зависимости от недостатка в семье работника той или другой категории: женщины, мужчины или подростка.

Доказывая все эти обстоятельства местным органам власти, хуторяне просили оставить их там, где они жили, на их участках, за какие они выплатили много денег и которые успели уже значительно благоустроить. Они не возражали против того, чтобы земельная площадь их хуторов была доведена до той нормы, которая установлена в соседних земельных общинах.

С этими ходатайствами, письменными и устными, хуторяне ездили в уезд, в губернию и даже в столицу. Но ничего не помогало. Большевистская власть, замышляя уничтожить частную земельную собственность и организовать «социалистическое земледелие», не хотела оставить индивидуальных трудовых ферм, непримиримых и наглядных антиподов социалистической собственности.

Власть зимой 1917-1918 года принудила хуторян ломать свои постройки и переносить их в деревни, откуда они недавно выселились

на участки. Власть обязала фермеров возвращаться в земельную общину, от пут которой они бежали.

Стольпинские хутора были ликвидированы властью повсеместно. Коммунистическая власть видела в них своего непримиримого врага и относилась к «антисоциалистическим кулацким гнездам» еще более враждебно, чем к «дворянским гнездам»: помещичьи имения в среде крестьян авторитетом не пользовались, а стольпинские хутора были наглядным воплощением мечты крестьянина.

Крестьяне Болотного никакой дополнительной земельной площади из конфискованных помещичьих имений не получили. К земельной общине были присоединены только три стольпинских хутора, которыми до революции уже пользовались члены их же земельной общины.

По распоряжению советской власти, земля между крестьянскими дворами в общине Болотное и во всех других деревнях распределялась чересполосно, «по живым душам», то есть, пропорционально числу членов семьи в каждом дворе.

Ввиду постоянного изменения в численном составе семейств (рождение, смерть, браки), передел земли между членами общины производился ежегодно.

Площадь земли на двор в среднем осталась без изменения. Но между крайними полюсами земельной общины произошло выравнивание: за счет многоземельных увеличилась площадь малоземельных; была также выдана земля и жителям безземельным (перед революцией 1917 года в Болотном было 3 безземельных двора из общего количества 130).

Что касается формы землепользования, то она осталась прежней: чересполосица и переделы в общине. Даже еще ухудшилась. Если прежде вся земля переделывалась между членами общины через каждые три года, то теперь она стала подвергаться ежегодному переделу.

Ежегодно стали подвергаться переделу также усадебные и приусадебные участки, которые прежде, до революции, переделам вообще не подвергались.

Прежние неделимые участки, хутора и отруба на купленной земле, тоже были пущены в общий ежегодный передел.

До революции община выделяла священнику двенадцать десятин, 13,2 гектара, земли в трех постоянных участках: две десятины — усадьба, восемь десятин — полевая земля и две десятины — луг. После революции советская власть приказала: эту землю пустить в общий передел, и священнику общественной, государственной земли, как «нетрудовому элементу», не выделять.

Продразверстка и государственное распределение

Типичная картина деревенской жизни тех лет была такова: от двора ко двору ходил большой вооруженный отряд — из «продармейцев», партийцев, комсомольцев, милиционеров, членов комбеда. Отряд отбирал у крестьян продукты, скот.

— Продразверстка! — летела по селу тревожная весть...

В деревне это слово звучало, как «чума!..» Передавая друг другу тревожную весть, крестьяне злобно и неистово ругались...

Свое название «продразверстка» получила от способа ее проведения. Общую сумму продуктов, которую правительство наметало собрать для армии и городского населения, оно распределяло, «разверстывало», по губерниям. Губернские органы власти распределяли эту разверстку по уездам, уездные — по волостям, волостные — по деревням. А сельская власть (комбед) «разверстывала» наряды по крестьянским дворам, собирала и сдавала уездному органу власти — Упродкому (Уездному Продовольственному Комиссариату).

Распределение продразверстки по дворам и изъятие продуктов и скота советская власть передоверила сельским комитетам бедноты, во главе которых стояли местные партийцы или комсомольцы.

Председатель комбеда в Болотном был молодой большевик, дезертир, из отходников.

Продразверстку по дворам сельский комбед распределял по своему произволу. Чаще всего так: своих родных, приятелей — собутыльников, местных начальников, а также членов группы бедноты, он от продразверстки совсем освобождал. А на другие дворы распределял и долю освобожденных от разверстки. Но этого мало. С людей, не принадлежащих к его окружению, он старался собрать продуктов сверх нормы, как можно больше: «излишки» от сданной продразверстки

он раздавал родным и приближенным, местным начальникам, сбывал за водку, за вещи. Продукты в тот голодный период имели наибольшую ценность, выполняли роль денег.

Крестьяне были возмущены такой практикой продразверстки, но жаловаться было некому и некуда: такая практика была повсеместно, «от Москвы до самых до окраин». Даже придворный большевистский поэт, Демьян Бедный, охарактеризовал тогдашних коммунистов — начальников так:

«... Воры, взяточники, бражники
Повылазили вперед...»

Жители Болотного видели, что честного большевика — шахтера выбросили из партии и с поста волостного комиссара, за то, что он пытался бороться с произволом и несправедливостью при выполнении продразверстки и распределении городских товаров.

Крестьяне были возмущены и самой продразверсткой и методами ее проведения.

Во-первых, работники земли были недовольны тем, что власть отбирала у них продукты и скот совершенно бесплатно, ничего не давая им взамен и не обещая этой оплаты даже в будущем.

Во-вторых, хлеборобы были недовольны тем, что у них забирают все продукты, за исключением самой скудной нормы, не оставляя им ничего для кормления скота, птицы, для нужд обмена.

В-третьих, крестьянство было недовольно развесткой потому, что она не была регулирована заранее никакими определенными законами: ни по ее размерам, ни по срокам, ни по ее соотношению к земле. Она сваливалась на крестьян, как снег на голову. Выполняли крестьяне одну разверстку, вскоре получали приказ о другой. В первый раз комбед наложил на этот крестьянский двор такую сумму, а завтра наложит иную: все от него зависело. Свою полную зависимость от комбеда крестьяне выразили в новой пословице: «Все под комбедом ходим», по аналогии со старой: «Все под Богом ходим»...

Что касается одного вида продразверстки — мясопоставок, то здесь дело обстояло еще печальней, чем с поставками зерна и картофеля.

Весь скот в деревне, вплоть до каждого ягненка и цыпленка, органами местной власти был взят на строжайший учет. Убой, продажа скота или птицы хозяином были абсолютно воспрещены, под

угрозой тюремного заключения и конфискации имущества. По приказу советской власти, крестьянин должен был кормить, выхаживать и сохранять свой скот и птицу, в ожидании того момента, когда власть сочтет нужным конфисковать этот скот для нужд государства. Но есть мясо от своего скота или обменять свой скот и птицу на что-либо необходимое, крестьянин не имел права...

Естественно, что при этих обстоятельствах, крестьяне возмущались и протестовали и властью, которая ее проводила.

Возмущение было настолько сильное, что в деревнях уезда происходили постоянные столкновения безоружных крестьян с вооруженными продовольственными отрядами. В одной деревне крестьяне убили председателя комбеда. В другой убили уездного комиссара, который при изъятии хлеба угрожал револьвером. Вооруженные карательные отряды перестреляли десятки людей в этих деревнях...

В эти годы советская власть отбирала у крестьян все продукты сельского хозяйства: зерновые, картофель, мясо, молоко, яйца, шерсть и другие.

А крестьяне в эти годы от государства ничего не получали, хотя они сильно нуждались, особенно в таких товарах широкого потребления, как соль, керосин, спички, мыло, гвозди, посуда, инструменты, обувь, мануфактура и т. д.

После Октябрьского переворота торговля была совершенно разрушена.

Магазины, ларьки, склады с товарами в уезде были конфискованы местными органами власти якобы «для снабжения бедного населения».

Но почти все это пошло местным начальникам да их близким. Секретарь уездного комитета коммунистической партии забрал себе лучший особняк в городе и обставил его с такой роскошью, которой там не было никогда у прежнего его хозяина-помещика, предводителя дворянства. Сам этот «партийный вождь уездного масштаба», присланный из Губкома, пожилой человек, вчерашний рабочий, женился на молоденькой купеческой дочери, погибавшей от голода и притеснений. Он устроил для своей молодой жены такую роскошную жизнь, что она хвалилась своим бывшим подругам: «Такой роскоши я никогда не видала в доме своего отца, купца первой гильдии»...

Другие уездные начальники шли по стопам своего «вождя», растаскивая конфискованные товары, имущество, драгоценности.

Из конфискованных товаров и ценностей бедному населению достались только «рожки да ножки».

Национализированная крупная промышленность в больших городах и мелкая кустарная промышленность в мелких городах и деревнях почти не работала.

Денежная система в советском государстве была тоже разрушена.

Начало этому разрушению положило еще Временное Правительство, выпустив много бумажных денег в крупных банкнотах: двадцати- и сорокарублевые «керенки». Это обесценило деньги.

Но большевистское правительство, Совет народных комиссаров, сознательно и планомерно разрушало денежную систему. Ленин считал денежную систему сущностью и символом капитализма и стремился построить натуральное социалистическое хозяйство, безденежный продуктообмен между городом и деревней через государственные органы распределения. Ленин писал, что осуществив социализм, новое государство, в знак своего презрения к золоту, построит из него общественные уборные... Исходя из такой оценки денег, большевистское правительство систематически и планомерно разрушало денежную систему.

Советское правительство объявило недействительными все бумажные деньги и всякие ценные бумаги прошлого, как деньги царского правительства, так и деньги Временного правительства. Оно приказало, под угрозой строжайших наказаний, сдать органам власти все золотые и серебряные монеты и драгоценности.

А для расплаты со служащими и рабочими стало выпускать огромное, произвольное и безучетное количество бумажных денег, или, по официальной терминологии, «денежных знаков». Деньги теряли свою ценность со сказочной быстротой, «не по дням, а по часам». Сначала правительство выпустило «денежные знаки» сторублевого достоинства, потом — тысячерублевого, а затем — миллионного и миллиардного...

Что касается реальной ценности денег, то о ней можно судить по такому факту: стоимость коробки спичек на черном рынке в те времена дошла до миллиарда рублей... Деньги в первые годы советской власти потеряли всякое значение.

Расценивая деньги и торговлю, как основу капиталистической экономики, вожди большевизма строили социалистическую экономику без денег и без торговли. Советское правительство в те годы заменяло деньги и торговлю прямым государственным распределением среди населения всех материальных благ в их натуральной форме: в виде продуктов питания, одежды, обуви, жилищ и т. д. Это распределение большевистская власть организовала, как прямой продуктообмен между городом и деревней — через государственные органы. Коммунистические вожди в те годы строили экономику в форме натурально-потребительского коммунизма.

Советская власть забирала у крестьян продукты для армии и городского населения бесплатно. Она предполагала снабжать крестьян промышленными товарами из города тоже бесплатно.

В первые годы революции государственные магазины (вернее, склады) носили тогда характерное официальное наименование — «потребительские коммуны»: «сельские потребкоммуны» и «городские потребкоммуны».

Но промышленных товаров для распределения среди населения у советского правительства было очень мало. Из магазинов и складов товары были расхищены на месте начальниками; остальные товары были расхищены на пути следования от этих складов, через длинную цепь государственных органов, до «потребительских коммун».

А новых продуктов национализированная промышленность, крупная, средняя и мелкая, кустарная, почти не производила; она была разрушена из-за плохого руководства и недостатка сырья.

Это состояние социалистической экономики в те годы даже советские поэты характеризовали саркастически. Например, Демьян Бедный так изображал советскую промышленность того времени:

«Главтабак — без табаку,
Главтелега — на боку,
У Главмыла — нету мыла . . .»

А Маяковский в своем стихотворении «Прозаседавшиеся» издевался над бесконечными заседаниями всевозможных комиссий по поводу распределения . . .

«склянки чернил . . .
Губкооперативам».

Пока ничтожное количество товаров из государственных складов проходило через бесконечную цепь, распределительных органов (склады: местный — центральный — губернский — уездный — волостной — сельский), от этих товаров оставались только «рожки да ножки». А эти последние попадали сельским коммунистам — начальникам и «комбедам».

Крестьянам из этих «потребительских коммун» ничего не доставалось.

Расходясь от «потребительской коммуны» по домам с пустыми руками, и видя, как члены комбеда порой все же несут оттуда что-либо из «рожек и ножек» — фунт соли, кусок мыла или коробку спичек, — мужички отчаянно ругались:

— Когда берут продразверстку, то это с нас, а не с бедноты. А когда что-либо дают в «коммунии», то это — бедноте, а нас — мимо. Вот уж, действительно «коммуна»: кому — на, кому — нет ничаво... Растак ее так... с перетаком!..

Всякая частная торговля — и денежная и обменная — в те годы расценивалась советской властью как «спекуляция» и была воспрещена под угрозой конфискации имущества и тюремного заключения.

Официальная мотивировка этого воспрещения была такая: правительство строит экономическую систему государственного распределения материальных благ среди населения, а денежная торговля эту политику натурально-потребительского коммунизма подрывает. Следовательно, торговля представляет собою деятельность антикоммунистическую, антисоветскую. Кроме того, торговые операции при денежной торговле, в условиях обесцененных денег, неминуемо исчисляются в повышенных, то есть, «спекулятивных» ценах.

Обменная торговля тоже представляла собою антизаконную, антисоветскую деятельность, ибо она тоже нарушала советские законы и подрывала систему планового государственного распределения. Если крестьянин за ковригу хлеба или за мешок картофеля выменял у горожанина старую рубашку, то, с точки зрения тогдашней политики советской власти, оба они нарушили советские законы о государственном распределении, совершили преступление. При продразверст-

ке крестьянин должен был сдать все свои продукты, кроме необходимого минимума, государству. А если у него есть мешок картофеля или коврига хлеба для обмена, то это значит, что крестьянин при продразверстке скрыл от государства эти продукты и за счет этих «излишков» теперь «спекулирует»... Аналогичное обвинение советская власть предъявляла и горожанину: почему он не сдал свою «лишнюю» рубашку «собесу» (отделу социального обеспечения) для бесплатной раздачи бедным, поскольку он сам получает свой продовольственный паек бесплатно? А вместо выполнения своего государственного долга он, горожанин, стал «спекулировать» рубашкою, обменивая ее на картофель...

Так перед советской властью оказывались «виновными» оба участника любой торговой операции.

На практике дела «о спекуляции» чаще всего заканчивались не тюрьмой и конфискацией имущества, а только конфискацией товаров, участвующих в торговой сделке. В приведенном примере милиционер забирал и рубашку горожанина и мешок картофеля у мужика, для запугивания «спекулянтов» составлял протокол, а потом и картофель и рубашку «конфисковал» в свою личную пользу, а протокол уничтожал...

«Потребкоммуна» в уездном городе могла снабжать городское население только голодным пайком: обычно от 50 до 100 граммов хлеба на человека в день да немного картофеля. Только руководители партийно-советских учреждений получали на особом складе «пак ответственного работника», или «ответственный паек», в котором было и мясо, и масло, и яйца, и сахар, и крупы, и фрукты.

Что касается деревенских «потребкоммун», то массе крестьян там вообще ничего не выдавали.

При этих обстоятельствах и крестьяне и горожане, несмотря на категорическое воспреещение и опасность всякой торговли, никак не могли обходиться без нее, не могли без торговли жить. Запрещенная торговля была тайной. Из-за инфляции она была натурально-меновой.

Торговля, антизаконная, наказуемая, тайная, была очень затруднена. Она была выгодной только для милиционеров и местных начальников, которые почти все конфискованные продукты и вещи забирали себе или вымогали взятку, обещая смотреть на такую торговлю «сквозь пальцы». Для участников же тайной торговли она

была невыгодной. При свободной торговле, т. е. при отсутствии конфискации, арестов, взяток, неминуемых «накладных расходов» тайной торговли, горожанин мог бы получить за свою вещь больше продуктов, а крестьянин за свои продукты — больше вещей.

Острая нужда горожан в продуктах, прежде всего в хлебе, а крестьян — в предметах широкого потребления, прежде всего в соли, керосине, спичках, мыле, — при сложившихся обстоятельствах не могла быть нормально удовлетворена на месте: торговля была воспреещена, транспорт разрушен.

Тогда многие люди из Орловщины стали пробираться за хлебом и солью на Украину и даже к соленым озерам. Этих людей, ехавших обычно с мешками, прозвали «мешочниками», а советская власть заклеила «спекулянтами».

Дорога тогда была трудной и очень опасной. Часто приходилось «мешочникам» ехать на крышах вагонов, на буферах и гибнуть под колесами. Нередко приходилось плестись пешком. Повсюду рыскали «заградительные отряды», которые все отбирали. На окраинах России кипела гражданская война. Многие возвращались из таких поездок с пустыми руками. Другие — больные и искалеченные. Иные — погибали в дороге.

Вернувшиеся рассказывали разные вести о тех краях, куда они ездили. Так, например, об Украине рассказывали, что пшеницы там у крестьян много, выменять ее на какую-либо вещь или серебрянную монету можно было бы сравнительно недорого, — но как, при тогдашнем транспорте и заградительных отрядах, привезти оттуда мешок пшеницы?!. Говорили: хлебоборобы не имеют никакого интереса сдавать бесплатно хлеб государству. Они хлеб прячут или выделывают из него «горилку». Вся Украина затоплена морем горелки и превращена в пьянствующую Запорожскую Сечь. Соберутся несколько соседей и пьянствуют оравой без перерыва: сегодня «дуют горилку» у одного соседа, завтра — у другого, послезавтра — у третьего и т. д., а через неделю — опять у первого...

Некоторые орловцы в поисках соли добивались даже до соленых озер — Эльтона и Баскунчака.

Вернувшись, рассказывали, что к этим озерам со всех сторон собиралось много людей: они хотели раздобыть там соленой гущи и, высушив ее, достать соли. Но вокруг озер стояли цепью красноармейцы и никого к озерам не допускали, угрожая стрельбой.

— Ну ж и власть! — ругались эти неудачники, которым пришлось от соленых озер возвращаться, «не солено хлебавши»... — Люди мучаются, болеют, гибнут без соли. А власть — как собака на сене: ни сама не добывает, ни людям не дает!..

Политика продразверстки, воспреещение всякой торговли привели советскую деревню к разорению.

Крестьяне, у которых отбирали все продукты, потеряли всякий интерес к своему труду: они работали неохотно, спустя рукава. Навоза в поле за первые три года революции, до НЭП-а, земледельцы не вывозили совсем: не видели в этом никакого интереса, никакой цели.

Каждый год в Болотном и во всех других деревнях создавались «посевкомы»; т. е. комитеты по посевной кампании. Они состояли из местных начальников, партийцев, комсомольцев, членов «комбебеда». Члены посевкома ходили по дворам, по полям, «атитировали» и понукали потомственных земледельцев к тому, чтобы те вспахивали и засевали всю землю. А пахари, потерявшие всякую материальную заинтересованность в работе, старались пахать как можно меньше: лишь бы норму хлеба для семьи выработать. Площадь под посевами в Болотном и повсюду за все годы продразверстки от 1918-го до 1921 года — с каждым годом неуклонно уменьшалась и урожайность падала.

А советская власть накладывала на крестьян разверстку за разверсткой и ежегодно создавала посевком за посевкомом...

Острый недостаток хлеба стал ощущаться у самих крестьян. Большинство жителей села в те годы ели хлеб с примесью: с натертым картофелем и жмыхами. Высшую степень материального благополучия хлебоборобы определяли тогда так:

— В этом дворе хорошо живут: чистый хлеб едят (без примеси)...

У крестьян не было керосина. Вместо керосиновых ламп в хатах теперь мерцали коптилки. Деревня погрузилась в темноту...

Особенно болезненно ощущался недостаток соли. Запасов дома не было. А доставка соли в деревни была прекращена сразу же после большевистского переворота: разрушены были торговля, транспорт, всюду полыхала гражданская война.

Люди стали расходовать соль с плюшкинской скупостью. Израсходовав всю, взялись за селедочные боченки, в которых хранилась соль: расколят боченок и вываривают щепочки. Потом то же проделывали с деревянными солонками.

В конце концов, почти все жители села остались совсем без соли. Они без аппетита ели несоленый суп, хлеб с примесями, ослабевали. Цынготные заболевания широко распространялись в деревнях.

В Болотном, во всех других деревнях уезда, губернии, по всей России свирепствовал тиф. Много людей умирало в те годы и в городах и в деревнях: от голода, истощения, от войны, скученности, тифа.

Советское правительство, вызвавшее это бедствие своей антинародной и неумной политикой, ограничивалось «плакатной борьбой» с этими бедами. Повсюду были развешены плакаты: «Вошь — враг социализма!» Объявим войну тифу!» «Проведем неделю бани!»...

ОБРОК И БАРЩИНА

(«Продразверстка» и «труд-гуж-повинности»)

Самой важной и тяжелой государственной повинностью, которую выполняли крестьяне в тот период, была «продразверстка», неурегулированный оброк, или дань для покорителей. Земледельцы Болотного и других орловских деревень большую часть выработанной продукции растениеводства и животноводства сдавали правительству.

А власть выдавала из этой продукции паек городскому населению и кормила армию, которая в 1920 году доходила до 5 миллионов человек (вместе с рабочими хозяйственной части). Изрядная доля продуктов животноводства шла «ответственным работникам», т. е. городским руководителям учреждений.

Значительную часть продукции, собранной по «продразверстке», местные начальники, сельские и волостные, забирали для себя, своих семейств, родственников, приятелей и приятельниц.

Часть собранных продуктов местные органы власти — комбед, сельсовет — раздавали сельской бедноте. Это была оплата бедноты за ее участие в изъятии продукции у крестьян, подкуп того слоя населения, который большевистская власть считала своей «опорой в деревне».

Местная власть реквизировала у зажиточных крестьян также продуктивный скот (крупный рогатый скот, овец, свиней) и раздавала бедноте. Много скота у крестьян местные начальники реквизировали для себя, своих родственников и приближенных.

У тех крестьян, которые имели более двух лошадей, власть отбирала «лишних» коней, инвентарь и передавала их бесплатно тем безлошадным семьям, которые хотели сами обрабатывать землю.

Половина безлошадных крестьян из бывших отходников приобрела лошадей и стала заниматься земледелием. Другая половина осталась и дальше безлошадной.

Покровительствуя во всем бедноте, комбеды в деревнях возложили на крестьян, имеющих лошадей, обязанность: обрабатывать землю безлошадных крестьян бесплатно.

Это вызвало большое недовольство крестьян и горячие протесты: — Давно барщины не было. Теперь советская власть новую барщину ввела . . .

— Одних помещиков прогнали, а новые появились . . .

— Ежели эти люди хотят иметь землю, то пусть ее сами и обрабатывают, — ворчали крестьяне. — А если не хотят, — никто их к этому не принуждает. Почему же мы должны выполнять эту новую барщину: бесплатно работать на новых помещиков?!

Но власть не обращала никакого внимания на эти протесты.

«Лошадные» крестьяне должны были обслуживать своим транспортом и другие нужды «безлошадных»: возить для них дрова, строевой лес для ремонта и нового строительства, доставлять зерно на мельницу и возить муку оттуда, привозить для них зерно и картофель, реквизированное во время «продразверстки», и т. д.

Земледельцы должны были обслуживать также все потребности в транспорте своего местного, сельского начальства: обрабатывать их землю; привозить для них продукты, дрова, строевой лес; возить их почти ежедневно то в волость, то в уезд: по служебным и личным делам.

В тот период село Болотное, как и все деревни советского государства вообще, почти ежедневно посещали агитаторы из партийных комитетов или уполномоченные от различных уездных учреждений по проведению всевозможных политических, хозяйственных или пропагандных кампаний.

Крестьян «сгоняли» на собрания, обязывая их терпеливо и почтительно выслушивать длинные, путанные, пустые и громогласные речи на всевозможные, нередко несуразные, темы: «Вошь и тиф — враги социализма», «Маркс и Энгельс о матриархате и патриархате»,

«Международное и внутреннее положение Советской Республики», «О жизни на Марсе», «Есть ли Бог?» и т. д. и т. п.

В то время различные государственные, партийно-комсомольские, профсоюзные и другие учреждения вырастали как грибы после дождя. В маленьком уездном городишке их было до полусотни, с сотнями отделов, с тысячами служащих. Главные их усилия были направлены на то, чтобы представить жизнь и труд крестьян-собственников, как «идиотизм деревенской жизни» (Маркс), распропагандировать «несознательную» деревню коммунистическими идеями, обобрать и так запугать ее, чтобы она для борьбы с властью не посмела шевельнуть ни языком, ни пальцем. Немудрено, что при таких обстоятельствах всевозможные «уполномоченные» и «агитпропагандисты» (мужички называли их иронически: «агитпробки», «упал-намоченные» и «чересчур-уполномоченные») кишели в Болотном и повсеместно, как вши в тифозном бараке.

Эти агитаторы и уполномоченные возлагали на крестьян ряд повинностей: идти на собрания и терпеливо выслушивать их чепуху; принимать резолюции с трафаретными концовками: «долгой!», «да здравствует!», «приветствуем!», «выполним!», «Мы, на горе всем буржуям, мировой пожар раздуем!...»

Крестьяне обязаны были предоставлять этим «командированным товарищам» стол и квартиру: на сутки или на неделю, всецело по усмотрению начальников. Уполномоченный, придя на квартиру, сначала поиздевается над иконой в углу, поругает хозяйку за ее «темноту» и «несознательность». А потом, переложив револьвер из одного кармана в другой, прикажет хозяевам квартиры: «Я люблю покушать не тошчевато. Сообразите-ка поскорее яичницу на самой большой сковороде!»

После того, как «командированные товарищи» выполняют свои задания, им дают подводу. Крестьяне отвозят их по дальнейшему маршруту: в другую деревню, в волость или в уездный город.

А для проведения продразверстки в село обычно приезжали не одиночки-уполномоченные, а целый «продотряд» вооруженных людей. И крестьяне должны были всех их привозить, хорошо кормить и отвозить дальше.

Кроме выполнения «трудгужповинности» в селе, крестьяне должны были регулярно посылать «дежурные подводы» в волость и уезд-

ный город: для обслуживания командированных начальников и нужд городских учреждений и служащих.

Земледельцы в те годы ремонтировали дороги, строили мосты; ремонтировали дома начальников и помещения учреждений: сельских, волостных, уездных.

В этот период по всей территории России бушевала гражданская война. Крестьяне возили военные обозы, кормили армейских и обозных лошадей, давали квартиру, а часто и продукты, солдатам.

Очень нелегка была «шапка мужика» в ленинский период советской власти!..

Ленинское правительство сразу же ввело в советской деревне крепостнические порядки.

Оно, с помощью вооруженных продотрядов, собирало с крестьян натуральный неурегулированный оброк-дань: «продразверстку».

Одновременно большевистская власть ввела и государственную барщину, бесплатный принудительный труд крестьянина вместе с лошастью: «труд-гуж-повинность».

В эпоху помещичьего крепостного права крестьяне Болотного выполняли только одну «повинность»: барщину. А после Октябрьского переворота большевистская власть ввела в Болотном, как и во всех других деревнях советского государства, две крепостные повинности одновременно: и государственный оброк («продразверстку») и государственную барщину, которая носила официальное название «труд-гуж-повинности». «Труд-гуж-повинность» — это значит: трудовые и гужевые (транспортные) «повинности» (обязанности), или работа крестьянина с гужом, т. е. с запряженной лошастью.

Крестьяне спрашивали у советских начальников и большевистских пропагандистов: почему советская власть безвозмездно отбирает у них продукты, скот и заставляет их бесплатно работать на правительство, начальников и на бедноту? И получали такой ответ: «Вся земля теперь не ваша, она является государственным, общенародным достоянием. Правительство дает вам землю для использования. А за это землепользование вы должны сдавать государству «продразверстку», выполнять «труд-гуж-повинности» и всякие другие требования правительства».

Выполнение государственного оброка («продразверстки») и государственной барщины («труд-гуж-повинности») занимало у крестьян не менее четырех дней в неделю. А для выработки продукции для

семьи, для их работы на себя, у них оставалось только дня два в неделю. Так свободные земледельцы пореформенной деревни после октябрьского переворота превратилась в правительственных роботов, в государственных крепостных.

Крестьяне тогда же, еще в 1918 году, ясно опознали эти советские порядки и точно называли их: «новый оброк и новая государственная барщина»; «новое, второе крепостное право».

Такую же характеристику и в тех же словах давали советским порядкам восставшие против большевистской власти кронштадтские солдаты и матросы и тамбовские крестьяне в 1920-21 годах.

Сельские учительницы

К учителям, которые до революции в большинстве случаев происходили из духовного сословия и зажиточных крестьян, — большевики относились с подозрением.

Местные начальники на каждом шагу ругали учителей «гнилой интеллигенцией». А Наркомпрос дал им такое новое официальное наименование, которое одним своим звучанием внушало презрение и насмешку: «шкрабы» (сокращение от полного названия: «школьные работники»). Причем, «шкрабами» называли и учителей и уборщиц, так как и те и другие, по мнению Наркомпроса, в одинаковой мере были «школьными работниками» советской власти.

Учителя получали в те годы заработную плату совершенно обесцененными советскими бумажными деньгами, «денежными знаками», или «дензнаками». Эти «дензнаки» (или «совзнаки», как называли их иронически) потеряли всякую ценность, на них ничего невозможно было купить.

Городские учителя в те годы получали голодный паек, наряду с другими служащими советских учреждений. А о сельских учителях правительство и партийно-советские учреждения просто «забыли», вернее, игнорировали их полностью.

По вопросу о пайке местные учителя обращались в уездный отдел народного образования. А там разводили руками: «Никаких инструкций ни от Наркомпроса, ни от Наркомпрода о снабжении «шкрабов» нет» . . .

В читальне уездной библиотеки учителя рассматривали советский журнал, в котором карикатура изображала главную деятельность

тогдашнего наркома (министра) просвещения Луначарского. Развываясь в кресле оперного театра, нарком просвещения с блаженной, медовой улыбкой смотрит на сцену. А там порхают балерины перед растаявшим министром. Подпись под карикатурой: «Иван в раю»... Учителя ворчат:

— Конечно, «Ивану в раю» не до нашей адской жизни, не до наших мелких дел и забот...

Выпроважая от себя учителей, руководитель уездного отдела народного образования говорил им:

— Постарайтесь уладить вопрос как-нибудь сами, на месте...

Учительницы возвращались в свои квартиры голодные и хмурые...

Молоденькую учительницу стали часто навещать местные начальники. Узнавши ее материальную нужду — в продуктах, в дровах, — начальники соблазнительно намекали:

— Оно, конечно, вся власть на местах. Все от нас зависит: ежели мы захотим, то у вас будет все: и паек и дрова. А если не захотим — помрете с голоду и холоду. Все будет: лишь бы вы нос не задирали... да нам навстречу во всем шли...

Но учительница «навстречу» начальникам идти не хотела... А, следовательно, мерзла и голодала.

Но этого мало. Ее стали «допекать». То явятся начальники на уроки: проконтролировать, как учительница занимается... То придут на квартиру и начнут допытывать политическими вопросами: как они выражались, «хотели прощупать учительницу с точки политической»... Однажды учительница пропустила день школьных занятий из-за погоды: побывав выходной день в гостях у родных, она из-за проливного дождя не могла оттуда выехать во-время. Пьяный сельский комиссар, узнав об этом, явился к учительнице, в присутствии учеников набросился на нее с грубой руганью и, размахивая револьвером, даже угрожал арестовать ее...

Тогда один пожилой зажиточный крестьянин сжалился над учительницей и предложил ей в своем доме квартиру и стол. Учительница с радостью перебралась к нему.

Но вот пришла очередная продразверстка. У ее хозяина, у которого она имела теплый угол и питание, отобрали все продукты, оставив ему только голодную норму. Крестьянин просил местное начальство: оставить норму продуктов также и на долю учительницы, которая никакого пайка не получает и питается у него. Но начальство, недовольное учительницей, ничего для нее не оставило, ссылаясь на то, что в инструкции о пайке для учителей ничего не говорится.

Притесняемая учительница вынуждена была покинуть гостеприимного хозяина и уехать из села, к своим родным, которые тоже бедствовали.

Два года не было в школе ни учителя, ни школьных занятий. Потом в село прислали новую учительницу.

Поздней ненастной осенью, вскоре после ее приезда, мне довелось встретиться с нею, в ее школьной квартире.

Измощенная старуха, в изношенном пальто, в лаптях, она сидела на скамейке в своей пустой и холодной школьной комнате, кашляла и горько жаловалась на свою судьбу. На столе горела коптилка.

— Уж тридцать лет работаю я в сельских школах нашего уезда. И вот доработалась... В первые годы своей службы я получала жалованье только 10 рублей в месяц. Одной мне хватало этого жалования на сносное житье. А потом постепенно жалованье учителям повысилось до 30 рублей в месяц. В это время мать моя овдовела и жила со мной, на моем иждивении. Мы вдвоем на мое жалование жили без нужды: жили в теплой и освещенной комнате, были сыты, обуты, одеты. И даже могли завести библиотечку: книги были нашей страстью. А теперь?..

Учительница посмотрела кругом — на пустую холодную комнату, на коптилку, на свои лапти — и поежилась от холода: и внешнего и внутреннего. Поплотнее закутались в шаль...

— Мерзну вот. И в школе и дома: сельский комиссар не доставляет дров ни школе, ни мне. Спасибо соседям: притащили по вязанке сучьев от своих костров. А то совсем замерзла бы... Раньше, до революции, никогда и ни в одной деревне этого не было, чтобы

школьники занимались в нетопленной школе, а учительница оставалась бы без дров, без керосина, без ботинок, и даже без хлеба...

— И без хлеба? — переспросил я.

— Да, и без хлеба. Пошла на днях к сельскому комиссару и комбеду: паек просила. А они осклабились и заявили: «По инструкции, — говорят, — шкрабы для снабжения ни в какую категорию не попали: ни к сельской бедноте, ни к городским рабочим и служащим»... Спасибо соседкам-бабам: пока спасают. Хлеба у них у самих недостает, а картошки принесли...

И учительница показала на мешок картофеля, стоявший в углу комнаты.

— Вот варю картошку в мундирах и тем питаюсь. Но хлеба нет и соли не спрашивай. А местные начальники не только мучают свою учительницу голодом и холодом, но еще и издеваются. — «А за что мы должны, собственно говоря, кормить Вас? — заявил сельский комиссар. — Ежели стать на точку политическую, то Вы для нас только балласт мелкобуржуазного класса, гнилая винтельгенция... На собраниях несознательная мужицкая масса ругает советскую власть на чем свет стоит, а Вы никакой агитации за советскую власть не ведете: все помалкиваете. А что касемо подхода с другого боку, то что мы тут должны поставить в угол угла?.. Вы старуха и никакого антреса, в общем и целом, для нас не представляете»... Вот так товарищи-комиссары и загнали старуху-учительницу «в угол угла»... Как из него выбраться?! А жалованье наше? Вы сами знаете, что представляют собою «совзнаки»... На днях в уездном городе выдал нам «наробраз» (мы его «безобразом» называем) — запоздавшее жалованье за три месяца: несколько миллионов советских рублей. За все это трехмесячное многомиллионное жалованье смогла купить... одну коробку спичек... Вот так и приходится доживать жизнь: без хлеба и без соли, без дров и без керосина. Но зато в лаптях и холоде...

— За тридцать лет добросовестной работы дослужилась: стала «советской миллионершей!..»

Учительница разволновалась и едва сдерживала слезы...

Гражданская война в деревне

Большевистская власть внесла гражданскую войну в каждую деревню.

Власть разжигала гражданскую войну прежде всего своей экономической политикой.

Она ликвидировала трудовую собственность зажиточного слоя деревни: хуторян, отрубников, обеспеченных земель крестьян; кустарей и мелких торговцев.

Власть отобрала эту трудовую собственность у крестьян бесплатно. Советское правительство объявило эту собственность государственной и передало ее под управление одной группе крестьян — комбеду, которым руководил коммунист.

Советская власть постоянно, бесплатно и произвольно отбирала у крестьянского населения продукты и скот, оставляя хозяевам голодную норму.

А бедноте советская власть всячески покровительствовала за счет зажиточных и середняков. Безземельных и малоземельных власть снабдила землей. Правительство обязало крестьян бесплатно обрабатывать землю безлошадных. От продразверстки беднота была освобождена. Мало того: после каждой продразверстки бедноте раздавали часть собранных продуктов.

Зажиточная группа крестьян была совсем отстранена от политической жизни: советская власть лишила зажиточных права голоса, их не допускали даже на собрания. А бедняки были поставлены у власти: сельским комиссаром, председателем комбеда. Бедняки стали управлять национализированными кустарными предприятиями. Комитет бедноты ведал проведением продразверстки и распределением поступающих из города промышленных изделий.

Между зажиточными и беднотой в те годы царила острая вражда. Бедняки нередко использовали в это время такую форму борьбы, как доносы органам власти. На одного донесут, что он спрятал от разверстки часть продуктов. На другого — о том, что он выменял себе что-либо за продукты. Сообщат, что хозяин по ночам тайно работает в конфискованном кустарном предприятии. Донесут об «антисоветских разговорах». Или о таких дореволюционных «преступлениях»: наем батрачки, служба сельским или церковным старостой...

Доносы часто заканчивались конфискациями, штрафами, тюремным заключением.

Зажиточные платили бедноте той же монетой. Землю их обрабатывали плохо. Доносчиков иногда избивали. Ругали их беспощадно, составляли на них насмешливые частушки. Грозили им «припомнить все, когда власть комбеда закончится»...

Вражда между основной, середняцко-зажиточной массой крестьян и советской властью развивалась в основном из-за экономической политики большевистского правительства: национализации кустарных предприятий, социализации земли, продразверстки, конфискаций, воспреещения всякой торговли.

Вражда эта проистекала также из-за политических вопросов. После отмены крепостного права крестьяне свободно выбирали, контролировали и сменяли свою местную власть, местное самоуправление: сельского старосту, сельского писаря, волостного старшину, членов земской управы. А большевики отменили все формы самоуправления, узурпировали власть и удерживали ее насильственно, террором. Политика же власти была явно антинародной, противоречила интересам основной массы крестьян.

Поэтому взаимоотношения между местными руководителями власти, сельским комиссаром и комбедом, и крестьянами, между волостными комиссарами и населением — были враждебными.

Избиения, покушения на этих работников и даже убийства их в уезде были нередки.

По вопросу о Брестском мире, который был заключен советским правительством с Германией, у крестьянского населения с властью тоже произошел острый конфликт.

Большевики обещали крестьянам немедленный и справедливый мир, «мир без аннексий и контрибуций». Многие солдаты желали такого «мира без аннексий и контрибуций». Крестьяне выражали это свое пожелание на своеобразном языке, как «ничейный мир», «мир вничью».

Но вместо такого справедливого мира советское правительство заключило с Германией такой мир, какой даже Ленин не мог назвать иначе, как «похабным».

По всем деревням разъезжали агитаторы от уездного комитета партии большевиков, чтобы успокоить крестьянское население, в связи с заключением «похабного» Брестского мира.

— Где же ваш обещанный «мир без аннексий и контрибуций»? — грозно приступали к агитаторам мужички на собрании в Болотном. — Разве-ж немцы нас победили, что вы заключили с ними такой позорный мир?! «Похабный» мир заключили вы, большевики, без нашего согласия. А теперь приходите к нам, уговариваете нас, успокаиваете. А кто будет расплачиваться за такой постыдный мир?!.

Агитаторы пытались сослаться на то, что советское правительство вынуждено было заключить такой мир потому, что солдаты, мол, воевать не хотели и разбежались по домам, оставив фронт.

— Теперь вы осуждаете дезертиров. А кто же призывал солдат бросать фронт и уходить домой?! Не вы ли сами, товарищи большевики?!.

— Да, ведь, вас мало кто послушал. Вы посмотрите на наше село: все солдаты еще в армии пребывают. Кроме двух большевиков, у нас в селе нет дезертиров. Вот они, рядом с вами сидят: сельский комиссар и комбед. Воевать за родину не захотели, — теперь воюют тут с бабами во время подразверсток... Так что напрасно вы о дезертирах болтаете и с больной головы на здоровую все сваливаете.

— Конечно, солдаты хотели мира. Но только мира справедливого, «ничейного мира». А ежели враг справедливого мира не хочет, то ясно, что войну надо продолжать, другого выхода нет.

Такие высказывания крестьян на сходах выражали не заимствованные у партийных пропагандистов мысли, а собственные думы крестьян. В селе левых эсеров не было. Из уездных органов власти их вскоре исключили. Часть левых эсеров сидела в тюрьме. Другая часть вошла в партию большевиков.

Так, вместо войны внешней, в советской России ширилась и углублялась война внутренняя, гражданская — во всех деревнях и городах.

Деревня в эти годы переживала смутное время: всякие конфискации, в особенности подразверстки, вражда и междоусобица, доносы и ругань, бунты и расправы...

На окраинах советского государства междоусобица среди населения приняла форму гражданской войны крупных воинских соединений — белых и красных. С окраин к центру советской России двигались белые армии, кольцом окружая центральные губернии. Осенью 19-го года с юга к пределам Орловской губернии приближалась Деникинская армия.

Почти все жители Болотного, за исключением части бедняков и молодежи, были очень недовольны большевистской властью и желали ее свержения.

А Белую армию крестьяне ожидали с надеждой. Они надеялись на то, что после свержения «босаяцкой, самозванной власти» будут восстановлены нормальные порядки: свобода трудовой частной собственности, частнохозяйственной трудовой деятельности, возвращение хозяевам кустарных предприятий, отмена продразверстки, свободная торговля, мир и порядок в стране.

Крестьяне надеялись на то, что делами села станет по-прежнему управлять общее собрание всех жителей села и избранные, уважаемые ими, руководители.

А назначенные партией «самозванцы», сельский комиссар и комбед, будут с позором изгнаны из органов самоуправления.

Что касается судьбы крестьянской земли, то у крестьян было предположение, что вся она будет разделена на отруба и хутора, так, как это уже было начато в последние годы перед революцией.

Что касается помещичьей земли, то для крестьян Болотного этот вопрос был неактуален: это село помещичьей земли не получило.

Крестьяне же соседних деревень, к которым после революции часть земли отошла, предполагали, что вопрос о помещичьей земле будет разрешен справедливо, на основе, приемлемой для крестьян и для помещиков. Вероятно, предполагали крестьяне, новая власть обяжет земельные общины, поселки или отдельных хозяев, отрубников и хуторян, оплатить эту помещичью землю в виде долгосрочной выплаты, подобно оплате стольпинских хуторов, только дешевле.

Предположение о восстановлении помещичьего землевладения никому из крестьян и в голову не приходило: такое предположение казалось им невероятным, немыслимым.

При таких настроениях мужички провожали отступающих большевиков со злорадством, а деникинцев встречали с надеждой.

Жители Болотного впоследствии рассказывали любопытные эпизоды из тех дней.

Оступая перед наступающей Деникинской армией, уездная власть вывозила из складов все, что можно было вывезти: продукты, мануфактуру, вещи, инструменты и т. п. Для перевозки этих ценностей до ближайших станций, на расстояния до 100 километров, были мобилизованы крестьяне с лошадьми и созданы обозы. Возвращаясь из такого обоза к своему селу, подводчики из Болотного встретили несколько экипажей с отступающими большевистскими начальниками уезда.

Комиссары стали запугивать крестьян:

— Поезжайте, поезжайте, землячки. Завтра золотопогонники, деникинские офицеры, придут к вам в гости. Они вам пропишут Кузькину мать!..

— За что же?! Что мы им плохого сделали?! — отвечали обозники. — Это вам, товарищи комиссары, видно, чуточку припекло, что вы бежите. А нам бояться их нечего...

Крестьяне злорадно смеялись над уезжающими комиссарами. И кричали им вдогонку:

— Скатертью дорога, товарищи-босяки!.. Ни дна вам, ни покрышки!..

Оступающие части Красной армии разместились в Болотном и соседних деревнях.

Местные жители присматривались к ним с усмешкой: красноармейцы были неорганизованы, недисциплинированы.

Один крестьянин рассказал о своих наблюдениях. В его хате ночевало шесть красноармейцев. Вечером, когда они улеглись спать, к ним пришел ротный командир, разбудил солдат, двух из них назначил часовыми на окраину села. Солдаты слушали приказ командира, отвернувшись от него, почесывая спину и зевая во всю пасть... А когда командир ушел, назначенные часовые почесали затылки, выругались матом: «Тебе воевать надо — ты и иди!.. А нам что?!..» И завалились спать. Со стороны других солдат никаких замечаний не

последовало: видимо, это было в порядке вещей. Так и ночевала эта воинская часть совсем без охраны...

— Ну-ж, и солдаты!.. Ну-ж, и войско!.. — удивлялся рассказчик, бывший солдат царской армии.

Мнение крестьян о большевистской власти и Красной армии было отрицательное: они уже видели и знали эту власть и эту армию.

Но что собою представляет Деникинская армия и белая власть, — крестьяне еще не знали. Они ожидали деникинцев хотя и с надеждою, но, вместе с тем, настороженно.

От бывалых односельчан — «мешочников» и раненых красноармейцев — жители Болотного слышали тревожные вести.

Вернувшиеся с Украины «мешочники» рассказывали, что Белая армия, захватывая там деревни, устраивала террор: массами отправляла крестьян в тюрьму, устраивала публичную порку розгами, расстреливала людей. Офицеры Белой армии нередко мстили крестьянам за занятые помещичьи земли, за разграбленные имения.

Один раненый красноармеец, вернувшийся с Колчаковского фронта, рассказывал тоже страшные вести. Одна воинская часть Красной армии, около 300 человек, вся целиком сдалась в плен. А колчаковцы поместили их всех в сарае, замкнули там, подожгли сарай и сожгли пленных, а тех, кто пытался вылезть через крышу, расстреляли из пулеметов... Рассказчик, единственный из этих трехсот, незаметно выскользнул из сарая, когда он еще не был замкнут, спрятался в рядом расположенном овраге, видел эту страшную картину, слышал крики сжигаемых заживо людей...

Но орловские крестьяне, слушая такие рассказы очевидцев, в большинстве своем отказывались им верить:

— Не может этого быть!.. Что они, белые, сумасшедшие что ли?!..

— Это вы, братцы, с перепоею нам страшные сказки рассказываете.

Наконец, орловцы дождались прихода Деникинской армии. Фронт гражданской войны докатился до них.

Село Болотное несколько недель находилось на самой линии огня.

Ежедневно село и соседние деревни были свидетелями боев красных с белыми. Деревни переходили от красных к белым и наоборот, иногда дважды в день. Население сначала пряталось в погребах. Но потом местные жители, особенно мальчишки, так привыкли к боевой обстановке, что уже редко прятались, а больше наблюдали за боями.

Крестьяне видели, что при артиллерийской перестрелке обе воюющие стороны, и белые и красные, щадили деревни. Батареи располагались всегда вне деревень и вели перестрелку через селения.

Но пулеметные очереди не раз строчили по деревням. Странно поступали воюющие стороны с обозами. Обе стороны забирали в обоз местных крестьян с подводами. Обозы нередко подводили к самому огню, под обстрел. Все местные жители ездили в обозах, побывали под огнем, даже артиллерийским. Среди мирных жителей были раненые и убитые.

Крестьяне жаловались на то, что и белые и красные сильно грабили их. Забирали для лошадей много сена; отбирали овес, иногда до последнего зерна. Отбирали продукты и скот. Это делали руководители воинских частей. А, кроме того, многие солдаты своевольничали в индивидуальном или групповом порядке, без ведома начальства. Убивали птицу и мелкий скот, забирали яички. Грубо приставали к женщинам.

Про одну воинскую часть Красной армии, полк Красного Кубанского Казачества, жители рассказывали, что эта воинская часть вела себя по-бандитски, хуже всех воинских частей, которых видели крестьяне за время фронтовой жизни. Эти красные казаки ходили с нагайками по избам, обыскивали сундуки, забирали вещи, отбирали одежду, забирали лошадей, насиловали женщин. Командование полка не обращало никакого внимания на жалобы крестьян.

За время пребывания деникинских частей в Болотном и в соседних деревнях произошли события, которые ошеломили крестьян.

Ночью в селе деникинцы расстреляли пять красноармейцев, попавших в плен. Расстреляли публично: в присутствии многочисленных крестьян-обозников, которые ночевали в селе и грелись у огня

в эту холодную, осеннюю ночь. Многие жители села, которые беседовали у огоньков с обозниками, также наблюдали картину расстрела.

По рассказам очевидцев, дело происходило так. Пленных красноармейцев привели на школьную площадь, к большому костру. Там белый офицер стал избивать пленных рукояткой револьвера.

— Ах бандиты: земли помещичьей захотели!.. — ревел он в бешенстве. — Имена наши захватили!.. Я вас награжу «имением»: получите три аршина земли на всю банду!.. И всем остальным земельным грабителям то же будет!..

Перед расстрелом офицер приказал конвою раздеть пленных красноармейцев догола, оставив на них только одну часть белья: на одних были оставлены кальсоны, на других — нижняя рубашка.

Расстрел производился у костра, в присутствии толпы: обозников и местных крестьян. Расстреливали поодиночке. Каждого упавшего под пулями красноармейца конвой прикалывал еще штыками...

После расстрела офицер приказал, чтобы жители села не убирали трупов двое суток.

— Пусть все мужики смотрят и на ус мотают. А когда хоронить будете, то не смейте хоронить их на кладбище: в буераке, как собак, закопайте!..

Утром весть о расстреле с молниеносной быстротой разнеслась по всему селу. С утра и до самого вечера местные крестьяне, от глубоких стариков до детей школьного возраста, толпились на школьной площади, рассматривая истерзанные, окровавленные и посиневшие трупы расстрелянных. Русские люди жалостливы, они плакали, рыдали, над этими трупами. И ненависть закипала в их сердцах...

На следующий день другой белый офицер хотел застрелить одного старика, жителя Болотного. Сын этого крестьянина, давно живший в городе, был большевик. Старик говорил офицеру, что он не может отвечать за своего взрослого сына: он уговаривал сына не вступать в эту проклятую партию, но сын его не послушался. Офицер был немолчим и приказал старику идти с ним в штаб воинской части. Соседи, услышавшие этот разговор, вмешались. Они умоляли офицера не обижать невинного человека. Он зажиточный крестьянин, верующий, цер-

ковный староста. Старик сам противник большевиков, разве он виноват, что сын у него такой непутевый?! . Офицер, наконец, смятчился. Он отпустил крестьянина, приговоренного было к смерти за своего сына:

— Ну, хорошо, пока помилую. А потом мы в штабе обсудим и решим, как с тобой поступить . . .

В соседнем селе командир стоявшей там воинской части Белой армии приказал: арестовать всех 29 домохозяев того поселка, который после революции, по указанию советской власти, выселился на помещичью землю. Связанных посельчан привели в село и на церковной площади стали расстреливать публично, в присутствии жителей села, собранных для этой цели.

— Я учиню такую расправу, чтобы и вы, и дети, и внуки ваши не только не стали бы забирать помещичью землю, но даже боялись бы взглянуть на нее! — кричал толпе крестьян офицер, руководивший расстрелом . . .

Никакие вопли и мольбы родных не помогали . . .

Расстреливали по одному, отводя каждого недалеко в сторону. Трех уже расстреляли. Повели на расстрел четвертого . . .

Но тут верхом на коне прискакал местный помещик, бывший владелец земли, на которую выселился поселок. К нему на усадьбу сбежали родные приговоренных к расстрелу и просили его немедленно вмешаться в это дело, спасти людей от смерти.

Помещик пригласил офицера в дом священника и там настойчиво упрашивал его не расстреливать посельчан. Он говорил о том, что эти люди заняли помещичью землю не самовольно, а по решению советской власти. Рассказал, что посельчане оставили ему дом, постройки, усадебную землю, часть скота, лошадей, — и все это сделали вопреки указанию власти. Он говорил о том, что посельчане охотно заплатят ему впоследствии и за землю, и за скот, который они взяли. А в случае расстрела — их родные и соседи будут жестоко мстить помещику. Расстрел посельчан поставит под угрозу жизнь помещика и его семьи. С большим трудом помещику удалось уговорить офицера, и тот освободил людей от расстрела, заявив, что впоследствии они будут наказаны по суду за захват помещичьей земли . . .

Какой оборот дело приняло бы в той соседней деревне, в которой имение было разграблено, а вся помещичья земля была пущена в общий передел для всей деревни, — не известно: она в руки белых не попадала.

После таких страшных событий сочувствие к белым у крестьян пропало.

В красноармейских частях, которые вновь занимали эти деревни, царило сильное возбуждение: они рвались отомстить за белый террор.

Несколько недель фронт топтался на месте. Потом Красная армия перешла в массивное наступление, и фронт покатился назад.

И в Болотном и в во всех других деревнях, которые Красная армия вновь занимала, политические комиссары и местные возвращающиеся начальники устраивали торжественные похороны жертв белого террора и митинги. На митингах большевистские ораторы говорили о терроре Белой армии, о намерении белой власти восстановить помещичье землевладение, называли Красную армию «Армией-освободительницей» и обещали крестьянам после победы над белыми устроить «богатую и свободную жизнь»...

Некоторые белые офицеры показали себя так, что об их уходе сельские жители не пожалели.

Но и возвращению большевистской власти земледельцы не могли радоваться: они уже знали эту власть.

— Думали: вот белые прогонят большевиков — мужикам облегчение дадут, — разговаривали между собой крестьяне. — Живите, дескать, и хозяйствуйте свободно. А они... дали «свободу»! Нечего сказать...

— Чудны дела Твои, Господи! Прямо взбесились «господа»: грабят мужиков да бьют, бьют да грабят... И красные и белые, и товарищи-босяки и их благородия. Видать, им одно только и нужно: на мужицкую спину вскарабкаться да на нас и ездить... Хрен редьки не слаще.

— Нам своя власть нужна: мужицкая, народная. А не помещичья, не босаяцкая. Господ нам никаких не надобно: ни белых, ни красных. Мы сами, без господ, управимся . . .

Но вернувшаяся большевистская власть с мнением крестьян считаться не захотела. Она восстановила все прежние советские порядки. Над деревней вновь нависли мрачные свинцовые тучи: произвол власти, продразверстка, голод, тиф . . .

Террор советской власти не ослабел, а усилился. Многие крестьяне, которые особенно сильно радовались приходу белых, были посажены в тюрьму. Многих, уклоняющихся от призыва в Красную армию, военкомат беспощадно расстреливал: для устрашения других.

В двух волостях уезда вспыхнули восстания. Но восставшие были безоружны. Они были легко разгромлены вооруженными отрядами Чека. За подавлением восстаний следовали массовые расстрелы жителей восставших деревень.

Окоченевший труп сельского комиссара утром был обнаружен в болоте, в канаве. Упал ли он туда ночью сам, проходя пьяный мимо канавы, или ему «помогли» попасть туда, следствие не могло установить. Сожаления среди местных крестьян его смерть во всяком случае не вызвала . . .

Голод был не только в Средней России. Он захватил и Поволжье. В 1920 году через орловские села потянулись обозы поволжских крестьян: спасаясь от постигшего голода, они ехали на телегах в далекий путь, на Украину. Некоторые орловские крестьяне присоединялись к ним: бывшие отходники надеялись найти в богатых украинских областях работу и хлеб.

2. СЕЛО В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ-НЭП-а (1921 — 1928)

Замена разверстки «продналогом»

Ведя постоянную борьбу против большевистской власти, крестьяне выдвигали свои главные требования.

В области экономики: замена разверстки, произвольного оброка, умеренным налогом; отмена барщины, «трудгужповинности»; восстановление частной кустарной промышленности»; восстановление свободной торговли.

В политике: роспуск комбедов; отмена большевистской партийной диктатуры над народом; установление выборной народной власти, снизу доверху, от сельского самоуправления до центрального правительства.

Крестьянское сопротивление большевистской власти было массовым и упорным. Вспышки бунтов происходили повсеместно и иногда охватывали целые губернии, например, Тамбовское восстание. Наконец, большое восстание вспыхнуло даже в армии, среди кронштадских моряков, которые раньше были опорой советского правительства.

Власть не имела опоры в массах: рабочие голодали, крестьяне бунтовали, армия поднимала мятежи. Положение большевистского правительства было очень опасным. Тогда Ленин выжден был круто повернуть руль государственного управления: отказался от политики натурального коммунизма (большевистские идеологи задним числом называли его дипломатически «военным коммунизмом») и провозгласил «новую экономическую политику», сокращенно «НЭП», то есть политику экономических уступок труженикам-собственникам, в первую очередь, крестьянству.

Речи Ленина об отказе от политики «военного коммунизма» и переходе к НЭП'у, декреты советского правительства о «продналоге»

и свободной торговле оказали тогда на крестьян сильное впечатление, обрадовали их. Большая часть крестьян поверила речам Ленина о том, что НЭП вводится «всерьез и надолго».

Декрет о «продналоге» отменял систему продразверстки, при которой государство отбирало у крестьян все продукты, кроме тощей нормы, и весь скот. Вместо разверстки был введен «продналог», основанный на другом принципе: теперь советское правительство один раз в год, до начала весенних полевых работ, устанавливало определенный натуральный налог с гектара земли и с каждой головы скота.

После выплаты этого налога государству, каждый крестьянин получал об этом справку от местных органов власти и мог распоряжаться остальными продуктами и скотом всецело по своему усмотрению: потреблять, обменивать, продавать.

Первый «продналог» был установлен ранней весной, в марте 1921 года.

Он был огромный. Крестьяне села Болотное должны были сдавать государству в качестве продналога около половины своего урожая и около половины продуктов животноводства.

По существу, это был государственный натуральный оброк, который советское правительство взимало с подвластного ему населения.

Он был подобен тому оброку, который взимал помещик со своих крепостных крестьян, живших в оброчной деревне.

Но все же эта система натурального оброка, или «продналога», была для крестьян легче предшествующей ей системы «продразвестки».

Во-первых, продналог был точным и определенным на целый год, а продразверстка этих качеств не имела: она была неурегулированным, совершенно произвольным оброком-данью.

Во-вторых, система продналога интересовывала крестьянина в труде, давала стимул для прилежного и умелого хозяина: чем более высокой урожайности добьется крестьянин на своем поле, тем больше продуктов останется у него после уплаты продналога; чем больше скота и птицы вырастит крестьянин, чем более высокой продуктивности добьется от животноводства, тем больше продуктов животноводства — мяса, масла, молока, яиц, шерсти — останется в пользу хозяина.

Поэтому крестьяне одобрительно отнеслись к декретам советского правительства о продналоге: они увидели в системе продналога значительное облегчение по сравнению с разверсткой.

Крестьяне Болотного и всех других российских деревень опять с прилежанием занялись своим трудом, так как увидели, что теперь они будут работать не напрасно, а с пользой для себя.

В период продразверстки крестьяне обрабатывали свою землю плохо, нерадиво. Немало полос земли они оставляли совсем необработанными и незасеянными. А теперь они стали работать на своих полях опять прилежно и тщательно: проводили многократную пахоту и боронование, прополку и пропашку, подготовку семян к посеву.

За годы продразверстки, от 18-го до 21-го года, крестьяне были не заинтересованы своим хозяйством. Они не вывозили в поля навоз со своих дворов. Навозу за три года накопилось столько, что деревенские дворы превратились в настоящие «Авгиевы конюшни». А теперь при НЭП-е все эти Авгиевы конюшни были очищены и весь навоз вывезен в поля. Это сделали сами крестьяне, по своей инициативе и без всякой агитации и приказов.

В 20-м году, последнем году продразверстки, крестьяне Болотного и всех других деревень оставили много полос земли невспаханными и необработанными: при продразверстке не было для крестьян никакого интереса в этом деле. А в 1921 году, в первую же весну НЭП-а, крестьяне засеяли каждую полосу, каждый клочек земли в яровом поле. Они свезли навоз на брошенные прошлой осенью полосы в озимом клину, вспахали их, засеяли яровыми культурами: яровой пшеницей, ячменем, горохом, просом, гречихой, картофелем, овсом. И все это земледельцы сделали сами, безо всяких «посевкомов»...

В результате такой материальной заинтересованности крестьян в своем хозяйстве и прилежного труда — за первый же год НЭП-а в сельском хозяйстве произошло настоящее «чудо». Осенью земледельцы собрали с ярового поля удвоенный урожай, по сравнению с предыдущим годом, последним годом натурального коммунизма. Крестьяне имели теперь на своих дворах больше скота и птицы, чем раньше.

Поощряемые личным материальным интересом, хлеборобы вырабатывали теперь в своем хозяйстве столько продуктов, что их вполне хватало и для выплаты продналога государству, и для самих крестьян, и для продажи на рынке горожанам.

За первые два года НЭП-а в разрушенной стране был преодолен голод.

А потом по всей стране, в селах и городах, было изобилие всех продуктов: хлеба и картофеля, мяса и рыбы, масла и круп, молока и

яиц, овощей и фруктов. Продуктов было полно везде: в селах и городах, в частных магазинах и на государственных складах, в крестьянских амбарах и на базарах.

В годы гражданской войны и натурального коммунизма продукты питания ценились гораздо дороже промышленных товаров и кустарных изделий. В годы НЭП-а крестьяне произвели так много продуктов, что цена их понизилась почти до предреволюционного уровня. А цены на промышленные товары, которых государственные фабрики выпускали недостаточно, были гораздо выше этого уровня.

Крестьяне и горожане в годы НЭП-а питались удовлетворительно. Люди ожили, поправились. Эпидемии, тифозные и гриппозные, прекратились.

За годы Русско-Германской войны (1914-1917) рост числа жителей в Болотном почти приостановился из-за того, что много мужчин было в армии, и число браков за эти годы сильно сократилось.

За годы гражданской войны, 1918-1920 годы, число жителей села резко сократилось: от 900 до 800 человек. Люди гибли на фронтах, умирали от голода и тифа. Мужская молодежь была в армии. Браков за эти годы почти совсем не было.

Но в годы НЭП-а, когда гражданская война была закончена, голод и разруха были преодолены, солдаты вернулись домой, число браков резко повысилось: рождаемость в селе далеко перегнала число смертей. Население села к 1928 году опять дошло до довоенного уровня: от 800 поднялось до 900 человек.

Финансовая реформа и сельскохозяйственный налог

В первом году НЭП-а, в 21 году, крестьяне сдавали советскому государству «продовольственный налог», т. е. натуральный оброк: с каждого гектара земли — столько-то ржи, овса, картофеля, с каждой коровы — столько-то молока, с каждой овцы — столько-то шерсти, за каждую свинью, корову, овцу — столько-то мяса.

Из фондов продналога государство содержало армию и выдавало продовольственные пайки горожанам: рабочим и служащим.

После выплаты продналога и образования фонда для питания своей семьи, у крестьянина оставались излишки продуктов и скота. Эти излишки крестьянин мог продавать: свободная торговля была теперь разрешена.

Но прежние деньги, царские, «керенки», были аннулированы, а советские «денежные знаки», «миллиончики», «миллиардики», были совершенно обесценены. Поэтому в первый год НЭП-а торговля продолжала сохранять свой меновой характер, как и в период натурального коммунизма. Только теперь эта торговля стала легальной.

Но меновая торговля была очень затруднительна и неудобна для всех. Даже для тех, кто имел для обмена продукты и изделия: для крестьян, кустарей и ремесленников. Например, крестьянин привез на базар рожь и хочет выменять за нее ботинки для дочери-невесты. Но горожанин, который вынес на базар подходящие женские ботинки, просит за них в обмен не хлеб, который он уже приобрел, а поросенка. Операция не может состояться.

А для рабочих и служащих, которые, кроме скудного пайка, получали от государства за свою службу еще и обесцененные «дензнаки», меновая торговля была совсем недоступной.

При свободной торговле стала ощущаться острая потребность в универсальном средстве обмена, устойчивых деньгах.

Тогда советская власть вынуждена была дополнить законы о продналоге и свободной торговле еще финансовой реформой: выпустить на рынок устойчивые деньги.

Совнарком провел финансовую реформу с обычной для него решительностью. Как в первые месяцы после Октябрьского переворота, советское правительство объявило упраздненными все прежние законы и аннулированными все прежние деньги (царские деньги, «керенки»), — так и теперь, в 1922 году, оно одним декретом аннулювало все прежние советские «дензнаки».

А вместо них правительство выпустило новые деньги, советские «червонцы», т. е. бумажные деньги различного достоинства: рублевые, пятирублевые, десятирублевые, сотни и т. д.

На новых деньгах была написана гарантия правительства: они «обеспечиваются государственным золотым фондом и всем достоянием республики».

Были выпущены также и мелкие медные — по 1, 2, 3, 5 копеек — и серебряные монеты: по 10, 15, 20 копеек.

Население было оповещено правительством о том, что деньги выпускаются в ограниченном количестве, чтобы они не теряли своей ценности.

Заработная плата рабочим и служащим государственных, кооперативных и частных учреждений и предприятий была установлена после денежной реформы уже не в миллионах, а в рублях. Реальная стоимость советского рубля эпохи новой экономической политики была не в миллионы раз, а только в два-три раза ниже золотого дореволюционного рубля.

Чтобы деньги сохранили свою ценность с самого начала, советское правительство провело такое мероприятие, которое сразу же создало спрос на них со стороны основной массы населения, крестьянства: натуральный «продналог» был заменен денежным «сельскохозяйственным налогом». Крестьяне стали сдавать государству не продукты, а деньги. А чтобы добыть деньги, они вынуждены были продавать государству и горожанам — рабочим, служащим, кустарям — свои продукты за деньги.

Кустари и ремесленники также стали сдавать государству не продукты, а денежный налог.

Для рабочих и служащих тоже был введен подоходный налог на заработную плату.

Благодаря всем этим обстоятельствам советские деньги в период НЭП-а приобрели такое же огромное значение, как и деньги в дореволюционное время.

Главная житейская забота людей заключалась теперь не в том, чтобы получить от государства ордер на продукты и вещи или придумывать всевозможные комбинации для приобретения натуральных материальных благ, а только в том, чтобы заработать или раздобыть денег: будут деньги — будет все.

Жители Советского Союза стали считать деньги не на «миллионы», а на рубли и даже на копейки. Люди стали ценить, экономить, накапливать деньги.

Финансовая реформа облегчила, нормализовала и оживила торговлю. А нормальная и оживленная торговля создала важную предпосылку для упорядочения всей экономики страны, всей жизни людей.

Поэтому денежная реформа встретила благоприятное отношение всех слоев населения: и крестьян, и кустарей, и рабочих, и служащих.

Жители Советского Союза говорили:

— Ленин хотел из золота уборные строить. А теперь советская власть опять ввела деньги и свободную торговлю. Кажется, «товарищи» помаленьку начинают умнеть. Может быть, и совсем поумнеют?!

Восстановление кустарной промышленности

После провозглашения НЭП-а советское правительство возвратило все кустарные предприятия бывшим владельцам.

Все кустики Болотного тоже получили от комбеда обратно все свои предприятия.

В правительственных декретах была провозглашена свободная деятельность всех кустирей и ремесленников как в городе, так и в деревне.

Государство взидало теперь с каждого кустарного предприятия определенный денежный налог. Но кустирей налог этот особенно не печалил: по сравнению с экспроприацией налог теперь казался им «благодатью».

В годы натурального коммунизма, когда кустарные предприятия были национализированы и находились в распоряжении комбедов, эти предприятия пришли в упадок. Печально было смотреть на них: худые крыши, обломанные крылья, скрипящие части машин. Поэт Сергей Есенин, посетив свою родную деревню, описал в стихотворении «одноухую» мельницу, у которой три крыла были обломаны, а осталось только одно, которое напоминало поднятое, настороженное ухо... В таком же состоянии находились кустарные предприятия и в Болотном, в период управления комбеда.

Наблюдая развал кустарной промышленности и обнищания сельского хозяйства, местная деревенская молодежь высмеивала комбед в ядовитых частушках:

Ну-ж, комбед:
Наделал бед —
Не поправить
В десять лет...

При НЭП-е, получив от комбеда обратно свои полуразрушенные кустарные предприятия, кустики прежде всего отремонтировали их, привели в порядок, а потом возобновили их нормальную работу.

В селе были восстановлены и возобновили свою работу все до единого 26 кустарных предприятий и машин. Вместо одной мельницы, которая работала в годы «военного коммунизма», опять пошли на полный ход все три мельницы.

Так же успешно возобновили свою работу кустарные предприятия во всех других деревнях и городах на Орловщине и по всей России.

Бродячие ремесленники — жестянщики, шорники, валенщики и другие — опять стали ходить по деревням со своими инструментами и работать в крестьянских избах.

Базары в городах были завалены не только продуктами сельского хозяйства, но и изделиями кустарной промышленности. Этому радовались все жители города и деревни.

А кустари и ремесленники, обслуживая своих заказчиков и покупателей и складывая в кошелек «новые рублики, которые обеспечены достоянием республики», весело балагурили на базарах, на своих предприятиях и в избах.

— Посмотрите, люди добрые: при комбедах все умерло, а без них все опять воскресло...

— Развалить любое дело каждый дурак сможет, всякий пьяница сумеет. А наладить дело это будет чуточку потруднее, дорогие товарищи...

— Всякое дело умельца дожидается. «Дело мастера боится» — говорит старинная пословица. А «пословица вовек не сломится».

— Каждое ремесло, оно умелые и свободные руки любит. А ежели работник без рук, или руки у него связаны, тогда никакое дело на лад не пойдет. И никакой декрет тут делу не поможет, хоть бы его и сам товарищ Ленин написал...

— Каждый работник в своей работе интерес имеет: для себя пользу. Ежели этот «интерес» есть, то работника не нужно ни агитировать, ни подгонять: он сам свой «интерес» добре понимает.

— И помогать мастерам тоже не надобно: они сами свое дело ха-ра-шо знают. На то у них, слава Богу, голова с мозгой на плечах обретается и золотые руки ей в помощь ловко привешены. Пусть «товарищи» сами себе помогают...

Лукаво подмигивая в сторону партийных начальников и бывших руководителей распущенного комбеда, кустари и ремесленники часто вспоминали басни Крылова.

— Еще до революции, в старой школе, мы охотно разучивали наизусть басни дедушки Крылова. Мы все их назубок знали. Драгоценные басни, кладезь мудрости! Но «товарищи» почему-то их не взлюбили: все выбросили из новых учебников... А напрасно: там есть чему поучиться. Какую басню ни возьми, она не в бровь, а в глаз нашим «руководителям». Припомним:

«Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать — пирожник . . .»

Или — другой совет:

«А вы, друзья . . . (ну, скажем по-новому:
«товарищи») . . . как ни садитесь,
Все в музыканты не годитесь! . . .»

Мужички внимательно слушали и понимающе посмеивались . . .

Понаблюдавши работу кустарей и ремесленников, рассмотревши их изделия, крестьяне вновь и вновь повторяли:

— Да, у мастеров — золотые руки! . .

А послушав их беседы, добавляли:

— Руки золотые, да и голова — не кочан капусты . . . А язык? —
Что твоя бритва . . .

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ЕДИНОЛИЧНОЕ И ОБОБЩЕСТВЛЕННОЕ

Совхозы

По плану Ленина, совхозы должны были служить образцовыми сельскохозяйственными предприятиями социалистического типа. Они должны были показать крестьянам пример социалистического земледелия, чтобы крестьяне впоследствии сами, под влиянием этого наглядного образца, объединили свои мелкие частные хозяйства в единое крупное коллективное хозяйство.

При новой экономической политике, после проведения денежной реформы, был объявлен новый руководящий принцип в области советской экономики: «хозяйственный расчет» (прибыльность), включающий в себя в качестве необходимого элемента «контроль рублем».

Все доходы и расходы совхозов стали исчисляться в деньгах. Бюджет и работа совхозов подверглись «контролю рублем». При этих обстоятельствах легко было увидеть и показать экономическую эффективность государственных имений.

Какова же была эффективность совхозов, социалистических государственных имений?

Совхоз в той волости, где было расположено село Болотное, оказался убыточным. Почти все совхозы на Орловщине были в таком же положении.

Только несколько совхозов в губернии с трудом сводили свой бюджет концы с концами.

А прибыльных совхозов не было ни одного.

Советская печать отмечала нерентабельность совхозов повсеместно, по всей России.

Получился удивительный парадокс: крупные государственные имения, которым советское государство передало бесплатно помещичью землю, строения, инвентарь, скот, — имения, освобожденные советским правительством от всяких налогов, — работали убыточно.

Они не только не давали государству никакой прибыли, но даже приносили ему большой убыток и получали для покрытия своих расходов дотации от государства.

Чем же был вызван такой парадокс? Почему же совхозы работали убыточно?

Несколько причин обусловили это. Директорами совхозов назначались партийцы, которые происходили из отходников, рабочих и интеллигентов. Они сельского хозяйства не знали и руководили совхозами плохо.

Наемные рабочие совхозов работали гораздо хуже, чем крестьяне на своих полях, потому что они работали в чужом хозяйстве. Совхозники работали хуже, чем рабочие на фабриках, ибо их зарплата была гораздо ниже зарплаты фабричных рабочих.

Бюрократическая государственная система и личные интересы директоров приводили к тому, что в совхозе числились на службе и получали зарплату много бездельников: большая канцелярия директора, его родственники и приятели, партсекретарь, председатель рабочкома и прочие дармоеды.

Расхищение продуктов совхоза происходило в больших масштабах. Продукты питания из совхоза бесплатно брал директор для своей семьи, часто — для оравы своих родственников и приятелей, для совхозного начальства: секретаря партийной ячейки и руководителя профсоюзной организации.

«Ответственные работники», руководители волости, уезда, губернских учреждений, вынуждали директоров совхозов к тому, чтобы те снабжали начальство самыми ценными продуктами из совхозов: маслом, мясом, фруктами. Директоры совхозов отправляли своим начальникам продукты из совхоза возами: в волость, в уезд, в губернию.

Один директор совхоза откровенно рассказывал об этом так:

— Если мой совхоз будет бесплатно снабжать уездное начальство продуктами, то за убыточность совхоза меня поругают немного на заседаниях для отвода глаз. И все. Но ежели я не буду снабжать начальников, то берегись! Будь совхоз самым прекрасным и прибыльным государственным предприятием, мне в совхозе не удержаться. Выгонят с позором. Или даже какое-либо политическое обвинение «пришьют» — «вредительство», «уклон» — и загонят в тар-тарары...

Из-за этих причин совхозы в годы НЭП-а показали всем только один пример: бесхозяйственности и нерентабельности.

Ясно, что у крестьян совхозная практика, практика «крупного социалистического земледелия», вызывала только насмешку и вражду.

Советское правительство в годы НЭП-а часть совхозов совершенно ликвидировало: землю их отдало для устройства крестьянских поселков, а лошадей и сельскохозяйственный инвентарь — передало товариществам по совместной обработке земли (ТОЗ-ам).

В других совхозах земля была передана под поселки и ТОЗ-ы, а винокуренные заводы с усадьбой были оставлены только в качестве заводов, а не совхозов.

Самые же лучшие совхозы были снабжены тракторами и другими машинами и получили от государства задание: во что бы то ни стало, на основе машинной техники, добиться рентабельности и свою задачу — стать для крестьян «образцовыми социалистическими сельскохозяйственными предприятиями» — выполнить.

Но эту задачу даже лучшие совхозы так и не смогли выполнить, хотя и были уже оборудованы машинной техникой. За все годы НЭП-а, когда на предприятиях проводился «контроль рублем», совхозы продолжали оставаться предприятиями нерентабельными, обузой государственного бюджета.

ТОЗ-ы

Большевистские политки расценивали совхозы, как «предприятия последовательно социалистического типа», как высшую форму социалистического земледелия. Эта форма в годы НЭП-а доказала свою несостоятельность и перед государством и перед крестьянами.

Тогда руководители советского государства решили организовать самую простейшую форму социалистического земледелия: товарищества по совместной обработке земли, сокращенно ТОЗы.

По распоряжению правительства, местные представители власти собирали безлошадых крестьян в каждой деревне и говорили им:

— Почти все крестьяне имеют лошадей, инвентарь и могут сами обрабатывать свою землю. А у вас нет ни лошадей, ни инвентаря. Поэтому вы должны платить за обработку земли своим соседям, Советская власть желает помочь вам. Но снабдить каждого безлошадного лошадью и инвентарем власть не может: нет у нее для этого средств. Поэтому мы предлагаем вам сделать так: всем безлошадным

объединиться в кооператив, товарищество по общественной обработке земли, ТОЗ. А государство снабдит ТОЗ бесплатно лошадьми и инвентарем из ликвидированных совхозов. Например, в Болотном 10 безлошадных дворов. На десяток семейств, членов ТОЗ-а, власть выдаст вам три лошади, инвентарь. А вы содержите лошадей и обрабатываете землю сообща.

В некоторых деревнях уезда ТОЗ-ы были организованы.

Но работали они плохо. Каждая семья обрабатывала свою землю сама. А лошадей использовали так: по одному дню, по очереди, лошадь находится в распоряжении каждого члена кооператива, и в эти дни лошадь кормит тот, кто ее использует на работе. Уход за лошадьми, присмотр за упряжью и инвентарем производился по пословице: «У семи нянек — дитя без глазу»...

В ТОЗ-е возникали постоянные нелады и ссоры из-за многих вопросов: очередь в использовании лошадей; непогожие дни, когда лошади совсем или частично не использовались; кормежка лошадей в нерабочее время; порча и ремонт инвентаря и упряжи и т. п.

Нелады на этой почве, да еще людей, которые, как безлошадные отходники, сельскохозяйственных работ не знали, за лошадьми ухаживать не умели, приводили к быстрому распаду большинства ТОЗ-ов.

Остальные товарищества владели жалкое существование и вызывали постоянные насмешки крестьян-единоличников. В первые годы революции «собес» («социальное обеспечение») было олицетворением всего жалкого и беспомощного. В годы НЭП-а в деревнях слово «ТОЗ» имело тот же смысл...

Наблюдая эту картину развала ТОЗ-ов или их жалкой беспомощности в соседних деревнях, безлошадные Болотного даже и не пытались создавать ТОЗ.

В годы советской власти, когда земля у каждой семьи была, половина бывших безлошадных в Болотном приобрела себе лошадей и инвентарь. Они обрабатывали свою землю сами.

Оставшимся безлошадным землю обрабатывали их соседи. Но уже не бесплатно, как в период натурального коммунизма, а за плату, по добровольному соглашению. Плата за обработку была денежная или натуральная. В большинстве случаев земля обрабатывалась на условиях испольщины: половина валового урожая шла хозяину земли, а другая половина — ее обработчику.

Такие условия обработки земли были для безлошадных более приемлемы, чем личная обработка земли с помощью лошади и инвентаря ТОЗ-а.

Сельскохозяйственный налог в годы НЭП-а составлял около половины валового урожая в деревнях на Орловщине. Но безлошадных советская власть освобождала от сельскохозяйственного налога. При этих условиях безлошадные также имели выгоду от земли: половина урожая с их земли шла обработчикам, а другая половина — безлошадным, хозяевам земли.

А если бы советская власть не освобождала их от налога, тогда безлошадным не было бы никакого интереса иметь землю, так как одна половина урожая шла бы государству в виде налога, а другая — обработчику земли. Безлошадным ничего из урожая не оставалось бы, и они вынуждены были бы отказаться от земли.

Поселки

В годы НЭП-а советская власть охотно разрешала крестьянам выселяться из деревни и селиться поселками, не менее 10 дворов.

Власть даже поощряла это и призывала селиться в первую очередь на бывшей помещичьей земле и на земле бывших хуторян и отрубников.

Из Болотного в 1922 году выселились два поселка: один из 10 дворов, другой из 16-ти.

Поселки выселились на землю бывших хуторян и на отрубы пятидесяти болотинских домохозяев, которые до революции купили у помещика 100 десятин земли.

На поселках крестьяне устроились гораздо лучше, чем в деревне.

Они заняли лучшую землю, которая была хорошо возделана и удобрена хуторянами и отрубниками.

Каждому домохозяину поселок выделил большую — гектарную — усадьбу.

Дворы на этих усадьбах расселились редко. Жить стало гораздо свободнее, чем в деревне, и безопаснее от пожаров.

За все довоенные годы, с 1922 до 1941, за 20 лет, на двух поселках не было ни одного пожара. А за эти же годы в селе были большие пожары.

На своих обширных усадьбах поселяне завели большие огороды и сады. Некоторые завели и пасеки.

Всю полевую землю земельная община поселка разделила на три поля, а в каждом поле для каждого домохозяина выделила только по одной полосе. Площадь полос была пропорциональна числу душ в семье.

Переделы земли крестьяне считали делом вредным для хозяйства. Поэтому они решили: закрепить за каждым двором его полосы навсегда и больше их не переделывать.

Но распоряжения о советского правительства говорили об обязательных ежегодных переделах земли внутри каждой земельной общины, в связи с ежегодным изменением числа душ в семьях. Поселяне решили: держать свое «антизаконное», с точки зрения советского правительства, решение в строгом секрете от органов власти и даже от соседних общин.

Но для того, чтобы компенсировать те дворы, у которых число душ значительно возрастет из-за браков и рождений, жители поселков решили создать запасной земельный фонд. Из этого фонда поселки наделяли землей «прибавившиеся души».

Таковыми мероприятиями поселяне, вопреки советским законам, стремились уменьшить недостатки общинного землепользования и, по мере возможности, приблизить поселково-общинную форму землепользования к отрубной форме.

В значительной мере им удалось достичь своей цели. Об этом говорят и полная отмена переделов земли, которые в советской деревне происходили ежегодно, и сведение земли каждого двора до четырех участков, вместо 30-40 полос, которыми пользовался каждый домохозяин в земельной общине в деревне.

Хутора

При НЭП-е, когда советская власть разрешила крестьянам выселяться на поселки, многие стали хлопотать о выделении им индивидуальных участков, отрубов и хуторов, по образцу прежних столыпинских хуторов.

Но власть этого никак не разрешала, хотя в законах о земле и провозгласила свободу выбора форм землепользования.

Ленин при НЭП-е провозгласил свой план: «превратить Россию нэповскую в Россию социалистическую», переделать нэповскую деревню на социалистический лад. В хуторах он видел антипода социалистической формы земледелия, в хуторянах — самых непреклонных врагов большевистского плана. Поэтому советская власть всячески искореняла фермерскую форму земледелия и не позволяла возродиться ей вновь.

Но тяга крестьян к фермерскому хозяйству была такая сильная, а средства у зажиточных крестьян при НЭП-е были настолько значительные, что некоторые крестьяне всякими нелегальными путями ухищрялись все же устраивать хутора.

Три крестьянских двора из Болотного выселились на поселок. А потом попросили поселковую общину выделить им землю в отдаленном углу поселковых владений. Община на это согласилась.

Переселившись туда, эти дворы разделили отведенную им землю на три отдельных участка и работали на них совершенно самостоятельно. Они условились о том, что землю они никогда переделывать не будут. Строения расположили каждый на своем участке, далеко друг от друга.

Официально этот маленький поселок считался составной частью соседнего большого поселка. Но практически это были три совершенно самостоятельных хутора.

Местные начальники, получив соответствующую «мзду», делали вид, что они ничего не замечают...

Эти три крестьянина до революции жили в деревне, хуторов не имели. Это были не прежние столыпинские, а новые хуторяне. Хуторская система хозяйствования была притягательна для всех крестьян: и для тех, кто на хуторах жил, и для тех, кто их только видел.

А в соседней деревне один столыпинский хуторянин смог сохранить свой хутор еще с дореволюционного времени.

В 1918 году, когда всех хуторян власть стогнала с их участков и прогоняла обратно в деревню, этот хутор под каким-то вымышленным предлогом был «временно» оставлен. А затем этот «временный период» растянулся на целое десятилетие.

Формально владелец хутора был причислен к земельной общине соседней деревни. А на практике он владел этим хутором, жил и работал на нем совершенно самостоятельно.

Дом хуторянина был расположен в укромном местечке: в лесу, вдали от дорог. Он не «мозолил глаза» ни проезжающим начальникам, ни соседним крестьянам. Но главная причина чудесного спасения столыпинского хутора заключалась в том, что близкий родственник хуторянина был одним из уездных начальников и покровительствовал ему.

При таких обстоятельствах некоторые хутора, вопреки нетерпимому отношению большевистской власти к ним, могли существовать более десятилетия после Октябрьского переворота, вплоть до коллективизации.

Но от погрома коллективизации не мог уже спастись ни один хутор.

Раздел земельной общины в селе

За годы НЭП-а около $\frac{1}{5}$ части дворов Болотного переселились на поселки. Из них некоторые даже на хутора.

Большинство же крестьян, $\frac{4}{5}$ семейств, вынуждены были остаться на месте, в селе.

Но и оставшиеся в деревне, на основе опыта дореволюционных хуторов, отрубов и нэповских поселков, всячески стремились к тому, чтобы по возможности уменьшить отрицательные стороны земельной общины.

С этой целью оставшиеся на месте жители села совершенно самостоятельно выработали и осуществили план раздела одной большой земельной общины на три маленьких. Общинная земля была разделена на три части. К каждому поселку примыкала принадлежащая ему земля.

Из-за такого раздела села и полей, земля была приближена к земледельцу. Расстояние от полей до жилья пахаря было сокращено вдвое. Это облегчило работу крестьян.

Вместо многих узких полос крестьяне стали разделять теперь землю на небольшое число широких полос.

Переселение из села на поселок каждого пятого двора позволило оставшимся жителям расширить усадебные участки земли.

А в соседней деревне, после огромного пожара, уничтожившего всю деревню, крестьяне провели также и расселение дворов. Для каж-

дого двора была выделена гектарная усадьба, так же, как на поселках. Поэтому постройки были теперь расположены далеко друг от друга и окружены ракетами и садами.

Прежде земледельцы всегда жались поближе к воде и селились в деревнях очень тесно. Но пожары, наконец, заставили их расселиться.

Так в период НЭП-а крестьяне устраивали свое жилье и хозяйство в деревнях, на поселках и даже на хуторах.

С наибольшей силой крестьяне стремились на хутора. Но эту форму хозяйства большевистская власть преследовала. Поэтому только редкие единицы могли всякими незаконными путями устроить хутора.

При невозможности попасть на хутора, крестьяне стремились попасть на поселки, а поселки — преобразовать так, чтобы они как можно более уподобились хуторской форме хозяйствования.

А поневоле оставшиеся в деревне люди стремились к разделу деревни на поселки, к переходу на поселковую форму жизни и хозяйствования.

Так крестьяне нэповской деревни упорнее всего отталкивались от земельной общины и социалистических форм земледелия: совхозов и ТОЗ-ов. А сильнее всего хлебопашцы стремились к фермерской форме земледелия (хутора, отруба) и полуфермерской — поселковой.

Торговля кооперативная и частная

После проведения денежной реформы бесплатное государственное распределение продуктов и промышленных изделий было отменено. Оно было заменено торговлей.

Все прежние государственные распределительные склады, «потребкоммуны», были преобразованы в кооперативы.

Советское правительство создало кооперативы во всех городах и деревнях страны.

Кооперативная организация получила официальное наименование «Единое потребительское общество», сокращенно: «ЕПО». В деревнях эти кооперативы назывались «сельпо», в городах — «горпо».

Все потребительские кооперативы были организованы в единую систему уездных, губернских и всесоюзного объединений, под руководством Центросоюза. А Центросоюз, как и все другие центральные учреждения в Советском Союзе, советские, профсоюзные и т. п., был

назначен Центральным Комитетом Коммунистической партии, которая управляла страной монопольно.

По приказу сверху, «потребкоммуна» Болотного тоже была преобразована в «сельпо».

Организация «единого потребительского общества» происходила в селе обычными советскими методами. На сельском собрании было зачитано сообщение органов власти о том, что все товары, которые будут направляться из советских фабрик, из города в деревню, будут теперь продаваться только за деньги, через магазины «сельпо». Никакого бесплатного распределения городских товаров больше не будет. Но продажа товаров будет производиться только членам кооператива, то есть, тем, кто будет иметь кооперативную книжку. А для того, чтобы получить эту книжку, нужно уплатить в кооператив вступительный и паевой взносы в таком-то размере. Деньги эти нужны для того, чтобы сельпо могло за наличные покупать товары, которые будет получать в складе уездного потребсоюза, а также на содержание работников сельпо и прочие расходы кооператива.

Для того, чтобы преодолеть недоверие людей к власти и ее обещаниям, в магазине переменили вывеску и сразу же начали торговлю товарами, которые были для этой цели присланы на первый раз в кредит. Заведующий складом «потребкоммуны», переименованный в заведующего магазином сельпо, начал продажу поступивших товаров (соли, мыла, спичек, керосина и т. п.) пайщикам, которые записывались у него и тут же получали кооперативную книжку.

Все домохозяева должны были записываться в сельпо, чтобы иметь возможность покупать там товары. Через неделю на собрании пайщиков сельпо были проведены «выборы» правления кооператива и ревизионной комиссии. А правление назначило зарплату для «продавца» и сторожа, назначило этих служащих кооператива, и сельпо приступило к работе.

В уездном городе были открыты оптовые склады для снабжения товарами всех сельпо уезда.

Горпо открыло в городе специальные розничные магазины: продуктовый, галантерейный, железо-скобяной, книжно-писчебумажный и т. п.

Когда Ленин намечал свой план «превращения России нэповской в Россию социалистическую», план перехода от отступления к наступ-

лению социализма, он придавал огромное значение кооперации, как «столбовой дорожке к социализму». Крестьяне, по этому плану, должны были увидеть выгоды социалистического хозяйства и научиться его вести сначала в простейших кооперативах, потребительских. Затем они научатся организовывать общественное хозяйство в сбытовых кооперативах, а потом, в конце концов, перейдут к кооперативам производственным. Поэтому Ленин, разъясняя партии огромное значение кооперации, говорил о необходимости «культурной торговли» и призывал коммунистов: «Учитесь торговать!»

С этой целью — научиться лучше торговать — советская власть и допустила свободную частную торговлю в магазинах. Умение торговцев, их знания и опыт, их конкуренция — должны были помочь советским кооперативам получить торговый опыт.

Государство, установив налог на торговлю, допустило свободное существование мелкой частной торговли.

После этого частные лавочки и ларьки стали появляться и в городе и в деревнях, как грибы после дождя.

В деревнях возобновили свою деятельность прежние, дореволюционные торговцы. Часто появлялись также и новые торговцы из местных крестьян.

Торговец, который имел до революции лавочку в Болотном, умер. Семья его осталась жить в городе. Во время НЭП-а в селе появился новый частный торговец, из местных крестьян-кустарей.

Но лавочка его торговала нелегально. Торговец не доверял утверждениям большевистских вождей о том, что НЭП вводится «всерьез и надолго».

— «Товарищей» я хорошо знаю, — говорил он: и в деревне обучен и в тюрьме немало посидел. Я не верю их обещаниям. Вот как только люди пообрастут маленько шерстью, так «товарищи» и примутся опять за стрижку. А после стрижки и шкуру сдерут... Нет, уж лучше торговать потихоньку, незаметно.

Этот хитрый торговец высказывал также и другое соображение.

— Налог за торговлю на частника навален очень большой. Гораздо больше, чем налог на кооперативную торговлю. Ну, а взятка председателю сельсовета, за торговлю без разрешения, этот «налог» гораздо меньше. При «господах-товарищах» лучше торговать без вывески: и выгодней и безопасней.

Товарами, которых было достаточно в кооперативной лавочке, частный торговец обычно не занимался. Он добывал для торговли дефицитные товары: мануфактуру, обувь, гвозди, инструменты и т. п. Разыскивал эти дефицитные товары везде: на государственных оптовых складах, у кооперативных работников (за взятку), у перекупщиков. Ездил за ними и в соседние губернские города и даже в столицу.

А нередко «добывал» их и у местного продавца сельпо. Как только в кооператив поступал какой-либо дефицитный товар, оба торговца, частник и кооператор, устраивали секретное совещание и договаривались о том, как «оборудовать дело» к обоюдной выгоде. Например: большую часть таких товаров кооператор продавал частнику оптом за взятку, а остаток — на следующий день продавал в магазине пайщикам по установленной цене. А так как спрос на этот дефицитный товар и после этого оставался не удовлетворенным, то потом выступал на сцену частник: он тихонько продавал этот товар в своей лавочке, с изрядной «накидкой». Так оба торговца, и продавец сельпо и частный торговец, оказывались после такой торговли с «прибылью»...

В большинстве деревень частные торговцы имели легальную торговлю. Но и они такими приемами пользовались часто.

В период НЭП-а были и хорошие сельские кооперативы, где торговля производилась честно и злоупотреблений не было. Пришлось наблюдать один большой кооператив, который объединил все сельпо своей волости в качестве своих отделений. Правление, торговые и счетные работники были честные и деловые люди, к тому же они были заинтересованы премиями (за повышенный товарооборот), которые были введены в этом кооперативе. Торговля велась деловито и честно. На отчисления от прибыли кооператив содержал избы — читальни в каждой деревне своей волости, с условием, что каждая изба-читальня, наряду с общим и политическим просвещением, будет заниматься также кооперативным просвещением: в читальне были кооперативные газеты, журналы, книги.

Но таких хороших кооперативов было мало. Плохих же кооперативов было большинство. Там плохо торговали, к покупателям относились равнодушно. Порча, всевозможные потери и хищения товаров и денег встречались часто.

В городах частные торговцы сосредоточили свою деятельность в некоторых областях, главным образом, в продуктовых магазинах: в мясных, рыбных, молочных, овощных, фруктовых, булочных.

В огромном большинстве случаев и в городах и в деревнях частные торговцы торговали лучше кооперативов. Частная торговля побеждала в свободной конкуренции торговлю кооперативную. Побеждала, несмотря на то, что частные торговцы начинали свое дело обычно с малыми средствами, налога платили больше, чем кооперативы, и в снабжении товарами из оптовых складов стояли на втором месте.

Победа частной торговли над кооперативной объясняется многими причинами.

Частные торговцы обычно знали торговое дело гораздо лучше, чем лей, чем кооперативные работники, которые при постоянном жалованье материально в работе были заинтересованы слабо (премии за товарооборот выплачивались в очень немногих кооперативах).

Частные торговцы были больше заинтересованы успешной торговлей, кооперативные работники.

Частный торговец был сильно заинтересован в целостности и сохранности продуктов и товаров, ибо их порча представляет для него прямой материальный ущерб. А кооперативный работник в этом деле был мало заинтересован: за порчу и гибель товаров с него не взыскивалось.

Расходы на содержание торгового аппарата в кооперативе были большие, чем у частного торговца. В маленькой сельской лавочке обычно работал один человек, хозяин-торговец. А в сельпо — по крайней мере, два: продавец и сторож. В некоторых кооперативах оплачивали и председателей правления и ревизионной комиссии. Но даже если эти руководители кооператива не оплачивались официально, то они оплачивались нелегально: зависимый от них продавец старался «угодить» им... кооперативными товарами.

Хищение товаров, растраты денег, незаконные расходы — эти беды часто встречались в кооперативах. А в частной торговле их не было: частный торговец не будет обкрадывать самого себя.

Частные торговцы в интересах своей торговли могли маневрировать ценами и при покупке и при продаже, а кооператоры делать этого легально не могли.

Взятку частный торговец и кооператор используют для различных целей: частник — для увеличения своего торгового оборота и повышения своей прибыли, а кооператор — на пользу себе, но во вред кооперативу.

Лучшие работники частной торговли отбирались автоматически:

если частник будет плохим торговцем, то он быстро обонкротится и вынужден будет свою торговлю закрыть.

А плохой кооперативный работник в условиях советского государства, то есть, при отсутствии демократии в кооперативной организации, если его поддерживает местное партийно-советское начальство, — может служить в кооперации многие годы и наносить большой ущерб покупателям и кооперативу в целом. В условиях монопольной диктатуры коммунистической партии в государстве, кооперативные работники в незначительной мере зависят от пайщиков. Но зато они очень зависят от партийных организаций.

Такая уродливая зависимость кооперативов от внекооперативной силы очень снижала качество торгово-кооперативных работников и кооперативной торговли. А плохая работа кооперативов не только наносила экономический вред пайщикам, но и отталкивала их от кооперации.

Некоторые пайщики отказывались выплачивать кооперативные взносы, мотивируя это такими соображениями:

— Зачем мне такой кооператив, который требует с меня большие членские взносы, а обслуживает меня плохо?!. Лучше я буду покупать у частных торговцев, которые не требуют с меня никаких взносов и обслуживают меня лучше.

Если все же уход пайщиков из плохих кооперативов не был массовым, то это объясняется некоторыми практическими соображениями. Каждый пайщик хорошо понимал, что советская власть в любой момент может закрыть частную торговлю, и тогда пайщик, покинувший кооператив, попадает в затруднительное положение: кооператив может отказать ему в продаже товаров.

Поэтому формально числилось в кооперации почти поголовно все взрослое население Советского Союза. А фактически население в большей мере обслуживалось частными торговцами, чем кооперацией.

За все годы НЭП-а, в силу вышеизложенных причин, частная торговля, начатая после периода натурального коммунизма с нуля, быстро расширялась и все более оттесняла кооперативную торговлю.

А кооперативная торговля, в начале НЭП-а почти монопольная владычица торгового рынка, постепенно сдавала свои позиции и отступала перед частной торговлей.

Этот процесс происходил повсеместно: и в деревнях и в городах. Так было и в Болотном.

Культурная жизнь села

Преодолев голод и разруху первых лет революции, нэповская деревня, сытая и одетая, зажила интенсивной многосторонней жизнью.

На предыдущих страницах было показано оживление хозяйства деревни: сельского хозяйства, кустарной промышленности, торговли.

Деревня почти восстановила дореволюционный стандарт жизни, разрушенный гражданской войной и политикой натурального коммунизма.

А на этой основе произошло оживление всех других сторон жизни крестьянства: культурной, церковно-религиозной, общественно-политической.

Школа

После разрухи революционных лет школа в Болотном была отремонтирована, снабжена топливом и возобновила свою работу. В ней было теперь уже не три класса, как в дореволюционной школе, а четыре. С четырьмя классами занимались две учительницы.

В советской республике церковь была отделена от государства. А школа отделена от церкви и превращена в чисто светскую школу. Закон Божий в школе больше не преподавался.

В те годы Наркомпрос дал директиву о том, чтобы школьное образование было «безрелигиозным», то есть не связанным с религией. Учителям запрещалось использовать школьное преподавание для религиозного обучения и воспитания. Но и антирелигиозного воспитания от учителей в те годы Наркомпрос не требовал.

После Октябрьского переворота все дореволюционные учебники и хрестоматии из школ были изъяты и уничтожены советской властью, как «враждебные коммунизму», «не созвучные эпохе». Школьные библиотеки тоже были уничтожены. Захвативши в свои руки органы просвещения, большевистские Скалозубы не пощадили ни былины о русских богатырях, ни книжки о Петре Великом и Суворове, ни многие произведения классиков, «реакционных писателей-помещиков».

Для школ были наспех составлены брошюры и хрестоматии. Они были заполнены коммунистической пропагандой. Басни Крылова в школьных хрестоматиях были заменены баснями Демьяна Бедного,

бессмертные творения Пушкина — «произведениями» Юрия Либединского, Гладкова и других большевистских «классиков революционной литературы», в защиту которых Демьян Бедный, «вождь литературного фронта» того времени, мог привести только один аргумент: «Хоть сопливенькие, да наши»...

Буквари тех лет и для взрослых и для детей начинались революционно-большевистскими декларациями: «Мы не рабы!», «Да здравствует Великая Октябрьская революция!», «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!...»

Для начальных школ в период НЭП-а были выработаны новые программы — «программы ГУС-а» (Государственного Ученого Совета Наркомпроса). Эти программы были построены на так называемой «комплексной системе» обучения.

В прежней школе арифметика и русский язык, родиноведение и природоведение изучались в школе на уроках отдельно и независимо друг от друга. «Программы ГУС-а» и «комплексная система» обучения требовали от учителей, чтобы все эти знания изучались в школе неразрозненно, а в тесной связи друг с другом, по комплексным темам.

При обучении детей младшего возраста эта система имела положительную сторону. Но педантичное следование этой системе приводило к натяжкам, по поводу которых учителя иронизировали: «Неужели воробья непременно надо увязывать с мировой революцией?!»

В начальных школах в годы НЭП-а получил большое распространение экскурсионный метод обучения. В нормальном размере метод этот полезен и целесообразен. Но учителя тех лет, часто очень молодые и неподготовленные, нередко злоупотребляли им так, что большую часть школьных занятий превращали в экскурсии. Из-за этого молодым учителям было легко, ребятам весело, но грамотность в школах была невысокой.

Возможности для учения в средней и высшей школах в годы НЭП-а для детей трудящихся были облегчены. Обучение в общеобразовательных школах было бесплатное. А в специальных средних и высших школах, в техникумах и вузах, государство платило студентам скромную стипендию. Советская власть готовила кадры интеллигенции и руководителей государственной жизни.

Крестьяне, стремясь своих детей «вывести в люди», отправляли их на учебу в города: в средние и высшие учебные заведения.

Из Болотного за эти годы тоже ушли десятка два юношей и девушек в города, в средние школы: в «школы второй ступени» (так назывались тогда старшие классы средней школы для детей от 12 до 17 лет); в рабочие факультеты («рабфаки») — средние школы для взрослых; в техникумы — профессиональные средние школы для подготовки учителей начальных школ, медицинских сестер и т. п.

А некоторые, по окончании средних школ, шли дальше — в высшие школы, чтобы стать врачами, учителями средней школы, агрономами, инженерами.

Поход крестьянской молодежи на учебу в годы НЭП-а был массовый.

Вечерние школы для подростков и взрослых

В те годы советская власть поставила перед учителями, избачами, учащимися средних школ задачу: полностью ликвидировать неграмотность в Советском Союзе.

Все дети от семи до четырнадцати лет были обязаны посещать начальную школу или семилетку.

А неграмотные подростки от 14 до 18 лет обязаны были обучаться в вечерних школах: в школах по ликвидации неграмотности и в школах для малограмотных.

Начиная с Октябрьской революции, обучение грамоте было обязательно также и для неграмотных взрослых, до 50 лет. Иногда ретивые комсомольцы тащили в эти школы даже стариков и старух, осуществляя лозунг поэта Маяковского, написанный на школьных плакатах:

«Безграмотная старь,
Садися за букварь!...»

В большинстве случаев в таких школах работали местные учителя, ученики старших классов средних школ и грамотные комсомольцы в порядке «общественной нагрузки», то есть бесплатно.

В некоторых волостях уезда были организованы также и школы для крестьянской молодежи (ШКМ). Они были дневные и вечерние.

Программа этих школ была равна трем старшим классам школы-семилетки.

Школы эти имели «практически-агрономический уклон»: они стремились подготовить из своих учеников культурных, передовых сельских хозяев.

Изба-читальня

В период НЭП-а вожди большевизма придавали большое значение «культурной революции», то есть, школьному образованию и внешкольному политическому просвещению народных масс. Они хотели подготовить кадры своей интеллигенции и распространить коммунистическую идеологию в массах, убедить крестьянскую массу в необходимости «построения социализма». Руководителем Главполитпросвета была поставлена жена Ленина, теоретик коммунистической педагогики, Крупская. На это дело были отпущены большие средства.

В эти годы в каждой волости была организована изба-читальня, сельский клуб. В той волости, к которой принадлежало Болотное, тоже была изба-читальня.

В ней была библиотека, главным образом, с политической литературой. Была читальня, с газетами и журналами.

Заведывали избами-читальнями обычно комсомольцы. Это была платная работа. Назначение избачей производил уездный отдел народного образования, сектор политпросвета.

Под руководством избача или местных учителей в избе-читальне работали театральные и музыкально-хоровые кружки. Они устраивали концерты и театральные постановки в деревнях волости.

В волостной избе-читальне и по деревням устраивались кинопостановки. УОНО (Уездный отдел народного образования) для этой цели организовал разъездное кино, «кинопередвижку».

В некоторых волостях, кроме волостной избы-читальни, были организованы также и сельские. Они содержались не на государственном бюджете, а на общественные средства: местного кооператива, земельной общины или группы крестьян.

Развлечения сельской молодежи

В годы НЭП-а, когда голод и нужда предыдущего периода были изжиты, деревня опять зазвенела песнями, гармониками, балалайками, завихрилась плясками, — как в дореволюционное время.

В хороводах молодежь пела народные песни. А кроме того, в большом ходу были тогда и частушки. До революции частушки в Болотном распевались не так часто; больше пели народные песни. А после революции частушек появилось очень много.

Частушки носили самый разнообразный характер: лирические, бытовые, политические, антипоповские, изредка антирелигиозные и т. д. Очень много частушек высмеивали легкомысленные браки, разводы и другие особенности советского быта.

Одна из политических частушек была приведена раньше — о комбеде. Молодежь распевала также и много других политических частушек: о коммунистах и комсомольцах, о советской власти, о разверстках, о сельском комиссаре, о пьяницах-начальниках и т. п.

Комсомольцы пели частушку:

«Отчего и почему,
И по какому случаю,
Комсомолок я люблю,
А беспартийных мучаю?..»

Деревенские девушки — некомсомолки не остались в долгу и перепедали ее на свой лад:

«Отчего и почему,
И по какому случаю,
Беспартийных я люблю,
А комсомольцев мучаю?..»

В неповской деревне молодежь распевала очень много частушек. За неделю, в одном селе, я собрал более сотни частушек. Вся деревенская жизнь, советские порядки, быт деревни, психология молодежи, — все было отражено в этих частушках.

О происхождении частушек молодежь Болотного рассказывала, что часть из них была составлена местными девушками и юношами, а другая часть заимствована, перенята от молодежи других деревень уезда.

Молодежь в те годы интенсивно общалась: посещение кино и театральнo-концертных постановок в волостной избе-читальне; общие хороводы нескольких деревень; частые встречи около храмов и на уездных базарах и ярмарках.

Религиозная жизнь деревни

В период Октябрьской революции и гражданской войны многие священники оказались в тяжелом положении: государственного жалованья их лишили, никакого пайка не выдавали, земли тоже не давали. А крестьяне из-за разверсток в это время сами голодали.

Священники из-за этих обстоятельств были вынуждены снять с себя духовный сан и просить власть о предоставлении им работы в учреждениях. Нередко при этом они делали, вероятно, вынужденно, позорящие их заявления.

Некоторые вступали в партию и получали потом «ответственную работу». Один священник в уезде, вступив в партию, получил работу в качестве преподавателя общественно-политических предметов в средней школе. Другой быстро пошел по ступеням административной иерархии и стал секретарем губисполкома.

Многие священники уезжали из своих приходов. Они снимали духовное облачение, принимали светский вид и поступали на какую-либо службу, скрывая свое духовное звание в прошлом.

Только небольшая часть священников могла в те годы остаться в своих приходах и продолжать свое дело.

Священник из Болотного тоже в то время уехал куда-то со своей семьей, скрылся.

В период НЭП-а церковно-религиозная жизнь в деревне опять возобновилась. Власть особых придирок к священникам в это время не чинила, а крестьяне теперь легко могли содержать священника с семьей. Многие скрывавшиеся по разным углам священники опять вернулись в свои приходы. В сельских храмах повсеместно и регулярно совершались теперь церковные богослужения.

В Болотное приехал новый священник, одинокий, тихий, скромный старичок. Он был сторонником старой, «тихоновской церкви», считающей своим главой патриарха Тихона, который предал анафеме советскую власть. Священники этой церкви считали необходимым сохранять в полной неприкосновенности все традиции старой церкви.

В соседнем селе был молодой священник новой, «живой», или «обновленческой церкви». Прежде он был дьячком, а теперь получил сан священника. «Обновленческая церковь» к советской власти относилась лояльно и стремилась к реформированию старой православной церкви.

Священники «старой» и «обновленческой» церкви враждовали между собой. Они в эти годы часто съезжались в уездном городе на церковные собрания и проводили там бурные дискуссии, под наблюдением и под воздействием «недреманного ока», председателя уездной Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией.

Своими публичными заявлениями о том, что священнической деятельностью они занимались только по материальным соображениям, а на самом деле религию считали обманом, священники-расстриги подрывали авторитет духовенства. Постоянные ссоры священников, тихоновцев и обновленцев, подрывали этот авторитет и дальше.

Косомольские организации в это время вели усиленную антирелигиозную пропаганду, нередко в красочной форме карнавалов, антирелигиозных вечеров и т. п. Из-за этих обстоятельств среди молодежи были значительно распространены атеистические настроения и взгляды.

Среди взрослых были распространены не антирелигиозные, а антипоповские настроения, критика священников.

При этих обстоятельствах сильно расширялось в деревнях сектантское движение, главным образом, баптистское. В эти годы сектанты-баптисты очень энергично проводили свою проповедь среди населения. А раньше, до революции, эта проповедь преследовалась священниками и властью.

Баптисты в праздничные дни группами ходили по деревням и поселкам. Они приносили с собой и раздавали сельским жителям Евангелие, баптистские брошюры и листовки. Они неумоимо кочевали по деревням, пели духовные песни и проводили беседы на религиозные темы.

В деревнях часто происходили жаркие дискуссии баптистов с комсомольцами. Нередко происходили такие беседы и песнопения и в избе баптиста в Болотном.

Этими собраниями интересовались крестьяне: и взрослые и молодежь. Приходя в села, баптисты приглашали на такие собеседования комсомольцев, священников и всех жителей села. Но священники на эти диспуты обычно не являлись, избегали их.

Закончив свои песнопения, беседы и диспуты с комсомольцами, баптисты заявляли, уходя:

— Ну, а батюшка не пришел на беседу. Видно, он не крепок в своей вере и не силен в Божественном писании...

Сектанты отличались трезвым и скромным поведением, духом взаимопомощи, начитанностью и культурностью. Сектантское движение в годы НЭП-а сильно расширилось в уезде. Религиозные организации баптистов появились во многих деревнях. В соседней деревне около половины ее населения перешло в баптистскую организацию.

А в Болотном баптистов было мало. Быть может, это объясняется тем обстоятельством, что последний священник, скромный старичок, пользовался у крестьян села всеобщим уважением.

Политическая активность крестьянства

Крестьяне, восстановив свое хозяйство, подняв свой материальный уровень жизни почти до нормального и накормив городское население, стали чувствовать себя более уверенно и крепко во всем, в частности, и в общественно-политических делах. На собраниях, съездах, при выборах, отчетах — земледельцы стали принимать активное участие.

В годы революции и гражданской войны зажиточные крестьяне, кулаки, учителя духовного происхождения были лишены права голоса и выключены из легальной общественно-политической жизни. Теперь эта категория населения, под давлением крестьян, была восстановлена в гражданских правах.

На собраниях крестьяне были не только слушателями. Они в выступлениях при обсуждении отчетов, докладов, вносили свои предложения и пожелания. Особенную активность проявляли сельские жители при выборах советов, правления кооперации и т. п., хорошо понимая огромное значение местных органов власти и экономических учреждений.

Партийные организации при всяких перевыборах предлагали свой список и старались навязать его собранию. Беспартийные одиночки предлагали дополнительных кандидатов. Во время голосования в тех случаях, когда беспартийных было большинство, самых неприятных партийных кандидатов собрания нередко «проваливали», а беспартийных, уважаемых, деловых людей, выбирали.

На учительской конференции в том уезде, к которому принадлежит Болотное, беспартийные педагоги «провалили» весь список большевистской фракции и выбрали в правление профсоюза исключитель-

но беспартийных учителей. Это был большой политический скандал на всю губернию . . .

Такие же случаи нередко происходили и при выборах советских и кооперативных органов в деревне.

При обсуждении отчетов советских, профсоюзных, кооперативных органов крестьяне были очень активны: была основательная критика недостатков, дельные предложения. Активность эта проявлялась также и при обсуждении больших политических проблем. После типичных для того времени докладов большевистских пропагандистов — «О международном и внутреннем положении Советского Союза» — крестьяне задавали докладчикам много вопросов, нередко для коммунистов очень неприятных. А потом выступали в прениях, часто с умными речами.

Перед Генуэзской международной конференцией в 1922 году коммунистическая партия рассылала своих пропагандистов по всем городам и деревням Советского Союза. Приехал пропагандист из уездного комитета партии и в село Болотное. На общем собрании крестьян он произнес обычную речь по шпаргалке. И по этой же шпаргалке закончил ее так: «На эту конференцию приглашены и представители Советского Союза. Но советские граждане ни в коем случае не должны отпускать любимого вождя, товарища Ленина, на эту конференцию, так как ненавидящая его буржуазия может организовать за границей на него покушение. А без Ленина мы все погибнем!» . .

После докладчика выступили некоторые крестьяне и возражали ему:

— Вот, к примеру, мы, головы семейств. Когда важные дела на собрании обсуждаются, мы должны сами пойти на это собрание. Кому же доверить важное дело? А если дело неважное, тогда его можно и ребятишкам поручить. Ежели предстоит важное дело, тут ни на кого полагаться не следует. А бояться тут нечего. Товарищ Ленин долго в чужих краях жил, — не боялся; такую революцию сварганил, что аж волосы дыбом встают, — не пугался . . . А теперь съездить на конференцию в Италию — что же тут страшного?! . Волков бояться — в лес не ходить . . .

После обсуждения резолюция докладчика была отвергнута, а принята резолюция крестьянская: «Просить главу правительства, товарища Ленина, выехать на Международную конференцию и там защищать интересы нашего государства» . . .

С этого собрания уездный пропагандист уходил рассвирепевший, местные партийцы — обескураженные, а мужички — с лукавой усмешкой...

Политическая активность беспартийных крестьян в эти годы проявлялась даже при обсуждении отчетов правительства на съездах советов.

В годы НЭП-а на губернские съезды советов приезжали народные комиссары из Москвы и выступали с отчетом Совнаркома. На Орловский губернский съезд советов приехал однажды народный комиссар (министр) Луначарский и сделал на нем отчет советского правительства.

В те годы руководители коммунистической партии декларировали свое уважение перед мужичком, ухаживали за ним. Достаточно только вспомнить, что в те годы Сталин выступал против Троцкого в качестве «друга и защитника» крестьянства: против планов Троцкого об индустриализации страны и «первоначальном социалистическом накоплении» за счет деревни, против планов экспроприации частного крестьянского хозяйства.

Дух этого лицемерного ухаживания за мужиком Луначарский выразил в наиболее яркой форме, закончив свой отчет на съезде словами: «Да здравствует Его Величество Народ!...» Речь его была напечатана во всех газетах. Но печать не сообщила эпизод, который произошел на съезде: о нем рассказывали его участники.

Сидевший в президиуме съезда беспартийный крестьянин с почтенной бородкой выступил с таким «приветствием»: «Я, конечно, приветствую власть. Но пословица говорит: «Хлеб-соль ешь, а правду режь». Мужички, избирая меня на съезд, дали мне наказ: «Налог на крестьянское хозяйство очень велик. До революции средний мужик платил со своего хозяйства не больше трех рублей, а теперь советская власть требует с него двести рублей. Мы снизили цены на все продукты почти до цен дореволюционных. А налог с нас повысили в 70 раз. Это немыслимое дело. Нужно налог сильно уменьшить! Вот этот наказ «Его Величества Мужика» я тут, на съезде, перед представителями власти, и докладываю...»

Активность беспартийных крестьян доходила до того, что на съездах советов и в Центральном Исполнительном Комитете Советов они стали организовывать... «фракции беспартийных».

А деревенская молодежь стала самочинно создавать организации самостоятельного, независимого от опеки Комсомола, Союза Крестьянской Молодежи. Эти организации были культурными, а не политическими, самодеятельными, а не подчиненными партийно-комсомольским «нянькам».

В политической активности крестьянства Коммунистическая партия увидела угрозу своей монополярной диктатуре в советском государстве. И стала опять резко подавлять эту активность крестьянства и вообще «Его Величества Народа».

Фракции беспартийных, совещания и организации без партийного руководства в них, были распущены и воспрещены.

Для выборов была принята новая система: выборы во всех организациях стали проводить не в индивидуальном порядке, а только по спискам. На каждом съезде, в каждой организации выдвигался от имени фракции и партийного комитета список и предлагалось: «проявить доверие к партии и голосовать единодушно». Если кто-либо со списком фракции был не согласен, то он должен был предложить на голосование другой список, за подписью не менее десяти делегатов этого съезда. Но когда же и как на самом собрании можно составить новый список? А если бы он был составлен заранее, то его составители были бы обвинены в том, что они проводили воспрещенные «совещания беспартийных», организовали «фракцию беспартийных», то есть, организовали нелегальную организацию, деятельность которой направлена против коммунистической партии, а следовательно, против советской власти... Налицо были бы все данные для обвинения беспартийной группы в организации антисоветской партии и «контрреволюционного заговора» против советской власти. А такое обвинение вело в тюрьму и ссылку.

Таким образом, для беспартийных оставался только один путь — голосовать за список фракции, или, в лучшем случае, при голосовании воздержаться.

Участники съездов стали убеждаться в том, что всех тех беспартийных, которые выступали с критикой партийных руководителей или организаций, вскоре репрессировали. На одного наложат огромный налог с его кустарного предприятия или сельского хозяйства. Другого лишат права голоса. Третьего посадят в тюрьму «за контрреволюционную пропаганду». Четвертого уволят со службы, как «ненадежный элемент».

После этого беспартийные стали «помалкивать» на собраниях, «держат язык за зубами», чтобы не попасть в беду.

Но быть на собраниях и съездах на положении «молчаливых» и «такалыщиков» крестьянам, хорошим хозяевам и умным людям, было обидно и неприятно. И они стали игнорировать собрания. Собрания стали малолюдными, казенными, скучными.

Организации — советские, кооперативные, профсоюзные — опять захирели.

Большевистские вожди заговорили об «оживлении советов», выдвинули лозунг: «лицом к деревне!» Тем самым они признали, что советы и все другие организации стали полумертвыми и что партия обращена к деревне не лицом...

Но «оживить советы» можно было только предоставлением крестьянам, беспартийным массам вообще, неограниченных гражданских прав: свободы слова, полной свободы выборов и контроля, свободы общественных и политических организаций, отмены узурпации, произвола и принудительной партийной опеки над массами.

Пойти на такие политические уступки крестьянству, народу, большевистская партия, установившая свою монопольную диктатуру в стране, не могла. Она хорошо понимала, что свободный и полноправный народ партию диктаторов-узурпаторов у власти не оставит.

Взаимоотношения партии с крестьянством на этой почве опять стали обостряться.

Если для открытого проявления политической активности крестьянства не осталось возможности, то эта активность приняла формы скрытые.

Среди селькоровских писем преобладающее место заняли тогда разоблачительные корреспонденции, а в газетах на видное место выдвинулась сатира: фельетоны, басни, сатирические стихи.

По отношению к самым оголтелым душителям народной активности, советским «Держимордам» всех видов, крестьяне нередко применяли и террор: избиения и убийства.

Селькоровское движение и крестьянский террор развивались в последние годы НЭП-а повсеместно, в частности, и на Орловщине.

Власть активно занялась удушением критической печати, селькоровского движения, и массовым террором против лучших журналистов и селькоров. Многие из них были выброшены из вузов, со службы,

попали в ссылку, в тюрьму, в лагеря, были репрессированы всякими другими способами.

Так сильно обострилась борьба между экономически окрепшими крестьянами, добивавшимися свободы и политических прав, и большевистской властью, не желавшей делать крестьянам никаких политических уступок.

Беспартийная интеллигенция в огромном большинстве выступала в это время вместе с крестьянством: за политические права народа, против диктатуры партии.

Куда направлялась нэповская деревня?

При НЭП-е, когда была допущена частная трудовая собственность и личная инициатива, хозяйство ожило, возродилось: и сельское хозяйство, и кустарная промышленность, и частная торговля. Население было сыто, одето, обуто.

Но руководителей коммунистической власти это не удовлетворяло. Цель вождей стояла не в том, чтобы ожило хозяйство и материальные потребности населения были удовлетворены. Эта цель состояла в том, чтобы вся экономика России, а потом и всех других стран, стала социалистической. Тогда дела вождей большевистской партии будут записаны на золотых страницах истории под названием: «Величайшая революция в мировой истории, новая социалистическая эра». Ленин всю жизнь лелеял эти сверхчестолюбивые планы о Всемирной Социалистической Революции: о переводе частного хозяйства на рельсы социализма, о величайшем «скачке» от частнособственнической «предистории» к социалистической «истории» человечества.

Поэтому после введения НЭП-а он через год уже провозгласил: «Отступление закончено. Россия нэповская будет Россией социалистической!»

Усилия партии и в годы НЭП-а были направлены на социалистическое преобразование нэповской деревни.

Каков же результат этих усилий?

Практика показала нерентабельность совхозов, «предприятий последовательно-социалистического типа», и слабую работу и даже развал ТОЗ-ов, земледельческих кооперативов простейшего типа.

Эта практика показала возрождение индивидуального крестьянского хозяйства: на хуторах, в поселках, деревнях. Причем, крестьяне сильнее всего стремились к максимально свободным формам индивидуального хозяйствования: к хуторам. Но, если нельзя было выйти на хутор, то выходили на поселки. А в поселках вводили, вопреки законам советской власти, отрубную форму хозяйствования. Если же нельзя переселиться на поселок, то земледельцы разделяли деревню на поселки...

Кустарная промышленность ярко показала преимущество частного владения по сравнению с общественным: развал кустарной промышленности в руках комбедов и государства и ее возрождение в руках частных хозяев.

В области торговли частники в большинстве случаев лучше обслуживали население, чем кооперативы, успешно конкурировали с кооперацией, отвоевывали у нее рынок и вытесняли ее. К концу НЭП-а крестьяне и покупали и продавали больше товаров в секторе частной торговли (у деревенского частного торговца, на базаре, в городских частных ларьках и магазинах), чем в кооперативном секторе.

Большевистская власть всеми мерами старалась убедить крестьян в выгодности для них социалистических форм хозяйствования и старалась насадить эти формы в деревне, чтобы привести нэповскую деревню к социализму.

Но сама нэповская деревня отовсюду получала опыт, говорящий о другом: социалистические хозяйства давали отрицательные примеры, а частные, крестьянские, показывали образцы положительного хозяйствования.

И поэтому нэповская деревня, вопреки коммунистической власти, стремилась в сторону, противоположную социализму: к частному, индивидуальному хозяйству, к полной свободе и личной инициативе.

В годы НЭП-а частнособственническая линия крестьянства побеждала социалистическую направленность, которую пропагандировала и всячески поощряла большевистская власть в деревне.

Надежда идеолога правой фракции Коммунистической партии Н. Бухарина на то, что медленно, постепенно и добровольно даже «кулак вращается в социализм», оказалась явной утопией: «врастать в социализм» не хотели ни зажиточные крестьяне, ни середняки; даже из бедняков только немногие были склонны к этому.

Перед партией во весь рост вставала огромная проблема — о путях развитая нэповской деревни: или, в угоду крестьянству, отказаться от плана социализации сельского хозяйства, как плана нереального, утопического, вредного, или проводить этот план принудительно, вопреки интересам и воле крестьянства и всего населения, которому социализированное хозяйство несет голод.

Власть над партийным аппаратом в этот период захватила фракция Иосифа Сталина и Лазаря Кагановича, которая выбрала второй путь: принудительную социализацию деревни.

На смену нэпу в деревню ворвалась «колхозная революция сверху», как назвал коллективизацию Сталин. Нагрянули «страшные годы»: так окрестили этот период сами крестьяне . . .

КОЛХОЗНАЯ ГОЛГОФА

*«В колхозах будет рай: живи
и не умирай!»*

*Лозунг коммунистических пропагандистов
в период коллективизации.*

*В колхозах — везде «рай»:
ложись и помирай...*

Пословица колхозников.

3. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ — «СТРАШНЫЕ ГОДЫ» ...

(1929—1934)

«Колхозный рай» и большевистская дубина

Агитация коммунистических пропагандистов об организации колхозов закончилась полным провалом.

Тогда из Москвы были даны на места новые партийно-советские директивы: не ограничиваться агитацией, а в административном порядке применять репрессии ко всем крестьянам, которые не пожелают вступать в колхозы. Рекомендовались репрессии: «раскулачивание» (конфискация всего имущества, включая одежду и жилище); тюремное заключение; ссылка в лагерь — главы или всей семьи раскулаченных. В первую очередь репрессировали зажиточных крестьян и «антиколхозных агитаторов», т. е. тех, кто активно выступал против колхозов.

Коллективизацию рекомендовалось проводить сплошную, т. е. поголовно всех крестьян в каждой деревне и всех селений в «районе сплошной коллективизации». При таких методах проведения коллективизации перед каждым крестьянином была поставлена альтернатива: или в колхоз — или в лагерь!

В своих статьях и речах Сталин сформулировал этот новый путь коллективизации в виде лозунга: «Ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации».

Прежде всего партийные комитеты исключили из партии и сняли с постов тех коммунистов, которые возражали против принудительной коллективизации, а также тех, кто по своему характеру («мягкотелости», как выражались твердокаменные большевики) не могли осуществлять террористических мероприятий. Таких, исключив из партии, сослали в лагерь за «правый уклон», как «подкулачников», или за «буржуазный либерализм».

Террор забушевал по всем деревням Советского Союза. Об этом терроре знакомые из Болотного сообщали в письмах. И при случайных встречах рассказывали.

— Мельника Ивана Федоровича раскулачили и отправили в тюрьму за «антиколхозную пропаганду». Потому — на собраниях никогда не могли переспорить его большевистские агитаторы. Приехал из города отряд его арестовывать. Пришли к нему в дом. — «Ну, неугомонный агитатор, выбирай себе дорогу: в тюрьму или в колхоз?..» — «Лучше в тюрьму, чем в колхоз, товарищи-тюремщики!..» — насмешливо отрапортовал этот старый унтер-офицер. И увезли его в тюрьму. А семью в колхоз загнали.

Потом, когда тюрьмы были сплошь забиты арестованными, раскулаченных стали ссылать в лагеря.

— Егор Иванович богатый был мужик: крупорушку и лавочку имел. К тому же и зубастый говорун: на собраниях «товарищам» спуска не давал. Теперь отобрали у него все: и дом, и лавочку, и крупорушку. А самого с семьей в лагерь отправили.

— У Тимофея Ильича «товарищи» тоже все отобрали: и мельницу, и лошадей, и скот, и дом. Самого хотели в лагерь сослать. Да из города сообщили, что весь транспорт раскулаченными ссыльными загружен до отказа. Поэтому приказано: с отправкой в Сибирь пока подождать. Но из дома все же приказали выгнать. А семья у него немалая: двенадцать душ. Самая большая семья в нашем селе. Так и скитаются теперь, бедняги, по чужим сараям, а свой дом пустой стоит: заколочен досками, замкнут, а на замке бумажка с печатью висит...

Через некоторое время другой крестьянин рассказал продолжение этой истории:

— Собрались как-то соседи около сарая, где ютилась и мерзла семья раскулаченного мельника. Ругали жестокую власть. Потом взяли топоры, пошли к дому мельника, сбили замок с двери и доски с окон и сказали: «Иди в свою избу и живи в ней. А за то, что замок с печатью сбили, не ты, а мы в ответе...» Поблагодарил мельник односельчан, перебрался в свой дом. Но через несколько дней приехал отряд милиции из города и объявил мельнику решение райкома и райисполкома: мельника и его семью сослать в лагерь. Но если он согласится вступить в колхоз, то оставить его на месте и вернуть ему

дом. Мельник поставил вопрос перед семьей: «Я теперь стар, мне все равно, где помирать: в колхозе или в лагере. Решайте вы». Семья решила вступить в колхоз: в лагере — думали — будет еще хуже, чем в колхозе...

В колхоз или в лагерь?..

Зажиточных крестьян «раскулачивали», конфисковали у них все имущество, включая дом и одежду, только за то, что они упорно отказывались вступать в колхоз.

Всех других крестьян загнали в колхоз потом, поставив перед ними ту же альтернативу: или в колхоз или в лагерь!..

При этом партийная организация создала в помощь себе в каждой деревне группу бедноты — из безлошадных. Их соблазняли раздачей продуктов, одежды из конфискованного имущества раскулаченных, обещаниями, что они, ничего в колхоз не внося, станут коллективными собственниками всего колхозного имущества — лошадей, скота, инвентаря — и руководителями колхозных предприятий. Партийные уполномоченные уговаривали группу бедноты на собраниях не возражать против коллективизации, выступать в защиту ее, а на тех, кто говорит против колхозов, доносить и их «обезвреживать»...

Некоторые участники групп бедноты эти «обязанности» выполняли и помогали власти загонять в лагеря «подкулачников» и «антиколхозных агитаторов». Другие от выполнения этих «ароматных задач» сторонились.

За всякое критическое замечание о колхозах, о партии или власти, за всякое возражение партийцу-докладчику на собрании следовал немедленный арест, тюрьма, лагерь.

Один крестьянин из Болотного был арестован только за одну реплику на собрании. Пропагандист из района, распевая о будущем «колхозном рае», восхвалял Сталина: «К этому призывает нас наш великий вождь и организатор всех наших социалистических побед». Горячий мужик бросил с места рифмованную реплику: «Главный виновник всех наших бед...» Сразу же после собрания крестьянин был арестован, увезен в город и пропал без вести. Его жена не могла добиться даже никакого ответа, что же власть сделала с ее мужем: посажен ли он в тюрьму, сослан в лагерь или расстрелян...

После таких жестоких расправ за каждое слово, крестьяне замолчали, будто воды в рот набрали.

Только немногие одиночки не боялись даже лагеря и тюрьмы и в условиях беспощадного террора продолжали открытую борьбу против принудительной коллективизации.

«Единогласная резолюция»...

После того, как все деревенские жители были терроризованы той расправой, которая была учинена над всеми открытыми противниками коллективизации, на собраниях против колхозов уже никто не высказывался. Все упорно молчали, стиснув зубы.

Но когда дело доходило до голосования, резолюция о необходимости организовать колхоз в Болотном неизменно была отвергаема: за нее поднималось только несколько голосов из группы бедноты да из семей комсомольцев.

Тогда партийные уполномоченные стали применять, по приказу свыше, мошеннические уловки.

Такая уловка была применена и на собрании в Болотном. Уполномоченный райкома партии сделал на собрании доклад (наверное, уже полусотый!) и призвал к немедленной организации колхоза.

В ответ на призыв высказаться последовало гробовое молчание.

— Ну, дело теперь, конечно, для всех советских крестьян яснее ясного стало: без колхоза не обойтись, — сказал уполномоченный. — Будем голосовать: кто против организации колхоза?.. Всех тех, кто будет голосовать против колхоза, мы запишем в протокол: своих противников советская власть должна знать поименно...

Ни одна рука не поднялась: кто же в лагерь хочет?!

— Итак, «против» — никого нет. Значит, все «за» голосуют!.. Правильно!.. Так в протоколе и запишем: постановление об организации колхоза принято единогласно, — явно издевательски провозгласил коммунистический начальник...

И объявил собрание закрытым.

...Крестьяне возмущенно шумели, расходясь кучками по домам...

А через несколько дней группа вооруженных коммунистов с отрядом милиции уже отбирала у крестьян лошадей и сельскохозяйственный инвентарь в колхоз...

Всю деревню — в лагерь!..

Тех, кто отказывался вступать в колхоз, отправляли в лагерь. Об одной деревне мне рассказывал очевидец.

На собраниях все крестьяне категорически заявляли: «В колхоз мы не пойдем». Им пригрозили «раскулачиванием» и ссылкой. Но они упорно стояли на своем: ни один не пошел в колхоз. Все крестьяне каждый раз голосовали единодушно против колхоза...

Тогда в деревню приехал большой отряд НКВД с пулеметами. Чекисты забрали и угнали в город весь скот из деревни.

Потом вывели в поле поголовно всех жителей деревни: мужчин и женщин, стариков и детей.

Запалили деревню со всех концов. На глазах у этой плачущей толпы людей сожгли их деревню дотла...

А самих жителей погнали под конвоем на ближайшую станцию. Там загнали их, как скот, прикладами винтовок в товарные вагоны, замкнули и отправили в Сибирь, в лагерь.

Всю деревню, целиком!..

Так проводилась «сплошная коллективизация». Крестьян по одиночке, группами или целыми деревнями загоняли в колхоз или в лагерь...

СУДЬБА РАСКУЛАЧЕННЫХ РАСКУЛАЧЕННЫЕ В ЛАГЕРЕ

Встреча с эшелоном на Урале

В этот период мне пришлось побывать на Северном Урале, в той области, куда ссылали раскулаченных.

Однажды зимой мы с местным учителем ехали полем. Навстречу двигалась огромная колонна: мужчины, женщины, старики, дети.

Оборванные, истощенные, со страдальческими лицами. Плелись, едва передвигая ноги по глубокому снегу. За ними на санях везли сумочки с их жалкими пожитками. Кавалерийский отряд НКВД конвоировал эту колонну.

— Это раскулаченные, — пояснил мой спутник, когда колонна прошла мимо. — Их высадили с поезда на ближайшей станции, более 100 километров отсюда, и теперь гонят в леса, на лесозаготовки. Приведут их сейчас в лес, выбросят их пожитки на снег, под деревьями. Чтобы не замерзнуть, эти люди должны будут сразу же развести костры, нарубить деревьев и построить какой-нибудь барак для себя: жилья для них никто не приготовил... Потом они целыми днями будут работать в лесу, на лесозаготовках, а ночевать — в этих самодельных бараках. Теперь такие группы раскулаченных прибывают к нам в ссылку непрерывно, из всех уголков Советского Союза.

— А в вашей области тоже раскулачивают?

— Да, начинается и у нас, — вздохнул мой спутник. — Но наших раскулаченных направляют не в здешние леса, а в другие: на Дальний Восток, подальше от родных краев...

Булочник — нищий...

Там же, в пермяцкой деревне, встретил я ссыльного старика. Он ходил по дворам, нищенствовал.

Приглашенный к обеду, нищий снял с себя сумочку, осторожно присел к углу стола и рассказал о своей судьбе. Он — раскулаченный, из Кромского района, Орловской области.

— До революции, при царе, злодеев ссылали на каторгу: разбойников, воров, убийц. А теперь?! Меня вот, к примеру, только за то сослали, что пекарню имел. «Злодейством», стало быть, занимался: людей булками кормил, — с горькой усмешкой пытался шутить старик...

А у самого — слезы на глазах. И голос дрожит от глубокой, кровной обиды.

— Вот за такое-то «злодейство» и попал я на каторгу, голуби мои, — продолжал он свою горькую исповедь. — Работать в лесу уже больше не могу: стар стал, совсем обессилел. А из лагеря все-же не отпускают. И вот днем я подавание собираю (благо, что тут колхозов

пока еще нет!), а к вечеру опять в лесной барак обязан возвращаться: приказ начальства — строгий! . .

Пообедавши жадно, наспех, старик поблагодарил, надел сумочку и, кряхтя, поплелся, горемыка, по деревне дальше . . .

Отец и сын

В другой пермяцкой деревушке на Северном Урале повстречался я с молодым учителем. Он доверчиво рассказал о причинах, которые забросили его так далеко.

Окончив педагогический институт в столице, он приехал сюда, в лесную глушь, в область ссыльных, с намерением помочь своему отцу. Отец его, раскулаченный крестьянин, отбывал свою ссылку в лагере, в ближайшем лесу, в нескольких километрах от той деревни, где работал сын-учитель.

Учитель многократно просил учреждения НКВД: дать ему отца на поруки, разрешить ссыльному старику жить не в лесном бараке, а в деревне, вместе с сыном. Но НКВД ему в этом категорически отказал, хотя работать в лесу старик уже не мог.

Сын не оставил отца на произвол судьбы и всячески помогал ему: добывал продукты, одежду, обувь и отправлял в лесной барак. В воскресенье он привозил отца к себе в гости.

Впоследствии я узнал, что, уезжая на летние каникулы, учитель снабдил отца документами, деньгами и увез из ссылки . . .

РАСКУЛАЧЕННЫЕ В ДЕРЕВНЕ

Смерть у порога . . .

Не всех раскулаченных отправляли в ссылку. Нередко семьи раскулаченных разъединяли. Главу семьи с женой ссылали в лагерь, а стариков и детей из семьи раскулаченного просто выбрасывали из дома на улицу и оставляли на произвол судьбы: «Пущайдохнут . . .»

Мне рассказывали о судьбе старика-изгоя. При коллективизации сына раскулачили и отправили в Сибирь, а отца выбросили на улицу

и замкнули дом. Старик пешком отправился в дальний город, к другому сыну, который был коммунистом и служил там.

Невестка, увидя пришедшего старика, всполошилась: если только узнают, что ее муж — сын раскулаченного, то мужа выбросят из партии, уволят со службы и, наверное, тоже отправят в ссылку. Поэтому она сразу же выпроводила старика из своей квартиры, не давши ему даже возможности повидаться с сыном.

— Уходи куда хочешь!.. Не губи нас...

Убитый горем, старик поплелся назад, в свою деревню. Пришел ночью. Улегся на крылечке, у порога своего опечатанного дома. Наутро его нашли мертвым...

ДЕТИ РАСКУЛАЧЕННЫХ

Осенью, под яблоней...

Однажды вечером, среди собравшихся соседей из рабочего поселка, начались воспоминания о тяжелых временах коллективизации и раскулачивания.

Девушка-работница, до того всегда молчаливая и скрытная, волнуясь, начала рассказ о своей судьбе:

— Я тоже из раскулаченных... Наша деревня недалеко от Брянска расположена, около имения Великого князя Михаила Романова. Вот началась коллективизация, и стали загонять мужиков в колхозы. Приехала милиция, отца раскулачили. Забрали отца и мать, бросили на подводу, в Сибирь отправили... А мы с братишкой ничего не знали и не слыхали: были в это время в школе. Нас не забрали. Мне тогда было двенадцать лет, братишке — десять. Пришли мы из школы. Куда деваться?! Осень, холодно. А дом наш забит... Переночевали мы в нашем саду: под яблоней, раздетые стояли... Замерзли. Дрожали от холода и плакали всю ночь... Под утро, когда светать стало, побрели мы из своей деревни, от своего дома, куда глаза глядят... — Потом бродяжничали по миру... Что с нами было?! Какого горя нам хлебнуть пришлось?! Нет, я этого рассказать не в силах...

Хлынул поток слез, и рыдания оборвали исповедь девушки...

Опухший изгой

На улицах одного большого города, в годы коллективизации, я видел малолетнего изгоя из раскулаченной семьи.

Мальчик-подросток притащился из своей деревни в соседний большой город в поисках куска хлеба. Он был весь уродливо опухший от голода, словно больной водянкой. Встретившиеся горожане растолковали ему, что они тоже голодают и помочь ему не могут. Но они показали ему городской детский дом и посоветовали немедленно идти туда: может быть, его там примут, и он сможет спастись от неминуемой голодной смерти.

В глазах мальчика, полных отчаяния, мелькнула искра надежды, и он побрел к детскому приюту...

Затравленный заяц

— Сначала получил я за взятку ложную справку о том, что я будто бы колхозник, отпущенный на заработки в город. Потом я получил временный паспорт и пошел бродить по миру, — рассказывал один юноша, сын раскулаченного. — Начальник милиции в том районе, где я нашел работу, догадываясь о том, что я раскулаченный, сделал мне прописку на паспорте только на три месяца. Конечно, за большую взятку... Через каждые три месяца я должен был приносить ему свою месячную зарплату, а за эту взятку он продолжал мне прописку дальше на три месяца. Так и высасывал он мои соки...

Однажды повстречался мне на улице земляк из моей деревни и заорал во всю глотку: «А-а, Сидоров, мое почтение! Какими судьбами?..» Каково мое положение: шел я вместе с сослуживцами из фабрики и был уже не Сидоров, а Жуков... Помчался я, как угорелый, прямо на квартиру, схватил свой чемодан с вещами и махнул в другой город...

Так и бегал, как затравленный заяц, из города в город. Много раз и место работы и фамилию менял...

А почему меня травили, как зайца?.. В чем мое преступление, что я должен всех бояться и ото всех скрываться?! В том, что отца моего большевики раскулачили, у честного труженика разбойники все имущество отобрали, а самого в Сибирь сослали...

БОРЬБА ПРОТИВ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Крестьяне добровольно в колхоз не шли, несмотря на назойливую агитацию и всевозможные посулы. Большевистская власть решила тогда: загнать крестьян в колхоз террором.

Так она и сделала. У тех крестьян, которые решительно отказывались вступать в колхозы, власть конфисковала все имущество, включая одежду и жилище («раскулачивание»), и ссылала их в лагеря, обычно целыми семьями.

Миллионы крестьян «раскулаченных», сосланных в лагеря и сбежавших из деревень в города в период коллективизации, составляют слой активных противников коллективизации, непримиримых врагов колхозной системы.

В советском учебнике истории для средних школ приведены две цифры, которые показывают объем этой категории крестьян. К концу новой экономической политики в Советском Союзе было 25 миллионов крестьянских дворов, а после коллективизации их осталось менее 20 миллионов...¹⁾ Таким образом, за пятилетку коллективизации в деревне «пропало» 5 миллионов крестьянских дворов, 5 миллионов семей. Если средний крестьянский двор в нэповской деревне состоял из 5-6 человек, то это значит, что за годы коллективизации «пропало» 25-30 миллионов крестьян...

По другим данным, в Советском Союзе накануне коллективизации было 26 миллионов дворов. Значит, число «пропавших» крестьян было еще больше.

В Болотном из 130 дворов за годы коллективизации «пропало» более 30 дворов: это дворы «раскулаченных», сосланных, дворы семейств, сбежавших в города или умерших от голода в колхозе.

Кроме этих семейств, «пропавших» в полном составе, в селе и в лагерях погибло еще около сотни человек — по одиночке: главным образом, пожилые люди и дети.

¹⁾ А. Панкратова (ред.) — «История СССР», т. III, стр. 330 и 343.

После того, как крестьян стали загонять в колхоз террором — «раскулачиванием», тюрьмой и ссылкой, — люди вынуждены были прекратить открытое и легальное сопротивление власти на собраниях. Они замолчали.

Но зато некоторые храбрецы перешли к более острым формам борьбы. В Болотном, в соседних деревнях, по всей губернии прокатилась волна нападений крестьян на «загоняльщиков в колхозы»: на агитаторов, «двадцатипятитысячников», местных партийцев и комсомольцев, активных членов группы бедноты в деревне.

Однажды мне самому случайно пришлось быть свидетелем такой попытки. Из окна школьной квартиры знакомого учителя мне довелось наблюдать картину трогательного «единодушия» между крестьянами и их новым колхозным начальством. По деревне проходил председатель колхоза, присланный Центральным Комитетом Коммунистической партии «двадцатипятитысячник». Один крестьянин схватил около избы кол и с угрожающим видом направился к колхозному начальнику. Тот выхватил револьвер из кармана своей кожаной тужурки и прицелился в мужика. Нападавший отбросил кол в сторону и, обескураженный, вернулся в свою избу: неравное оружие было у этих врагов...

От жителей деревни и студентов мне приходилось слышать в те годы о многочисленных случаях нападений, избиений и убийств. Крестьяне повсеместно, в одиночку или маленькими группами, нападали на тех коммунистов, которые террором загоняли людей в колхозы.

Упорно обсуждался крестьянами вопрос об общественных восстаниях. Люди совещались в глубокой тайне: вдвоем, втроем с родственниками, друзьями, соседями. За каждым человеком, за каждым словом следили местные ищейки: партийцы, комсомолы и некоторые члены группы бедноты. За доносом следовали аресты, тюрьма, лагерь.

После тщательного обсуждения, крестьяне приходили к тому заключению, что попытка общедеревенского восстания ни к чему положительному не приведет. В селе нет ни оружия, ни организации. Напасть неожиданно на одиночек-коммунистов или на маленькую

группу и перебить их крестьяне могли бы. Но каков будет результат, что за этим последует? Завтра же приедет в деревню с пулеметами отряд коммунистов, энкаведистов, милиционеров и перестреляет, в лучшем случае, десятки людей. А в худшем случае сожжет село и перестреляет из пулеметов поголовно все взбунтовавшееся население деревни. Так уже было в некоторых деревнях. Об этом крестьяне слыхали из рассказов очевидцев и хорошо такие случаи знали.

Им был известен рассказ агронома-горца, который поведал о расправе энкаведистов с восставшими жителями горной деревни на Кавказе. Население аула занималось виноградарством и скотоводством. Коммунисты стали загонять жителей гор в колхозы. Горцы упорно отказывались. Тогда к ним приехал из города отряд милиции. Милиционеры стали угрожать револьверами непослушным горцам. Озлобленные горцы напали на милиционеров с кинжалами и нескольких милиционеров убили, а остальные «блюститители порядка» вскочили на коней и поспешно ускакали в город. Жители аула наскоро посоветовались, что им делать. Не ожидая никакой пощады от большевистских властей, все жители аула единодушно решили немедленно разбежаться по горам, спасаясь от неминуемой гибели. Так и сделали... Впоследствии рассказчик тайно, с большими предосторожностями, заглянул в родные места и увидел на месте аула одни развалины: аул был уничтожен большевиками до основания...

Большинство крестьян Болотного и других деревень в уезде не решалось на восстание. Они понимали его безрезультатность и огромную опасность для жителей. Предвидели неминуемую гибель не только свою, но и своей семьи, поголовную гибель всех жителей села от жестоких карателей.

Многие высказывали еще и другие соображения. Колхозная система неминуемо приведет к развалу сельского хозяйства. Большевистская власть вынуждена будет отказаться от своей глупой затеи так же, как отказалась она когда-то от продразверстки, и распустить колхозы.

Были и такие непримиримые враги колхозной системы, которые говорили:

— Конечно, в Болотном и в других деревнях, где нет вблизи ни больших лесов, ни гор, ни камышевых зарослей, восстание безоружных людей — это самоубийство. Но в других деревнях, расположенных вблизи больших лесов, это возможно. Тем, кто решается на бес-

поощающую борьбу с большевиками, нужно отправляться в такие места и там бороться...

Такие люди уходили и уезжали, иногда с семьями, к родственникам и знакомым в другие деревни, расположенные в больших лесах или около них.

Некоторые из орловских крестьян перебрались с этой целью в деревни к Брянским лесам. Другие добрались даже до Сибири и Дальнего Востока. Иные доходили до Кубани, которая была знакома многим отходникам: «Там есть казаки, оружие и камыши. . .»

И там крестьяне Болотного и других орловских деревень, вместе с местными жителями, годами вели борьбу против коллективизации и советской власти.

«Раскулачиванию» и принудительной коллективизации противилась также и сельская интеллигенция.

Местные учителя игнорировали собрания, на которых ставился вопрос о коллективизации. Выступать против государственного решения они не могли: за этим следовал неминуемо лагерь. Но с пропагандой «колхозного рая» тоже не выступали.

Один местный студент вуза рассказывал, как к нему на каникулах пристал председатель сельсовета. Начальник предлагал студенту ехать с ним на поселки и агитировать крестьян, чтобы они вступали в колхозы. Студент отказывался под предлогом, что со школьных лет он живет в городе и деревенскую жизнь плохо знает. Местный начальник обещал снабдить его соответствующими «агитброшюрами». Студент заявил, что он беспартийный и не чувствует себя обязанным вести политическую пропаганду. Местный начальник вспыхнул.

— Все советские студенты получают государственную стипендию и обязаны активно помогать власти проводить все ее политические кампании. А если кто из советских студентов проявляет свое несогласие с государственной политической линией, тех мы должны убрать из советских вузов, — угрожающе заявил сельский начальник студенту.

Студент вернулся в город, прервав свои каникулы.

Коллективизации противились даже некоторые сельские комсомолцы и партийцы.

Один комсомолец-матрос в разгар коллективизации приехал в отпуск в Болотное, родное село. Местное начальство потащило его на крестьянское собрание: агитировать за колхозы. Матрос агитировать за колхоз не мог: он был против колхозной системы, как и его родители. Но и выступить против колхозных агитаторов он не посмел: он не хотел попасть в тюрьму или лагерь. С собрания моряк незаметно «уплыл»...

Посетив своего школьного товарища, беспартийного учителя, матрос рассказал ему о своих намерениях. «Организовать восстание безоружных крестьян тут, в деревне, в голое поле, невозможно: всех перебьют, — говорил он. — А в армии — иное дело... Если только сексоты раньше времени дело не провалят... Завтра же еду обратно во флот. Там всем приятелям тихонько расскажу, что творится в деревне с нашими семьями... Обмозгуем, сообразим. Может быть, что-нибудь и сделаем... Как кронштадтские моряки в 21 году, в период продразверстки...» На следующее утро матрос-комсомолец, действительно, вернулся во флот, по месту службы. Но с тех пор его родные не могли получить ни писем от него, ни весточки о нем, несмотря на свои запросы. Вероятно, с ним произошла катастрофа...

В рядах местных партийцев в уезде тоже нашлись открытые противники принудительной коллективизации: сторонники Бухарина, «правые уклонисты». Одни возражали против принудительной коллективизации, как политики губительной и реакционной. «Колхозы — это система военно-феодалской эксплуатации крестьянства» — повторяли они слова Бухарина. Их исключали из партии, как «правых уклонистов», «реставраторов капитализма», «классовых врагов, забравшихся в партию», и ссылали в лагерь. Другие отказывались проводить «раскулачивание» и принудительную коллективизацию, ссылаясь на то, что их «совесть, характер им этого не позволяют». Их также исключали из партии и ссылали в лагерь, как «либерально-интеллигентских хлюпиков», «за примиренчество к правому уклону», «за потакание подкулачникам», «за буржуазный, гнилой либерализм».

Но огромное большинство коммунистов проводило «раскулачивание» и принудительную коллективизацию. Они не хотели менять свое привилегированное положение на лагерь. Кроме того, они вскоре поняли, что колхозы — это бедствие только для крестьян, но для

начальников колхозная система — великое благо: именно с момента коллективизации у деревенских начальников начался бесконечный «пир во время чумы». Колхозы — это нищета для крестьян. Но для правительства — это лучшая система ограбления народа, а для начальников — лучшая система самоснабжения.

Многие из деревенских коммунистов проводили «раскулачивание» и принудительную коллективизацию очень активно. Другие даже принимали участие в «раскулачивании» и принудительной коллективизации своих родителей. Так, милиционер села Болотное принимал участие в раскулачивании своего отца, зажиточного крестьянина. Другой партиец, студент, будучи в отпуску, принимал участие в «раскулачивании» своего отца и в экспроприации лошадей на поселке. Ограбленные родители проклинали за этот «колхозный разбой» своих сыновей-коммунистов и заявили, что они не признают «соловьев-разбойников» за своих детей, не хотят слышать о них...

Некоторые из таких партийцев постарались после этого уехать как можно дальше от своих родных мест и никогда больше не показываться на глаза своим родным. Другие спокойно остались на месте. Даже проклятье родителей и жгучая ненависть земляков их не трогала. «Для таких разбойников все — Божья роса», — говорили о них.

Именно в эти «страшные годы» разлад в крестьянских семьях достиг неслыханных размеров.

А в некоторых случаях принял чудовищный характер, как, например, в семье пионера Павла Морозова. Отец этого пионера, председатель сельсовета в уральской деревне, снабжал не вошедших в колхозы крестьян справками о том, что они являются членами колхоза и отпущены на заработки в город. Так он помогал этим людям уходить в города и спасаться от голодной смерти. Его сын, школьник — пионер Павел, донес на отца властям и выступил на суде свидетелем обвинения. Отец был осужден на несколько лет тюремного заключения. Павлик Морозов донес также властям о том, что односельчане готовят восстание. Дед Павла был так разгневан предательством своего внука, что убил его в лесу, во время сбора грибов. Большевицкая власть прославила «подвиг» пионера Павла Морозова, провозгласила его «героем», издала о нем много статей и книг, поставила ему памятник и призывала всех школьников следовать «героическому примеру». Но последователей Павла больше не нашлось в Советском Союзе: о других аналогичных случаях советская печать

больше не сообщала. Вообще же семейных разладов в деревне в те годы было очень много.

Пытаясь внести разлад в крестьянские семьи, сам Сталин лично натравливал дочерей и жен крестьян на отцов и мужей. Он говорил в своих речах о том, что в деревне единоличников дочери работали не на себя, а на отца, и жена работала тоже не на себя, а на мужа. Так Сталин изображал крестьянина эксплуататором своей семьи, не разъясняя только вопроса о том, если вся семья работала только на отца, то на кого же работал отец?!

Натравливая жен и дочерей на своих мужей и отцов, Сталин обещал женщинам, что в колхозе они больше не будут работать на своих семейных «эксплуататоров», а будут трудиться только на себя... В колхозной практике крестьянки хорошо поняли и на своей спине ощутили весь чудовищный цинизм речей Сталина и его «отеческой заботы» о женщинах...

Отступление власти и уход крестьян из колхозов

В орловских и брянских деревнях, прилегающих к большим лесам, вспыхивали крестьянские восстания. Крестьяне нападали на коммунистов, уводили из колхозов своих лошадей, скот, поджигали колхозные склады и канцелярии.

В других областях — в Сибири, на Волге, на Кубани — эти восстания приняли огромные размеры и вооруженный характер.

Большевистская власть поняла серьезную опасность этих массовых и повсеместных крестьянских восстаний и отступила перед напором крестьян.

После того, как, по сообщениям советской печати, большинство крестьян в Советском Союзе уже было коллективизировано, вдруг в газете ЦК партии, в «Правде», 1 марта 1930-го года появилась статья генерального секретаря ЦК коммунистической партии И. В. Сталина под любопытным заголовком «Головокружение от успехов». Статья была посвящена коллективизации.

В этой статье вождь партии и «колхозной революции сверху» оповещал население о том, что местные партийно-советские работники будто бы извратили линию партии и советского правительства. ЦК партии и правительство якобы рекомендовали проводить коллективи-

зацию только на добровольных началах. Но некоторые руководители местных партийных организаций, «головотяпы», то есть дураки, у которых «голова закружилась» от предыдущих успехов в области советского строительства, будто бы извратили эту линию и иногда проводили коллективизацию в принудительном порядке. Вождь партии призывал местные партийно-советские организации немедленно исправить эти «ошибки». Кроме того, Сталин осуждал также поголовную конфискацию скота и птицы у крестьян для колхозов.

Статья эта ошеломила деревенских партийцев. С возмущением они говорили тогда между собою, а нередко даже с беспартийными:

— Кто же, как не ЦК, требовал принудительной «сплошной коллективизации»?!. Кто же назначал кратчайшие обязательные сроки для коллективизации?!.

— Разве не Сталин выдвинул лозунг «ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации»?!. Разве не ЦК предписывал всем местным партийно-советским организациям проводить «раскулачивание» и ссылку в лагеря всех тех крестьян, которые не хотели вступать в колхозы?!

— Кто же сослал в лагеря тех коммунистов, которые не хотели или не смогли насильно загонять крестьян в колхозы, как не ЦК?!.

— Кто же был инициаторами и руководителями этой насильственной «колхозной революции сверху», как не руководители партии и правительства?! Ведь нас в делах коллективизации постоянно подгоняли из Кремля, не давая нам покоя ни днем, ни ночью, наши высшие руководители: Иосиф Виссарионович Сталин, вождь партии и генеральный секретарь ЦК; «друг и соратник вождя», как постоянно называет его наша партийная печать, Лазарь Моисеевич Каганович, секретарь ЦК и руководитель сельскохозяйственного отдела; подгоняло также и советское правительство, под руководством Вячеслава Михайловича Молотова.

— А теперь они — «мудрые вожди», а мы — «головотяпы», дураки, у которых «голова закружилась от успехов»!... Они, мол, за добровольную коллективизацию, а мы — за принудительную... Хитро придумано и ловко сделано!..

Деревенские коммунисты были поражены статьей Сталина и страшно ругали своих вождей за такое вероломство.

Но потом коммунистам были даны от ЦК партии секретные разъяснения. Статья Сталина и постановление ЦК — все это только не-

обходимый политический маневр для обмана крестьян и спасения коммунистической власти. По существу все остается по-прежнему: и принудительная коллективизация и колхозы... После этого партийцы успокоились.

А крестьяне увидели в статье Сталина другую сторону дела: отказ от смертельно ненавистой политики, принудительной коллективизации, и признание принципа добровольности в выборе форм хозяйствования. Разглагольствованьям Сталина о том, что в принудительной коллективизации виноваты местные партийные организации, но не ЦК, крестьяне не поверили. Они знали, что все в Советском Союзе делается по указке ЦК. Но уверениям Сталина о том, что политику принудительной коллективизации ЦК осуждает и в будущем намерен придерживаться принципа добровольности, этим уверениям крестьяне в своем большинстве поверили. По опыту периода нэпа они знали, что крутые повороты в экономической политике ЦК возможны. И крестьяне сделали свой вывод из статьи Сталина: они лавиной хлынули из колхозов, созданных в принудительном порядке.

По рассказам местных жителей, в селе Болотное дело это происходило так.

Газета «Правда» среди населения Советского Союза пользуется репутацией самой лживой из всех советских газет. «Не ищи правды в «Правде» — говорили о ней. Но «Правда» со статьей Сталина «Головокружение от успехов» стала самой популярной газетой в стране. В частности, и в том районе, к которому принадлежало Болотное. Газета была раскуплена на-расхват в районном городе. Раскупили ее горожане и некоторые крестьяне, которые случайно оказались в тот день в городе. Весть об этой статье, которая получила от крестьян любопытное наименование — «Колхозное головокружение», распространилась по всем деревням района с молниеносной быстротой.

Начиная со следующего дня, крестьяне из всех деревень района хлынули в город: искать газету со статьей Сталина у городских жителей. Они покупали у горожан эту газету за огромные деньги, за продукты.

Но вообще газета «Правда» продавалась в районном городе в небольшом количестве экземпляров. Поэтому многие крестьяне переписывали статью от руки. И затем повсюду в деревнях, в каждой хате, ее читали и горячо обсуждали, «прорабатывали». Это был единственный случай, когда мужички действительно самодеятельно «прорабатывали» политграмоту: «Правду», Сталина...

А потом группами шли в канцелярию, к председателю колхоза. И требовали: вычеркнуть из колхоза, куда раньше их загнали принудительно.

— Теперь даже товарищ Сталин подтвердил, что вы загнали нас в колхоз силой. А приказа сверху об этом, оказывается, не было. Это вы сами, товарищи головотяпы, накуралесили, когда у вас головы закружились от постоянного похмелья...

Деревенские партийно-советские организации растерялись. Они оказались между двух огней. С одной стороны, их вождь свалил всю вину за принудительную коллективизацию на них. С другой стороны, крестьяне не ограничиваются руганью по поводу принудительной коллективизации, но заявляют о своем поголовном выходе из колхозов. А это грозит развалом колхозной системы, полным срывом «колхозной революции»...

Растерянное начальство уговаривало бунтующих земледельцев.

— Пока мы ничего не можем сделать. Подождите маленько. Вот съездим в районный центр, получим соответствующий инструктаж и тогда разъясним вам, как и что...

Отбиваясь от бунтующих крестьян, начальство ездило за «инструктажем»: сельское — в район, районное — в область, областное — в центр.

Наконец, получив из центра разъяснения, начальство передало их крестьянам.

— Прежде всего нам приказано: наделить колхозников усадьбами. Выделить из колхозного скота каждому колхозному двору по корове, по одной свиной голове и по пятку кур. А уж потом будем разбирать заявления колхозников об их выходе из колхоза.

Это было сделано быстро.

Но крестьян это мероприятие не удовлетворило. Они по-прежнему заявляли о своем выходе из колхоза.

Тогда партийно-советские организации стали уговаривать крестьян... остаться в колхозе.

— Что вам еще нужно? Усадьба у вас теперь есть, корова, поросяенок, куры — тоже есть. А работать будете в колхозе. Хлеб и деньги будете там зарабатывать...

Крестьяне рассвирепели:

— Опять принудительная коллективизация?! . Опять у вас, товарищи коммунисты, голова закружилась?! .

Начальство пыталось успокоить крестьян:

— Конечно, кто не желает быть в колхозе, может покинуть колхоз. Насильно мы таких теперь держать не будем. Но вы повнимательней прочтите, дорогие товарищи, статью мудрого вождя Сталина. Он совсем не писал о том, что колхозы не нужны. Он только писал о том, что нельзя загонять крестьян в колхозы в принудительном порядке. Нужно уговаривать крестьян, чтобы они добровольно вступали в колхоз и своего колхоза не покидали... Терпеливо уговаривать крестьян до тех пор, пока они не поймут необходимости колхозов...

— Довольно нас уговаривать, словно маленьких детей неразумных! — бушевали крестьяне. — Вы нас долго уговаривали перед тем, как взяться за дубину. Из колхоза, куда вы нас загнали дубиной, мы уходим. И на колхозные работы не пойдем. Но дело не в этом...

— А в чем?..

— Дело в том, что если мы уходим из колхоза, то извольте вернуть нам все наше имущество, которое вы отобрали у нас. Верните нам весь наш инвентарь, который вы забрали! Верните наших лошадей, а также весь скот, который вы у нас для колхоза забрали: овец и свиней, весь рогатый скот и всю птицу, которую у нас отобрали!.. Верните нам наши продукты и постройки...

— Из ваших слов видно, что теперь не у нас, коммунистов, а у вас, крестьян, началось «головокружение» от статьи товарища Сталина, — иронически отвечали крестьянам местные начальники. — По разъяснению вышестоящих партийно-советских организаций, весь скот, — кроме того, что уже роздан колхозникам — по одной корове, одной свиной голове и пяти кур на двор, — весь остальной скот должен остаться в колхозе, в качестве колхозной собственности. Инвентарь и все кустарные предприятия тоже остаются в колхозе. А кол-

хозы распущены не будут, несмотря ни на что! Они будут существовать даже тогда, когда в них останется только три колхозника...

Крестьяне ходили с жалобами в район, ездили в область, в центр. Но там категорически отказались удовлетворить требование крестьян о возвращении им скота и инвентаря, отобранного у них во время принудительной коллективизации.

И вот, несмотря на такое драконовское решение большевистского правительства — одобрить проведенную конфискацию крестьянского имущества, и крестьянам, выходящим из колхоза, назад имущества не возвращать, — крестьяне лавиной без разрешения бросились из колхозов.

В Болотном за один месяц колхоз покинули все крестьяне, за исключением десятка хозяйств, бедняцких и комсомольских.

Местное начальство уговорило бедняцко-комсомольские семейства остаться в колхозе, чтобы он не распался. Маленькая группа колхозников может владеть всем богатым имуществом колхоза.

Партийно-советское начальство щедро раздавало оставшимся колхозникам конфискованное у крестьян имущество: продукты, вещи, скот — молодняк, избы раскулаченных...

Голодная смерть или колхоз?..

(Повторная коллективизация)

Не имея ни лошадей, ни инвентаря, ушедшие из колхоза крестьяне приготовились обрабатывать землю лопатами и граблями...

— Посмотрим, кто лучше обрабатывает землю и получит более высокий урожай, — говорили они: мы, единоличники, с лопатами и граблями, или колхозники — с нашими плугами и лошадьми...

Но надежды единоличников на такое «соревнование с колхозниками» не оправдались. Им выдали только по 0,25 гектара усадебной земли на двор: так же, как и колхозникам.

Но ни полевой земли, ни лугов единоличникам не выдали. Вся оставшаяся земля была оставлена колхозу, хотя в нем осталось только десятков дворов.

Местное начальство заявило крестьянам:

— Земля, по советским законам, принадлежит не крестьянам, а нашему государству. Теперь правительство передает ее для использования колхозам, а не единоличникам...

Но десяток дворов, оставшихся в колхозе, да один трактор, присланный из МТС для пахоты, могли обрабатывать только незначительную часть земли — около одной четверти ярового поля. Остальная часть земли — три четверти — пустовала.

Единоличники просили органы власти и колхозное начальство: сдать им участки земли в аренду. Обещались выплачивать колхозу или государству хорошую арендную плату: или натуральную испищину, как до революции крестьяне-арендаторы платили помещику, или большой денежный сельскохозяйственный налог, как при нэпе.

Но единоличники получили отказ даже в этом.

Единоличники, не находя никакой возможности для сельскохозяйственного труда в деревне, хотели уходить на заработки в города.

Но большевистская власть закрыла перед ними и этот выход. По строжайшему распоряжению советского правительства, государственные предприятия и учреждения могли принимать на работу только крестьян-колхозников, которые могли предъявить заводу управлению следующие документы: во-первых, справку о том, что этот крестьянин является колхозником такого-то колхоза; во-вторых, справку о том, что правление колхоза отпускает его в город на заработки.

Впоследствии, когда была введена паспортная система, при поступлении на работу стали требовать еще и паспорт от местной милиции. А паспорт выдавался, кроме горожан, только колхозникам, отпущенным на заработки по справкам колхозов.

Крестьян-единоличников на работу государственные предприятия не принимали. А никаких других предприятий, кроме государственных, не осталось.

Таким образом, объявив принцип «добровольности» в коллективизации, большевистская власть с вероломной жестокостью создала для крестьян-единоличников, покинувших колхозы, невозможные для жизни условия, то есть восстановила принудительность колхозов в другой форме.

В деревнях наблюдался чудовищный парадокс. В Болотном, например, большая часть ярового поля пустовала, потому что в колхозе никому было обрабатывать землю. А крестьяне-единоличники, ^{9/10} всех сельских жителей, болтались без работы, потому что совет-

ская власть не давала им земли ни на каких условиях и не допускала их на работу в городах...

Власть увидела угрозу: если урожай будут убирать только колхозники, то он останется неубранным и погибнет.

Тогда был сделан новый маневр. Единоличникам было объявлено, что они могут убрать рожь на засеянных ими полосах в свою пользу, только должны будут сдать государству умеренный натуральный налог. Единоличники убрали урожай, обмолотили его сами — цепами.

Но после этого власть наложила на них такой огромный налог, что им пришлось сдать почти весь свой хлеб государству и колхозу.

Озимое поле было засеяно только на одну четверть: только та его часть, которая могла быть обработана колхозниками и трактором МТС.

Мало того. После уборки урожая на усадьбе — картофеля и овощей — власть отобрала у крестьян, в виде «налога», почти весь и этот урожай...

Кроме того, власть объявила, что в следующем году у крестьян-единоличников будут отобраны и последние ничтожные возможности для ведения хозяйства. Усадьбы единоличникам выдаваться не будут. Пастбища для коров единоличников также не будут предоставлены.

Таким образом, все возможности для жизни крестьян-единоличников вне колхоза были советской властью закрыты: у них отобрали лошадей, инвентарь, скот; отобрали всю землю; на работу в городах не принимали... Чтобы ускорить возвращение крестьян в колхозы, у них отобрали даже последние продукты: и рожь с их полос, и картофель, и овощи с их усадеб.

Так бесчеловечная власть создала для крестьян искусственный голод. Она поставила единоличников перед страшной угрозой: голодной смерти. С осени 30 года крестьяне-единоличники на Орловщине, в том числе и в Болотном, стали умирать от голода.

А колхозникам власть выдала паек для прокормления, на каждую живую душу. Выдала их коровам корм: сено и яровую солому. Весной колхозникам обещали: сохранить усадьбу, пастбище для скота, дать работу в колхозе и заработки.

При первой коллективизации крестьян загоняли в колхоз, поставив их перед альтернативой: или лагерь — или колхоз!.. Теперь, во

время вторичной коллективизации, драконова власть загоняла крестьян в колхоз еще более страшной альтернативой: или колхоз — или голодная смерть!.. Выбор... «добровольный»!..

Не желая умирать с голода, крестьяне, по мере исчерпания в своем доме последних остатков продуктов, поплелись обратно в колхоз: по одиночке, группами.

Летом, осенью и зимой 1930-31 года все крестьяне Болотного, покинувшие колхоз весной 30 года, вынуждены были туда вернуться...

В советской печати цинично писали, что некоторые крестьяне проявили недостаточную сознательность, колебались и выходили из колхоза. Но после того, как товарищ Сталин в своем гениальном произведении «Письмо товарищам-колхозникам» мудро разъяснил им необходимость колхозной системы, они опять вернулись в колхозы. Вернулись «добровольно» и готовы с энтузиазмом приняться за колхозную работу, чтобы строить в колхозе зажиточную, счастливую и культурную жизнь...

В действительности же, статья Сталина «Письмо товарищам-колхозникам» и комментарии к ней советской печати уже никакой популярностью не пользовались. Все крестьяне теперь поняли жестокий цинизм большевистской власти и коварное лицемерие коммунистической пропаганды.

Голодная смерть и разорение деревни

1930-34 годы были годами голода в колхозе Болотное и в других орловских деревнях.

Сначала это был искусственный голод, созданный советской властью для единоличников, покинувших колхоз. Этим искусственным голодом власть загоняла и загнала крестьян опять в колхоз.

Но потом крестьянам, вернувшимся в колхоз, начальство выдало из складов скудный паек на каждую живую душу: рожь, картофель, овощи. Это — продукты, которые власть раньше отобрала у этих же крестьян, когда они, выйдя из колхоза, не желали возвращаться туда...

Когда же все крестьяне вынуждены были вернуться в колхоз, эти продукты были быстро израсходованы.

А новых продуктов в колхозе производилось очень мало. В 1930

году три четверти ярового поля пустовало, в следующем году — три четверти озимого поля. Обработка земли и сбор урожая производились плохо. Навоза в поля не вывозили. Урожайность полей понизилась в два-три раза.

Скот же за годы коллективизации был уничтожен более чем наполовину. Свой скот крестьяне забивали перед тем, как поступить в ненавистный им колхоз. Немилосердно резали колхозный скот местные начальники и беднота — первые колхозники. Много колхозного скота погибло от плохой кормежки, скверного ухода, скученности его в тесных, непригодных помещениях.

Колхозное начальство растранижировало очень много колхозных продуктов: и зерна, и мяса, и картофеля, и овощей.

Советское правительство отбирало львиную долю продуктов из колхоза. Оно душило колхозников огромными налогами: натуральным (мясным, молочным, яичным) и денежным.

Из-за всех этих обстоятельств в Болотном после осуществления вторичной «сплошной коллективизации» голод продолжался. Это уже был голод «естественный»: закономерный результат антинародной экономической системы крепостнического хозяйства, принудительного труда, государственной колхозной барщины.

Гороховый суп и «счастливое детство»...

В годы коллективизации из Болотного я получил от учителя письмо. Он сообщал, что голод там свирепствует.

О своих школьниках учитель рассказал: некоторые дети так обессилены от голода, что даже не могут ходить в школу... Другие так истощены, что часто падают в обморок...

Он прислал мне сочинения его учеников о праздновании 1-го Мая в школе.

Для детей в школе был устроен концерт, а после концерта их покормили гороховым супом. Для проведения революционного праздника школе отпустили немного гороха из колхозного склада.

В своих сочинениях редкие школьники мимоходом упоминали о концерте. Огромное большинство обошло концерт полным молчанием.

Но зато все они, без единого исключения, написали о гороховом супе, которым их угостили в школе.

Написали о супе с восторгом и упоением. При чтении школьных сочинений чувствовалось, что это был действительный праздник в их жизни, самый счастливый день за колхозные годы. Было видно, что гороховый суп казался для них редчайшим лакомством. Покушать горохового супа — это было для них таким наслаждением, которого они давно не испытывали...

Гороховый суп — самое сладкое лакомство в жизни... Бедные, голодные дети! Малолетние мученики земли колхозной!...

Гороховый суп — величайшее счастье детей-школьников...

«Незабвенная пора», «золотое детство»!...

Вот оно, «счастливое детство», за которое советская печать, от имени детворы, славословила, благодарила Сталина, «великого друга советских детей»!...

«Колхозный хлебушко...»

В эти «страшные годы» мне пришлось побывать в Болотном, которое стало теперь колхозом. Из города до села меня подвезла знакомая крестьянка, которая привозила в город что-то из колхоза, а теперь возвращалась домой порожняком.

Дорогою она достала из «кошеля» и показала мне хлеб, который ест ее семья. Он был совершенно черный, сырой, расплзающийся, как грязь. По словам бабы, она «сварганила» его из растолченных желудей, картофельной шелухи, из перетертых листьев лопуха. Хлеб без муки, хлеб... без хлеба...

— Вот послать бы этого колхозного хлебушка Калинину, всероссийскому нашему старосте, — сказала утрюмо баба. — Пусть бы он покушал, что колхозники лопают... А то он все мужичком прикидывается...

И она злобно выругалась по его адресу... матерщиной...

Это очень удивило меня. Никогда раньше я не слышал матерщины от русской женщины. Не ослышался ли я?

— Что же это ты так нехорошо ругаешься?... — спросил я.

— Колхоз допек, в печенку въелся!.. Вот и ругаюсь. Душу отвою... Теперь все колхозницы стали по-матерну палить...

Она хлестнула кнутом лошадь и принялась жевать «колхозный хлебушко»...

РАССКАЗЫ О СМЕРТИ

Как только я приехал в село, в тот же вечер собрались знакомые колхозники в одной хате, при тусклом свете маленькой керосиновой лампочки: «побалакать».

Лица у собеседников безжизненные, желтовато-темного, землистого цвета. Сами тощие, вялые, обессиленные, словно осенние мухи.

Уныло, со вздохами, беседовали о деревенских новостях в своем колхозе и соседних.

Тема одна — страшная тема о голоде и смерти...

Почему не показывается баба?

— Соседка Марья померла на днях от голода. Муж отправился в город, на поиски работы, и пропал без вести. А бабе есть нечего. На лопухе долго не проживешь. Зашли к ней бабы: что-то Марьюшка из хаты долго не показывается?

А она валяется в снях: вся закоченела...

С детьми, под поезд...

— В селе мучились вдова Арина, колхозница с двумя маленькими детьми. Есть нечего. Дети голодным писком своим материнскую душу терзали. Не вынесла баба этой пытки. Отчаялась, обезумела с горя. Пошла к железной дороге. Бросилась под проходящий поезд, с детьми. Один конец — и себе, и детям..

Дядя Антон и овца

— Дядя Антон тоже весной Богу душу отдал. От голода опух мужик. Поплелся в соседнюю деревню, к родственникам. Может быть, у них что-нибудь съедобное достать удастся?..

В поле, около дороги, увидел колхозное стадо овец. Обратился к

пастуху: «Паря, умираю от голода. Може, ты мне дозволишь овечку подоить: авось, хоть глоток молока выдою» . . .

Тот поймал ему овцу. Мужик присел на корточки, хотел доить. Но овцы у нас к этому непривыкшие, никогда их у нас не доили. Рванулась овца, сбила с ног обессиленного мужика. Упал он на земь, да уже и не встал больше. У мужика все пары вышли . . .

Вечером пригнал пастух стадо в деревню и пошел к начальству колхозному. «Овцы все в целости, — докладывает. — А дядю Антона подбирайте: в поле мертвый валяется . . . »

« Помер от лошадиного корма . . . »

— Вот тоже и Михайло Андреевич. Богатый мужик был. Сыновья по городам разъехались, а его раскулачили. Поехал он в город, к сыну-коммунисту. А тот его назад отправил. «Невозможно, — говорит, — нам, партийным, с раскулаченным отцом связь поддерживать. Поезжай назад, крутись как-нибудь в колхозе» . . .

Мужик вернулся домой, поступил в колхоз, конюхом устроился. Нам, колхозникам, известное дело, дожидайся глубокой осени. Тогда только, как государству всю положенную норму хлеба сдадут, нам из остатка аванец выдадут.

А лошадям в колхозе в рабочую пору — наше почтение: председатель им муки отпускает. «Потому, — говорит, — колхозники — это иное дело . . . А о колхозных лошадях у меня от центра точная инструкция есть: скот во время работы кормить как следует, чтобы он вполне продуктивно работать мог».

Ну, так вот, лошади, по сталинской инструкции, кушают овес, сено, муку. А конюх с пустым брюхом работает. Только слюнки глотает . . .

Смекнул мужик. Взял в конюшне муки, насыпал целый карман и хотел вечером домой снести. Старуха хлеба испечет на-славу, — думает. «Вам, лошадки, — гуторит голодный мужик, — кормов хватает. А ведь и мне, любезные, со старухой тоже есть надобно . . . »

Вечером конюшню закрыл, домой собрался. А тут председатель колхоза нагрянул. Обыскал мужика, приказал высыпать муку в же-

лоб лошадям. Ему пригрозил: «Ежели еще раз повторится, то я тебя, сукина сына, под суд отдам! А наш советский суд за расхищение священной колхозной собственности упечет тебя, сам знаешь, на десять лет туда, куда Макар телят не гонял!» . . .

После такого казуса мужик уже боялся брать муку домой. Но голод — не тетка: не дает покоя . . . Придумал мужик новое средство. Когда кормил лошадей, то брал горстью муку — и ее в рот да в рот . . . Пока живота не наполнил. С голодухи муки проглотил много.

Пришел домой, лег в постель, стонет. От муки брожение в животе страшное, распирает всего. Ну, рвет живот на части! . . . Всю ночь в корчах мучился . . . К утру помер мужик — от лошадиного корма . . .

Татарник, или «сталинская роза» . . .

На другой день пошел я побродить по селу, которое стало теперь колхозным.

Боже мой, какое запустение! . . .

Во многих хатах окна и двери заколочены. Бывшие обитатели их умерли от голода. Другие сосланы. Иные ушли на шахты и новостройки, спасаясь от голодной смерти.

Вся длинная, более километра, сельская улица заросла огромными, до крыш, сплошными кустами колючего растения, которое в здешних краях носит двойное название: «колун», или «татарник». Из-за высоких колючих кустов едва виднелись почерневшие крыши избушек.

Раньше через все село пролежала широкая улица, с дорогою по ней. Теперь ни улицы, ни дороги нет. Вся улица заросла сплошными зарослями «колуна». А вместо дороги осталась только тропинка между колючими кустами. . .

Кое-где по тропинке брели, пошатываясь, какие-то тени, как могильные привидения. Это бабы-колхозницы. Худые, истощенные, словно скелеты. В одних только грязных рубахах . . .

Не село, а пустырь, заросший «колуном-татарником». Колючие джунгли колхоза . . .

Сорняк этих джунглей прозван «колуном» за свои колючки. Все его могучие стебли, все листья и оболочки цветов его, пушистых розовых

бутонов, все это покрыто колючками. Это настоящий еж растительного царства. Скот не мог есть этого колючего растения. Дети накалывались на колючки. Крестьяне очень не любили этот колючий сорняк и лопатами уничтожали его с корнем. Поэтому прежде «колунов» в селе было немного: на окраинах пустыря, около речки.

А теперь этот колючий кустарник занял весь пустырь. Он вошел в само селение, подступил к стенам каждой хаты. Полонил, задушил все колхозное село . . .

И это глубоко символично . . .

Этот колючий кустарник с давних времен носит другое характерное название — «татарник». Лев Толстой упоминает об этом «татарнике» в своей повести «Хаджи Мурат». Упоминает о «татарнике» Пришвин в своих произведениях. Таким образом, писатели свидетельствуют о том, что любопытное прозвище этого растения в России широко распространено.

Можно с уверенностью предположить, что это второе имя дано ему в те далекие времена, когда татарское нашествие опустошило русскую землю. Селения превратились тогда в пустыри и заросли «татарником», историческим свидетелем «басурманского нашествия». И характерное прозвище это сохранилось с тех седых времен до наших дней.

В наши времена российская деревня переживает новое «басурманское нашествие», большевистско-колхозное. И снова опустошенную деревню полонили джунгли «татарника» . . .

Мужички называют его теперь по-новому: «колхозный цветок», «сталинская роза» . . .

Каждому посетителю сталинского музея в городе Гори, на Кавказе, на родине большевистского вождя, выдается подарок — великолепная красная роза из музейного сада. Подарок от имени революционного вождя — на память о красном его образе . . .

У крестьян России «отец народов» отнял землю, лошадей, скот, все имущество. У миллионов — отнял жизнь родных и близких. И подарил колхозникам на вечную память о себе колючий, кровавый «колхозный цветок», «сталинскую розу» . . .

Российские крестьяне никогда не забудут Чингис-Хана XX-го столетия, Величайшего Людомора на земле . . . Внукам и правнукам своим передадут вечную память о нем. Более страшного кошмара, чем кош-

мар колхозно-сталинского разбоя, голода и разорения, российская деревня еще никогда, со времен татарского нашествия, не переживала.

И возрождение джунглей «татарника» в колхозной деревне об этом красноречиво свидетельствует. Прежде кроваво-колючий цветок этот получил прозвище «татарника». Теперь он стал «колхозным цветком», «сталинской розой»...

Это — безмолвный, но убедительно-красноречивый исторический свидетель басурманского нашествия на российскую деревню варварских орд: в старину — татар, теперь — большевиков...

Джунгли «татарника», «колхозного цветка» — это символ всеобщего разорения деревни и наглядное историческое напоминание о самых трагических эпохах в жизни русского народа...

Быль и сказки о коллективизации

На предыдущих страницах подробно рассказаны факты о коллективизации, быль «колхозной революции сверху». Быль кровавая и страшная. Быль о том, как возник колхозно-крепостной строй из разбойничьих замыслов большевиков. Возник на миллионах трупов погибших крестьян, на морях крови и слез ограбленных и закабаленных тружеников. Колхозники недаром дали этому периоду характерное название: «страшные годы»...

Но чтобы развеять всякие воспоминания об этой кровавой были, вожди «колхозной революции» создали сказки и легенды о коллективизации. Главным автором этих сказок был семинарист-недоучка Иосиф Сталин. В своих речах и статьях он рассказал о «колхозной революции» тысячу и одну сказку.

Он говорил о том, что большевики отобрали у помещиков землю и передали ее «навечно» крестьянам-колхозникам...

О том, что большевики «подарили» каждой колхознице корову...

О том, что колхозы производят теперь гораздо больше хлеба, чем раньше крестьяне-единоличники...

О том, что крестьянки теперь в колхозах работают не на мужа и отца, а на себя...

О том, что в колхозах изжитая прежняя деревенская нищета, что там теперь изобилие продуктов, зажиточная и культурная жизнь...

О том, что дореволюционная деревня была для крестьян «мачехой», а колхозная стала для них «родной матерью» . . .

О том, что крестьянство поддержало снизу ту «колхозную революцию», которую большевики проводили сверху . . .

Сталин утверждал, что общество в Советском Союзе стало однородным, бесклассовым: все являются работниками одного социалистического, государственного хозяйства . . .

Он говорил о том, что после ликвидации класса крестьян-собственников опасность реставрации частной собственности устранена навсегда, что социалистический строй внутри СССР победил окончательно . . .

Вождь партии указывал на то, что коренной вопрос о смертельной борьбе социализма с капитализмом — «кто кого?» — внутри Советского Союза решен бесповоротно и переносится теперь на международную арену . . .

Сталин предсказывал, что мировая история пойдет теперь по новым, социалистическим путям, по которым поведут ее коммунистическая партия и он, вождь этой партии, «великий машинист локомотива мировой революции», как льстиво назвал его Лазарь Каганович, друг и советник . . .

На жителей Советского Союза эти сталинские сказки действовали очень раздражающе.

На иностранных же коммунистов и наивных попутчиков за границей эти сказки производили сильное благоприятное впечатление.

Советские газеты сообщали в те годы об одном интересном случае. На пленуме Центрального Комитета коммунистической партии присутствовала делегация французских коммунистов. Слушая доклад — сказку Сталина о величайшей в истории «колхозной революции», чувствительные французские коммунисты . . . плакали . . . Плакали от восторга и умиления! . . . Какие грандиозные дела и славнейшие подвиги совершила Коммунистическая партия Советского Союза! . . . Какие невиданные чудеса «социалистического рая» сотворила колхозная революция! . . .

Читая это сообщение, жители Советского Союза думали и говорили между собой:

— Да, по одному и тому же поводу, но как различно плачут люди на свете! . . . Миллионы российских крестьян плакали и плачут горь-

кими жгучими слезами от коллективизации... Плакали и плачут потому, что «Соловьи-Разбойники» ограбили у них все имущество и превратили их в нищих...

Плачут из-за того, что их, свободных тружеников, превратили в крепостных рабов советского государства...

Плачут по той причине, что на хлебных полях и скотоводческих фермах их морят голодом, а на лоне природы, на вольном воздухе — они задыхаются от гнета и террора...

Российские крестьяне плачут над миллионами погибших отцов, матерей, братьев, сестер, детей... Плачут горькими слезами над своей судьбой мучеников, распятых на колхозной Голгофе и всем миром оставленных...

А над чем плачут французские коммунисты? Они, оказывается, плачут над сталинскими сказками о «колхозной революции» и «колхозном рае»... Плачут от умиления перед «героями колхозной революции», плачут от восторга перед перспективами «всемирного колхозного рая»...

— Да, по-разному живут, по-разному мыслят и по-разному плачут люди на свете!...

— Надо бы пригласить французских коммунистов пожить и поработать у нас, в «колхозном раю». Может быть, они тогда заплакали бы теми же горькими слезами, какими плачем и мы, русские крестьяне...

Впоследствии сказкам Сталина о «колхозной революции» в Советском Союзе придали самую разнообразную форму: наукообразную, беллетристическую, фильмовую, песенно-частушечную, живописную. И по всему свету распространяли и распространяют эти сказки: через романы и учебники, энциклопедии и газеты, радио и кино, картины и выставки.

Приведу несколько примеров такой популяризации «колхозных сказок».

В официальном учебнике для средних школ в Советском Союзе — «История СССР», под редакцией профессора А. Панкратовой, — коллективизация описана так:

«Весной 1929 года Совет труда и обороны принял решение о массовом строительстве МТС (машинно-тракторных станций), и это решение энергично проводилось в жизнь. Крестьяне приходили в совхозы и МТС, наблюдали за работой тракторов и просили помочь им объединиться в колхозы для обработки общей земли усовершенствованными машинами. Так было положено начало массовому колхозному движению... Началась сплошная коллективизация».¹⁾

Какую умирительную идиллию нарисовали авторы большевистского учебника истории: крестьяне приходили в совхозы, смотрели тракторы и... объединялись в колхозы!.. Жаль только, что эта идиллия имеет один недостаток: она полностью противоречит фактам, истине...

О «добровольной коллективизации» говорят советские энциклопедии... О «гигантских достижениях колхозов» говорят статистические сборники...

Такие пропагандные сказки учащаяся молодежь в коммунистических государствах, от Берлина до Пекина, обязана заучивать наизусть как «науку», «объективную историческую истину»...

Советские писатели-коммунисты — Михаил Шолохов, Грибачев и другие — написали о колхозах лживые книги, которые переведены на многие языки, распространяются по всему миру и прославляют «колхозную революцию» и социалистическую систему сельского хозяйства. Такую «литературу» в СССР называют «колхозным сиропом» или «сказками для малых детей и больших ослов»...

В Советском Союзе создан ряд сказочных фильмов о колхозах. Там показан «колхозный рай»: «изобилие», роскошные пиры, «колхозные романы», всегда веселые, поющие и танцующие колхозники и колхозницы...

Советское радио ежедневно, на всех языках, по всему миру передает песни, вроде «Колхозной плясовой» или частушек такого типа:

«Растяну гармошку шире,
Пусть девчата подпоят,
Чтоб узнали во всем мире,
Как колхозники живут!..»

¹⁾ А. Панкратова (ред.) — История СССР, учебник, т. III, стр. 328.

Моря «колхозного сиропа» изготавливаются в Коммунистической Империи и заливают весь мир . . .

Красочные и веселые сказки о «колхозной революции» и «колхозном рае» создаются в Советском Союзе и распространяются по всему миру в целях большевистской пропаганды, расширения коммунистической революции.

А страшная колхозная быль в Коммунистической Империи упорно замалчивается, вычеркивается из печати и «выкорчевывается» из сознания людей. Правда-быль устраняется потому, что «Кривда Правду ненавидит: Правда Кривду всюду видит» . . .

Колхозный ад в Коммунистической Империи заслоняют пышными фантастическими декорациями, на которых намалеваны дремучие леса развесистой клюквы под вывеской «колхозного рая». А кошмарные злодеяния коммунистических драконов перекрашены на этих декорациях в лубочные «героические действия»! . .

4. УПОРНЫЕ ЕДИНОЛИЧНИКИ

Многие колхозники оказывали исключительно упорное индивидуальное сопротивление коллективизации.

На следующих страницах будет описано несколько таких единоличников, их упорная борьба против коллективизации и печальная судьба.

Шахтер-крестьянин и коллективизация

Мужественным борцом против насильственной коллективизации был очень интересный человек из Болотного.

Малоземельный бедный крестьянин, он до революции ходил летом на заработки. Работал, главным образом, на шахтах. Он был очень начитанный и культурный человек. В его большой личной библиотеке были солидные исторические труды и народные сказки, учебники физики и русская классическая литература, брошюры Ленина и «Божественная Комедия» Данте. Еще до Октябрьской революции он был убежденным большевиком.

После Октября он стал одним из волостных комиссаров. Но, будучи человеком чрезвычайно честным и справедливым, он вступил в резкое столкновение с другими большевистскими комиссарами, которые государственные средства использовали не для народа, а для своих личных целей. Его исключили из партии: «демагог», «склочник». Он купил лошадь, стал крестьянствовать и в годы нэпа превратился в типичного крестьянина-середняка.

Когда началась принудительная коллективизация, он резко выступал на собраниях против этого мероприятия.

— Имущество праздных богачей получилось от эксплуатации. Поэтому его можно отобрать и принудительно. Но нельзя насиль-

ственно отбирать у крестьян их трудовую собственность, которую они заработали своими мозолистыми руками, в поте лица своего. Я раньше тоже считал социализм раем. А теперь думаю по-другому. Но если вы до сих пор увлекаетесь социализмом, то призывайте крестьян добровольно идти в колхозный рай. А зачем же вы загоняете в рай дубиной?..

Он категорически отказывался вступать в колхоз и говорил, что никому не отдаст своей лошади, своей трудовой собственности и выгонит из своей избы всякого, кто придет отбирать у него имущество в колхоз.

Малокультурные докладчики из райкома были бессильны дискутировать на крестьянских собраниях с таким умным и начитанным оратором. Он говорил с душой, очень картинно и красноречиво, наполняя свою речь убедительными примерами, яркими афоризмами, ядовитыми шутками. После дискуссии с таким оратором уполномоченные теряли свой тон и представлялись участникам собрания общипанными курами. Бессильные в дискуссиях, райкомовские уполномоченные злобно ругали этого бывшего большевика «предателем», «подкулачником», «контрреволюционером» и угрожали ему арестом и лагерем.

Вскоре болезнь свалила его, и он никуда не мог выходить. Смертельно больной, он лежал в постели. А к нему ходил секретарь волостной парторганизации: все уговаривал вступить в колхоз и угрожал... Только смерть избавила этого борца против коллективизации от лагеря.

Жена и сын, по его предсмертному совету, в колхоз не пошли. Они бросили в деревне все свое имущество, ночью ушли куда-то и уже в свою деревню не возвращались...

Вдова и «колхозное головокружение»

В Болотном я встретил вдову, которая при первой коллективизации в артель не вступила. Все имущество у нее отобрали и передали колхозу, но она туда не пошла.

Ее с тремя детьми местные начальники хотели сослать в лагерь. Но потом раздумали: «В лагере на лесозаготовках она не заработает

даже пайка на себя и на детей. Куда ее в лагерь?! Пусть остается в деревне и поддыхает тут» . . .

Уже после вторичной коллективизации я встретил ее в селе, зашел к ней в хату. Она охотно поведала мне печальную историю.

— Хоть и бедная я, а в колхоз поступать никак не хотела. Но с нами, дорогой, ни в чем не считаются. Вот организовали товарищи артель и в нашем селе. А как организовали, то отобрали и у меня все: и лошадь, и корову, и плуг, и телегу. И все это передали колхозу, хоть я вступать в него не пожелала . . . Но потом в газетах пропечатали «Головокружение» Сталина. Тут пошла я к председателю колхоза и говорю ему: «Верните мне мою лошадь, плуг, телегу. Я же в колхоз не вступала, а насильно загонять в колхоз права не имеете, потому Сталин за «головокружение» ругается . . . » Посмеялся председатель надо мной. Сказал, что у меня самой «головокружение от неудач» началось. А моего имущества мне из колхоза не вернул . . . Ну, ладно, думаю, лишь бы земли дали: семян припасла, а землю я с ребятами вскопаю лопатой, заборону граблями . . . Да не тут-то было: земли не дали. Дали только для огорода усадьбу, четверть гектара, и больше ничего . . . А вскоре опять «головокружение» началось. Пришли ко мне колхозные начальники, обыскали мою хату и погреб и забрали у меня все продовольствие до крошки: и зерно, и картошку, и свеклу, и капусту. Под метелку все подчистили . . . «А когда в колхоз поступишь, тогда продукты выдадим . . . Ты, — говорят, — насчет «головокружения» все болтаешь. А товарищ Сталин про свое «головокружение» уже давно забыл. И нам новую директиву прислал: «вернуть неустойчивых товарищей-колхозников обратно в колхозы! . . » Твои продукты и скот мы в колхоз забрали. А ты можешь, конечно, жить единолично: мы тебя не приневоливаем . . . » Вот как дело повернули: или помирай — или в колхоз ступай! . . . Посмотрела я на своих ребят-сиротинушек. Они, пригорюнившись, сидят и не евши плачут . . . Голод — не тетка. Помирать никому не хочется. А морить детей и подавно . . . Залилась я сама слезами и пошла в колхоз . . .

Баба вытерла рукавом набежавшие слезы.

— Поступила в колхоз, да толку мало, — продолжала она, после минутного молчания. — Пока еще с голоду не померли, да и жить не живем. Так, только мучимся . . . Не жисть, а одна колгота! . .

Баба вздохнула, безнадежно махнула рукой и уткнулась в свою работу: она чинила сынишке штаны.

«Золотых дел мастер...»

На рабочем поселке, при железнодорожной станции, мне пришлось увидеть много таких упорных единоличников, которые, не желая вступать в колхоз, уехали из деревни. Работу они нашли на ближайших заводах и новостройках (предварительно раздобыв всякими путями необходимые справки). А жилье часто устраивали сами, очень примитивное. Некоторые семьи построили хижины, обмазавши плетневые стены глиной. Другие соорудили землянки.

Крестьянин, приехавший сюда с семьей из Орловской области, никак не хотел расставаться с лошадью. Он нашел себе работу ассенизатора при станции и местной новостройке.

— Ну, каковы ваши дела, господин золотых дел мастер? — подтрунивали над ним знакомые.

— Дела идут, контора пишет. Дерьмо вожу — хлеб зарабатываю, — отвечал он в тон шутникам. — Гораздо лучше иметь дело с дерьмом, чем с колхозом...

Но единоличников не оставили в покое даже на таких «ароматных» работах. Чтобы доконать упорных единоличников, которые зарабатывают хлеб частным извозом, на своих лошадях, советское правительство издало указ: обложить каждую лошадь единоличника тысячерублевым годичным налогом, который должен быть внесен в государственную кассу вперед за год, единовременно.

— Ну, а каково теперь самочувствие у его ароматного величества? — спросили знакомые у ассенизатора.

— Моя бочка не так воняет: декреты сильнее смердят, — утрюмо ответил ассенизатор...

Ему пришлось отказаться от лошади: он продал ее новостройке, при которой работал. Прослезился мужик, прощаясь с другом своим и кормильцем, когда отводил ее на конюшню новостройки...

Хотя он продолжал работать на той же работе и на той же лошади, но самочувствие его совсем изменилось. Он стал утрюмым и озлобленным.

— Теперь я не хозяин, а батрак, — говорил он...

Поселок единоличников

Колхозник из Болотного пробрался на заработки на Дальний Восток, на какое-то строительство.

Увидел, что земля там кругом пустует, людей нет.

Привез туда семью. С некоторыми другими семьями поселились колхозники-отходники в глуши, маленьким поселочком. Каждая семья заняла для себя отдельный участок земли. Стали землю обрабатывать, рыбу ловить. Зажили отрубниками-единоличниками. Радовались и недоумевали: «Неужели от чертова пекла, от колхоза, избавились?!»

Но через год розыскала их местная власть.

— Тут жить нельзя: это пограничная полоса...

Прогнали этих поселян за 200 километров, в глубь страны.

Перевелись. Хижины опять построили. Опять за земельку принялись.

А через год власть опять их прогнала: там военные объекты начали строить... Власть указала, чтобы эти люди переселились еще на 200 километров, в тайгу. И, кроме того, потребовала:

— Никаких единоличных хозяйств в Советском Союзе больше не может быть. Поселок должен быть колхозом. Видать, вы от колхоза крутитесь...

— Плюнули мы с досады на всю эту чертовщину: нигде жить не дают, дьяволы! — рассказывал колхозник. — И домой вернулись, в свое село... К начальству пришлось идти на поклон, с подарочком. Ну, тогда, вестимо, председатель колхозным бригадиром назначил.

Домашний батрак колхозников

В селе встретил я «раскулаченного» крестьянина, Ивана Федоровича, которого за антиколхозную пропаганду большевики в тюрьму отправили. Он отсидел в тюрьме год и вернулся в свою деревню.

— В колхоз я не пошел: это хуже окопов, — говорил этот старый солдат. — А в карпатских окопах я несколько лет промучился во время Германской войны, знаю их хорошо. «Ах, Карпаты, вы, Карпаты, будут помнить вас солдаты!...» — так воздыхала солдатская песня. Довольно мне одних Карпат: других не хочу... А сыновья мои (четырех орлов вырастил!) после раскулачивания вступили в колхоз. На-

чальники с ножом к горлу приступили: или в колхоз — или в лагерь, в Сибирь!... И старуха моя с ними. Потом, когда тут объявили набор на переселение, они уехали в украинский колхоз, в Харьковскую область. Пишут теперь, что жизнь там не так плоха, как тут, зовут к себе. Но я не хочу и туда ехать: совестно в чужое, разоренное гнездо залезать...

Задумался старик. Потом встрепенулся:

— А другие залезают. И не туда еще залезают...

И он рассказал любопытный случай. В тюрьме он встретил своего бывшего офицера: тот был начальником тюрьмы. Это был офицер-помещик, под начальством которого Иван Федорович в качестве унтер-офицера долго отбывал свою окопную страду на Карпатах, во время Русско-Германской войны. Бывший офицер откровенно рассказал Ивану Федоровичу о своей судьбе.

После большевистского переворота офицер многократно сидел в тюрьме, и над ним, по его выражению, «постоянно витала угроза смерти: от расстрела и голода...» Спасти свою жизнь и избавиться от этой угрозы он решил так: раздобыл необходимые документы, переехал в другую область, вступил в партию и получил должность начальника тюрьмы... Теперь над ним не витал уже страх смерти. Но... теперь совесть стала сильно тревожить сердце. «Положение мое пиковое», — так говорил этот бывший офицер царской армии. — «Как может себя чувствовать русский патриот на службе у предателей родины?! Как должен себя чувствовать честный человек на службе у разбойников?! Каково положение офицера-помещика, который стал коммунистом и держит в тюрьме ни в чем неповинных мужичков, противников колхозного разбоя?!»

Ивану Федоровичу этот офицер помог. Он взял его на легкую работу в тюремную канцелярию. Помогал ему продуктами и одеждой. Ходатайствовал о досрочном освобождении из тюрьмы и добился этого.

Но по поводу партийного билета и должности большевистского тюремщика у своего бывшего офицера Иван Федорович укоризненно качал головой и недоуменно пожимал плечами...

— Ну, а как живешь теперь, чем промышляешь, старина? — спросил я.

— Да живу поменьше, со дня на день. В колхоз я и после тюрьмы не пошел. Председатель ко мне с этим больше не пристаёт: по

возрасту я уже не трудообязанный. Но хату мою колхозное начальство мне не отдает, хотя она, забитая, стоит и пустует... Вот и кочую я теперь по чужим дворам... У одного колхозника поживу недельку, у другого — недельку. За это время сделаю своему домохозяину что могу: огород вскопаю или прополю... изгородь поставлю... двор поправлю... крышу починю... за детишками присмотрю... корове травы нарву... Ведь колхозники времени для своих работ не имеют. Ну, и покормят меня за это, кто чем может...

— А в последнее время я кротами стал промыслять, — заулыбался старик. — Какие-то агенты из города объявили тут, что за каждую кротовую шкурку будут платить по одному рублю. По собственному патенту смастерил я кротоловки. И теперь ставлю их и ловлю кротов. За каждую шкурку получаю рубль и справку о сдаче их государству. А когда покажешь справку, за полученный рубль продают мне в городе из государственного магазина целый килограмм хлеба. Вот и зажил я теперь так, что колхозники завидовать стали. — «Ты у нас вроде как бы опчественным батраком служишь, Иван Федорович, — говорят. — А живется тебе лучше, чем нам, твоим хозяевам. Начальства над тобою нет, а хлеб ты от кротов себе промысляешь. Супом же тебя наши бабы кормят...

— Жаль только одного, — сказал старик на прощанье, — что ружьишка у меня нет. Зайцев теперь развелось видимо-невидимо! Никогда раньше их столько не было. Раньше на них охотились, а теперь... «друзья народа» все ружья у народа отобрали... А жаль: ведь я был первоклассным охотником. За зиму несколько десятков зайцев домой приносил. Целая бочка зайчатины в амбаре стояла. Если бы я имел теперь хоть какое-нибудь ружьишко, я не только сам имел бы вдоволь мяса, но кормил бы всю деревню зайчатиной. Кабы мне только ружьишко!...

Старик по-солдатски козырнул, круто повернулся и пошел на луг, к своим кротовым ловушкам.

5. БЕГСТВО ИЗ КОЛХОЗА

(Отходники и переселенцы)

После коллективизации мне пришлось встречать многих орловских колхозников, которые, спасаясь от голода, бежали из своих родных колхозов: в другие области на переселение или в города на заработки.

I. Переселенцы

После проведения коллективизации некоторые деревни на Украине и на Кубани оказались совершенно опустошенными. Население их было целиком сослано или сбежало. Тогда советское правительство пригласило колхозников из малоземельных колхозов России и Белоруссии переселяться в эти пустые деревни.

Некоторые орловские колхозники, спасаясь от голода в своих колхозах, поехали на переселение. Они ожидали, что там будет лучше.

На Украине

Я встречал таких переселенцев. Один приехал в гости к родным, в родное село Болотное. Большая семья этого переселенца, бывшего раскулаченного, обосновалась на Украине, в колхозе Харьковской области.

— На Украине живется лучше, чем в орловских краях, — рассказывал он. — На трудодень в нашем харьковском колхозе, например, выдали по два килограмма пшеницы. Хлеба хватает. И не черный хлеб, а белый, пшеничный. Других продуктов не хватает, ну, а хлеба едим вдоволь. А кроме того, при каждой хате в той деревне, где мы поселились, садик есть. Усадьба колхозников занимает один гектар,

а не $\frac{1}{4}$ гектара, как на Орловщине. Но вот беда: уж очень недружелюбно украинцы из соседних колхозов относятся к нам, переселенцам. — Вишь, — говорят, — «наследники» выискались. наших людей советская власть в Сибирь сослала, а сюда голодранцев-москалей нагнала...

— Не любят нас, переселенцев, расправой грозят. Вот что плохо...

На Кубани

Встретил я также знакомую колхозницу, которая вернулась с переселения обратно в свою деревню. Из орловского колхоза она со своей семьей переселилась на Кубань.

— Земли там, — рассказывала, — в колхозе было много. Пшеницы на трудодни тоже хватало. Но воды на этом колхозном поселке совсем не было: ни колодца, ни ручейка — все степь да степь. Ближайший колодец был в 10 километрах от поселка. Лошадей в колхозе было мало. Воду привозили только колхозному начальнику. А всем остальным колхозникам приходилось собирать и часто использовать для питья горькую дождевую воду. Из-за воды было плохо. А еще — тоска доконала: по своим краям, по родным и знакомым людям...

Не выдержала этого крестьянка и вернулась с детьми домой, в свой орловский колхоз.

А другая семья, которая переселилась вместе с ней и жила на том же кубанском поселке, не вернулась. Та семья, раскулаченная, осталась жить там. У нее воспоминания о своей деревне были очень скорбные, и ее не так сильно тянуло на родину... Раскулаченные на второй родине прижились.

II. ОТХОДНИКИ

Мимолетные встречи

В 1935 году карточная система продовольственного снабжения в городах была отменена, и деньги вновь получили значение. Тогда в город хлынула большая волна колхозников-отходников, которые оставляли свою семью в колхозе, а сами уходили на временные заработки в город. Уехать с семьей они не могли: в городах жилищ не было; или из колхоза их с семьей не отпускали.

После 1935 года мне приходилось часто и во многих местах встречать знакомых отходников.

На вокзале большого города. Встретились два колхозника из одной деревни. Один уже работает в городе, другой только приехал. В отрепьях, с сундучком.

— Ну, что там в колхозе нового? Я уже два года там не был. Хлеб есть?

— Нету, брат, хлеба. Если был бы хлеб, кой чорт погнал бы меня сюда: таскаться, работу искать...

— Ну, пойдем со мной: на нашей новостройке работа найдется...

На станционном рабочем поселке. Стройка рабочих домиков. Окликает плотник, сидящий на стропилах крыши. Оказывается, знакомый колхозник из орловской деревни: был хуторянин-столыпинец, теперь — колхозник--отходник...

На улицах столицы встретился знакомый отходник, в специальной рабочей одежде Метростроя: работает на шахте при строительстве метро.

Знакомые рассказывали о колхозе, о своей работе, о судьбе некоторых земляков-отходников.

Где умереть легче?..

Об одной девушке из колхоза сообщили жуткую историю.

Из деревни она уехала на поиски работы. Хотела заработать себе на пропитание и помочь матери и сестренкам в колхозе. Работы подходящей не находилось, денег не было. Поэтому девушка вынуждена была согласиться на первую подвернувшуюся работу. Поступила на шахтные работы при строительстве подземной железной дороги в столице.

Очень тяжелая подземная работа в шахтах, частые обвалы, гибель многих рабочих, — все это так напугало деревенскую девушку, что она решила вернуться назад, в колхоз. Теперь ей стало казаться, что легче умереть на колхозном поле от голода, чем погибнуть в шахтах, под обвалом...

Но с работы ее не отпускали. Она уехала домой самовольно. Дирекция шахты послала по месту жительства девушки бумагу, в которой просила местную милицию арестовать колхозницу, как «дезертира социалистического труда», и вернуть ее на работу. Милиционер арестовал девушку, привел ее в районный город и посадил на ночь в арестную комнату, предполагая на следующий день отправить ее поездом, под конвоем, к месту работы.

Утром, отомкнув арестную комнату, милиционер остолбенел от удивления: перед ним висел труп «дезертира социалистического труда»...

Так бедная девушка на свой лад разрешила жуткую проблему, где колхознице умереть легче...

Квартира и судьба

В Болотном я натолкнулся на другую трагедию отходника.

— Где твой отец? — ничего не подозревая, спросил я у знакомого паренька-колхозника, повстречавшись с ним.

— Отец?! — вздрогнул подросток. — По... по...весился, — про-
бормотал он, заикаясь, заволновался, прослезился и ушел домой...

Другие колхозники рассказали о судьбе его отца.

Колхозник этот ушел на заработки и устроился работать на строи-
тельных работах в Ленинграде. Но угол для ночевки вблизи большого
города он найти никак не мог. Он смог найти жилье только в дале-
кой, глухой деревушке: в 100 километрах от города и в шести — от
железнодорожной станции. Такая неудобная дорога отнимала у него
больше времени, чем работа. На сон у него оставалось так мало вре-
мени, что он никогда не мог выспаться.

Из-за этого он однажды проспал и опоздал на работу на полчаса.
Его за это судили и, по советскому драконовскому закону об опозда-
ниях, приговорили к тяжелому штрафу: к выплате в пользу государ-
ства 25 процентов заработной платы в течение шести месяцев.

Нервный и впечатлительный человек, хороший семьянин, колхоз-
ник этот был убит горем: ведь дети его голодают в колхозе, а он те-
перь не может оказать им никакой, даже малейшей, помощи, в тече-
ние полгода!..

Ночью, вернувшись после суда на квартиру, он повесился...

Отец колхозного начальника

В один из праздничных дней ко мне на квартиру в городе заехал
знакомый старик, колхозник из Болотного. Оказывается, он давно
приехал из колхоза на заработки и устроился на работу неподалеку
от моего города. Узнавши мой адрес, он решил заехать: поведать хо-
тел, побеседовать.

Я знал его давно. Будучи малоземельным крестьянином, он еще с
юных лет регулярно ходил на отхожие промыслы. На Украине он по-
знакомился с сектой евангельских христиан, вступил в нее. Он не пил
водки, не курил, не ругался, вел себя очень тихо и скромно, обходился
со всеми ласково, работал и жил честно. В противоположность другим
отходникам, которые большую часть своего заработка пропивали, он
свои деньги аккуратно присылал жене и кормил свою большую семью
хорошо. Во время войны он из-за своих религиозно-моральных убеж-
дений отказался от вооруженной службы и выполнял военно-тыловые

работы. В годы нэпа он купил лошадь и успешно крестьянствовал. В период коллективизации голодал, как и другие колхозники.

Во время беседы старик-сектант рассказал о большом разладе, который произошел в его семье.

Сын его вступил в комсомол и сразу же получил пост председателя местного колхоза. С первых же шагов своей административной деятельности он пошел по стопам других деревенских коммунистов-начальников: стал воровать колхозные продукты, брать взятки, пьянствовать.

Отец упрекал сына за такое поведение и призывал его к честной жизни, говорил, что за зло непременно последует возмездие. Он напоминал сыну поучительный случай, который произошел с ближайшим их родственником. Этот местный начальник, грабя крестьян, так привык к водке, что без нее жить не мог. Из-за постоянного безудержного пьянства потеряв партийный билет и службу, он уехал на заработки и там весь свой заработок пропивал в первые дни после получки, а потом приставал к каждому: «Поднеси стаканчик!»... Окончательно опустившимся пропойцей он доживал свои жалкие дни, валяясь у шахтерских землянок Донбасса...

— Смотри, сын, ежели ты будешь воровать, обижать людей и пьянствовать, то тебя постигнет такая же судьба. Накажет Бог, люди, жизнь накажет, — предупреждал отец своего сына...

Но на юного комсомольца, который после голодных лет дорвался до ветчины и водки и из вчерашнего колхозного раба превратился в колхозного «царька», предупреждения отца совсем не действовали.

— Если я не буду воровать в колхозе, то какой же мне смысл быть руководителем?! — отвечал сын отцу. — Ведь колхозному председателю полагается начислять за каждый день службы только полтора трудодня. Это значит — 600 граммов на день, кусок хлеба — и ничего больше. При такой оплате нам опять впроголодь жить придется. Но голодать я больше не хочу: надоело! Очень не нравится мне голодать, отец!... Ежели ты хочешь по своему Евангелию вести честную, но голодную жизнь, то можешь голодать. А я хочу жить по Сталину: «жить лучше, жить веселей...» Иметь в своем распоряжении колхозные склады с продуктами, фермы со скотом и птицею — и голодать?! Нет, отец, я такой глупости делать не намерен...

Тогда отец попросил сына-начальника отделиться от отцовской семьи и не позорить больше его дом своим безнравственным, грязным

поведением. Сын женился, построил себе новый дом и отделился от отца.

Теперь юный колхозный начальник в своем доме жил с женою, сыт и пьян. А старик-отец ушел на заработки, чтобы честным тяжелым трудом зарабатывать свой хлеб. Он стал работать землекопом на новостройке. Половину своей заработной платы старик регулярно посылал своей семье: старухе и младшему сыну-подростку.

Некоторые односельчане отца «чужаком» называли за его разлад с сыном-начальником. Другие одобряли.

Прощаясь со стариком, я с уважением пожал его заскорузлую, мозолистую руку.

«Летун»

Один отходник из орловского села посетил меня в городе и рассказал о своих похождениях. В поисках более выгодных условий, он очень часто менял место работы. Таким людям дали прозвище: «летуны». За последние годы этот «летун» поработал уже в местном совхозе, на дорожном строительстве под Москвой, на лесных работах в Архангельске, у калмыцких рыбаков на Каспийском море. А теперь возвращался из Биробиджана. Там работал он лето в качестве колхозного батрака в Еврейской Автономной области.

— Колхоз в Биробиджане имеет много скота и пастбищ, — рассказывал он. — Государству же колхоз сдает продуктов и скота мало. А больше продает в городе и деньги колхозникам на руки выдает. Местные жители там только колхозными начальниками служат. Все остальные вернулись жить в города: евреи — городские жители, в деревнях жить не любят. Всю рабочую силу, батраков, колхоз нанимает из отходников, которые приезжают на заработки из малоземельных колхозов: из русских областей и Белоруссии. Нанимать рабочую силу, кроме специалистов, колхозам воспрещено. Но за большую взятку любой закон обойти можно, — подмигнул рассказчик...

— Побывал ты в различных местах, посмотрел много. Ну, и где же тебе больше всего понравилось? — спросил я у бывалого человека.

— Хорошо там, где нас нет, — ответил он шуткой... — Теперь везде плохо. Только по разному сапог жмет. У прикаспийских калмыков — рыбы много, но хлеба нет. В Архангельске — холодно. Под

Москвой — с квартирой очень трудно. А в совхозе и в еврейском колхозе — и кормят тощевато и платят скуповато. Впрочем, платят при советской власти везде плохо. А прежде до революции, я гораздо больше зарабатывал на отхожих заработках. Тогда я зарабатывал в месяц 20—30 рублей. И мог на этот заработок сам хорошо есть, одеться и семье посылать самое меньшее 10 рублей ежемесячно. Ежели не пропъешь только... А на эти 10 рублей семья могла купить... 25 пудов хлеба или два пуда сала! А теперь я могу заработать 200 советских рублей в месяц. Но на одну сотню рублей самому впроголодь жить приходится. А за другую сотню семья, в лучшем случае, сможет купить себе... только пуд хлеба и больше ничего. А в иные времена и одного пуда хлеба купить не сможет.

— Ну, а если взятку дать ближайшему начальнику, то можно заработать и больше, — добавил рассказчик. — Когда я работал на строительстве дороги, и работа была сдельная, то я каждое воскресенье угощал дорожного мастера. А он мне выписывал зарплату вдвое больше, чем другим рабочим: не 200 рублей, а 400. Да еще как стахановца везде расхваливал, хотя я больше других и не работал. Я тратил на угощение 100 рублей ежемесячно. А сам получал за это лишних 200 рублей зарплаты. Лишняя сотня в кармане оставалась. Есть смысл угощать начальство! — подмигнул бойкий весельчак.

— А впрочем, без взятки даже из колхоза невозможно вырваться, — закончил летун свой рассказ. — Пойдешь с пустыми руками к председателю просить справку об отпуске из колхоза, чтобы идти на заработки. А он тебя расчехвостит: «Шалишь, брат! Нашему колхозу рабочей силы не хватает. До зарезу нужна!...» И бумажку не даст. А без этой справки милиция не выдаст паспорта, и ни одно советское предприятие на работу не примет. Ну, а ежели председателю хорошую взятку дашь, то и рабочая сила в колхозе найдется, и бумажку получишь. И даже на прощанье «счастливого пути и хороших заработков» колхозный начальник тебе пожелает. Известное дело: без подмазки — далеко не уедешь...

6. ВНЕШНИЙ ОБЛИК КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ

(Дорожные впечатления)

В течении четырех предвоенных лет, в 1937-41 годах, я посещал село Болотное ежегодно. Я внимательно наблюдал и досконально изучал колхозные порядки и жизнь колхозников. В последующих очерках будут изложены результаты этого наблюдения и изучения.

Настороженность и страх колхозников

37-й год.

Полсотни километров от станции до села мы со знакомым колхозником преодолеваем за два дня.

— Таковы теперь колхозные рысаки, — иронизирует подводчик.

Уже первые наблюдения над колхозниками и колхозными деревнями на пути от станции до колхоза о многом говорили.

Колхозники истощены и нищенски одеты.

Любопытна их реакция при виде нового человека. Бывало, когда по деревне проходил или проезжал новый, неизвестный человек, на него отовсюду смотрели лица с открытым любопытством и добродушной улыбкой. Теперь нет улыбок на встречающих лицах. Колхозная жизнь настолько тяжела и горька, что она согнала улыбку с лица. Вместо улыбки горькая печаль, вечная озабоченность, застывший испуг на лицах. Вместо любопытства в глазах отражается подозрительная настороженность, угрюмая враждебность.

В беседе возница подтвердил это наблюдение и объяснил его. Теперь почти каждый новый городской человек в колхозе это какой-нибудь партийный уполномоченный. А он непременно несет колхозникам какое-нибудь зло, бедствие: то закон о налоге и займе, то приказ о

дополнительной трудовой нагрузке, о новом ограничении, то угрозу драконовским наказанием, то доклад с «разносом», то начинает следствие, которое заканчивается лагерем...

— Как увидишь в деревне какого-либо нового человека, — говорил возница, — так и думаешь: а сь?.. С какого бока он тебя укусит, пес?! Чем он тебя сейчас ахнет, разбойник?!

Вот почему всякий новый человек встречает теперь в колхозной деревне такой настороженный, подозрительный, враждебный взгляд, пристально ощупывающий каждого нового человека, как врага и вероятного бедоносителя...

Молчащая деревня

Раньше еще далеко от деревни слышался гомон, в котором смешивались самые разнообразные звуки: лай собак, кудахтанье кур, мычание, блеяние, визжание скота во дворах, крики играющих детей, громкий разговор баб и мужиков, пение девушек.

Теперь в деревнях — тишина... Словно вымерла деревня...

Не лают собаки: их теперь осталось одна-две на деревню. Не кудахчут куры: их теперь в колхозных деревнях очень мало, да и те без подкормки потеряли голос. На дворе колхозника пустота: тощая корова да еле живой поросенок.

Прежде каждая деревенская изба была забита детишками. В каждой семье на Орловщине, например, в доколхозные времена было в среднем 7 душ, из них большинство — дети различного возраста. Они заполняли всю деревенскую улицу.

А теперь? В колхозной деревне детишек осталось очень мало: в среднем два на семью. И те находятся вне дома и вне деревни. Младшие рыщут в поисках травы для своей коровы. А постарше, начиная с двенадцатилетнего возраста, уже находятся на колхозных работах.

Детишек в колхозных деревнях виднеется очень мало. Играют они молча: сидят и копаются в пыли... Молчат и взрослые колхозники. Изредка перебросятся парой тихих слов. Почему?

— У голодного сил нет, чтобы громко разговаривать, — объясняет колхозник-возница. — Да и опаска нужна при каждом слове: теперь за каждое слово погибнуть можно...

Заглохла песня в колхозной деревне: голодным людям не до песни.

Пропал сельский гомон.

Деревня, прежде шумящая и гомонящая, голосистая и певучая, притихла. Теперь она стала иной: голодной и нищей, забитой и полумертвой... И поэтому в колхозных деревнях воцарилась мертвая тишина...

Пустые хаты

Проезжая по колхозным деревням, замечали: почти все окна в колхозных хатах наполовину забиты, тряпками или досками.

— Стекла нигде достать невозможно, — объясняет извозчик.

Под разными предлогами заходили в хаты колхозников.

В хатах темно и пусто...

Темно: окна наполовину забиты.

Пусто: если прежде крестьянская хата была завалена одеждой, посудой, то теперь в хатах нет даже тряпок...

А где нежилые постройки?

В Болотном поразили некоторые очень резкие внешние перемены.

Кроме хат, никаких других построек в селе не осталось: ни сенных сараев, ни овинов и пунь на усадьбах, ни маленьких амбарчиков. Все эти постройки пошли на дрова.

Снесены сараи: нет теперь у колхозников сена. А если колхозник и сумел запасти немного, то держит его близко, во дворе.

В селе нет риг (овинов): колхозники на своих участках не имеют никаких посевов зерновых. Им нечего сушить и молотить.

Снесены пунь на усадьбах: нет теперь у колхозников яровой соломь.

Снесены амбарчики, так как нечего хранить в них. Нет теперь у колхозников ни закромов с зерном, ни упряжи, ни холста, ни сукна, ни овчин, ни праздничной одежды и обуви.

Все эти постройки снесены и использованы на топливо: колхозники испытывают острую нужду в нем.

Даже ракиты, которые прежде были около каждой постройки, тоже повырублены на отопление. Нет теперь у колхозников лошадей — и нет дров...

Забитых, пустующих хат в селе стало теперь меньше, по сравнению с 1933 годом. Некоторые переселенцы вернулись. Другие избы отданы под квартиры учителям, агроному и другим служащим.

Джунгли «колуна-татарника», которые в период коллективизации полонили все село, теперь выкорчеваны. Около своих хат колхозники уничтожили их по собственной инициативе. На пустыре колуны были уничтожены тогда, когда там разбили колхозный огород.

7. КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В Болотном до коллективизации было 26 кустарных предприятий и машин. Большая часть их теперь, в колхозе, совершенно ликвидирована.

Была хорошая маслобойка. Теперь колхозники не сеют коноплю для себя, потому что не имеют для этого земли. А конопля с колхозных полей сдается государству вся целиком, без остатка. Поэтому маслобойка ликвидирована в колхозе «за ненужностью».

Прежде работали в селе три ветряных толчеи. Они толкли волокно от конопли: пеньку и замашки. Из пеньки крестьяне вили веревки, вожжи, а из замашек бабы пряли нити и ткали холст, полотно на рубашки. Теперь у колхозников нет ни пеньки, ни замашек: все это сдается государству. Толочь нечего, и толчеи разрушены.

До коллективизации была в селе мастерская по выделке овчин. Работала также волнобойка, которая перебивала волну и подготавливала ее к пряденью. Теперь в колхозе нет мастерской по выделке овчин. А волнобойка, бездействуя, валяется в заброшенном сарае. В этих кустарных предприятиях колхозники не нуждаются. У колхозников нет овец (нет сена, нечем кормить их). Следовательно, нет ни овчин, ни волны.

Прежде в селе работала крупорушка. Она очищала гречиху и снабжала крестьян гречневой крупой для каши. Теперь крупорушка превращена в колхозную овчарню. В колхозе крупорушка лишняя: нет теперь у колхозников ни крупы, ни каши.

До коллективизации работали в селе три ветряных мельницы. Теперь осталась только одна. Да и та работает с неполной нагрузкой. Так резко уменьшился перемол зерна в колхозе.

После коллективизации мельница была объявлена колхозной собственностью. Мельник работает на ней в качестве колхозника за трудодни. Он мелет муку для колхоза и колхозного начальства бесплатно, а для колхозников — за деньги.

Работает мельница плохо. Мельник, работая за тощие трудодни, в хорошей работе не заинтересован. Председатель колхоза заинтересован только в деньгах: деньги за помол он забирает «на колхозные нужды»... Но что крыша худая, мельница разрушается — это его не интересует.

В селе работает кузница. Кузница теперь работает только для колхоза. Но колхозников она совсем не обслуживает. «Частные заказы» от них кузница не принимает: начальство воспрещает.

Личные потребности колхозников и частная деятельность ремесленников кажутся большевистским руководителям делом настолько «антикоммунистическим» («невыкорчеванные пережитки капитализма в экономике и сознании людей»!), что кузнецам запрещено принимать от колхозников «частные заказы» даже на дому, в послеурочное время.

— Если возьмешь от колхозницы какой-нибудь заказ на дом — лопату или кочергу сделать, ведро, кружку или миску починить, — рассказывал колхозный кузнец, — то прячешься с этим заказом от начальства где-нибудь на дворе, в уголке. Прячешься с работой, словно с дурной болезнью или с украденной вещью... Боже упаси: проведуют — упекут!...

Кустарные предприятия в колхозе работают плохо. Из-за ничтожной оплаты мастера совсем не заинтересованы в работе. Колхозный кузнец с поселка рассказывал:

— Прежде кузнец легко зарабатывал золотой рубль в день. На этот заработок можно было свою семью содержать недурно. За рубль можно было купить два пуда ржаной муки (32 кг). А теперь мне, как мастеру-специалисту, в колхозе за каждый рабочий день начисляют полтора трудодня. Значит, 600 граммов ржи. Денежной оплаты в колхозе нет никакой. Я подсчитал, что мой «заработок» в колхозе в 67 раз меньше, чем в дореволюционной деревне... Теперь даже хлеба для самого себя не заработаешь... А семья?... А другие продукты?! А одежда, обувь и всякие прочие нужды?! На все эти нужды ничего не заработаешь. Ну, и работаешь соответственно, абы как... «По плате и работа»...

Некоторые кустарные предприятия в колхозе, по сравнению с прошлым, даже расширены. Но пользы от этого для колхозников никакой нет.

Так, например, прежде была в селе маленькая «цигельня», мастерская по выделке кирпича. В ней работал только один старик: делал кирпичи и высушивал их на солнышке. Но эта маленькая мастерская удовлетворяла все нужды крестьян в кирпиче-сырце: из сырца делали печи. А обожженный кирпич крестьяне привозили с кирпичного завода.

Теперь в селе силами колхозников построен маленький завод, который начал изготавливать обожженный кирпич.

Но колхозников это не радует. Они строили завод, теперь работают на нем, а кирпич готовится не для них. Весь кирпич с завода предназначается исключительно «на нужды колхоза»: на постройку колхозной канцелярии, для колхозных скотоводческих ферм. А на личные нужды колхозников, даже на ремонт печки, председатель колхоза не отпускает ни одного кирпича. Не предполагается этого делать и в последующие годы.

Так печально обстоит дело с кустарными предприятиями в колхозе. Одни предприятия ликвидированы «за ненадобностью». Другие остались, но работают исключительно «на нужды колхоза», совершенно игнорируя все личные нужды колхозников.

В деревне единоличников зимой каждая изба представляла собой домашнюю кустарную мастерскую.

Крестьяне зимой плели лапти, чинили валенки, вили веревки, чинили упряжь и телеги, делали сани, мастерили разные забавы для детей: салазки, скамейки для катания, деревянные коньки и лыжи.

Крестьянки зимой пряли нити из замашек и волны; ткали на ручных станах холст, мешковину, сукно; шили для семьи белье, мешки, чинили одежду.

А кроме того, зимой в крестьянских избах работали бродячие ремесленники: шили одежду, чинили посуду, валяли валенки, делали новую упряжь.

Теперь же нет у колхозников никаких материалов для всех этих перечисленных кустарных работ: ни пеньки, ни лык, ни замашек, ни волны, ни овчин, ни кожи. Поэтому не работают теперь ни прялки, ни ткацкие станы. Они валяются на чердаках и гниют...

Не ходят по колхозным селам и бродячие ремесленники. Советская власть прикрепила каждого труженика или к колхозу, или к фабрике, или к промысловой артели.

И поэтому нет теперь у колхозников ни самотканного белья, ни самодельной обуви и одежды.

А советские государственные фабрики выпускают на рынок одежду и обувь в таком мизерном количестве и по такой дорой цене, что для колхозников фабричная обувь и одежда стали недоступны.

Поэтому колхозники вынуждены теперь ходить в отрепьях, одеваться, как нищие.

8. «КОЛХОЗНЫЕ ЦАРЬКИ» ...

Кандидаты на «хлебные должности»

Коммунистов в колхозах мало. В Болотном живут два-три партийца да три-четыре комсомольца.

Всякому обладателю партийного и комсомольского билета в колхозе автоматически обеспечена «хлебная должность», как выражаются колхозники.

Сын сектанта, вступив в комсомол, сразу же был назначен председателем колхоза, хотя ему было только 18 лет и он не имел никакого опыта в сельском хозяйстве. А бывший председатель колхоза, пожилой человек, честный труженик, опытный землероб, избранный на свой пост колхозным собранием, — был тут же снят со своего поста райисполкомом, вопреки воле колхозников и даже безо всякой мотивировки. «Пришить уклон» или какое-либо преступление ему не смогли. А записывать действительные причины увольнения не хотели: он был беспартийный, следовательно, политически не надежен; колхозного добра сам не воровал, районному начальству колхозных продуктов не возил и «красных обозов» не организовывал.

Вступила в партию колхозница, «задрипанная Матрешка», как ее называют в деревне, и сразу же получила пост: была назначена заведующей молочной фермой колхоза. А прежде она была самой плохой хозяйкой в селе: ни у кого не было такой тощей и занавоженной коровы, как у нее. Свои служебные обязанности она не может выполнять из-за неграмотности: только с трудом научилась подписывать свою фамилию на ведомости. Вести же учет молока, кормов, отчетность по ферме она совсем не умела. Но даже неграмотность ее служебной карьере не мешала. Все канцелярские дела за нее выполняла одна

доярка, грамотная девушка-колхозница, которой была специально поручена эта работа. Был бы партийный билет, а деловые качества для партийного руководителя не обязательны: дело будет взыскано на плечи беспартийных «технических исполнителей».

Но, несмотря на то, что партийно-комсомольский билет — это гарантия «хлебной должности», мало колхозников стремится к получению этой гарантии. Слишком враждебна, смертельно ненавистна крестьянам, труженикам-собственникам, колхозная антикрестьянская политика большевистской партии эксплуататоров и экспроприаторов, или на крестьянском языке: «паразитов» и «грабителей».

Эта политика предъявляет к колхозным коммунистам такие требования, которые далеко не каждый человек может выполнить: отбирать у голодных колхозников последний кусок хлеба; постоянно подгонять голодных и истощенных людей на даровой работе, на барщине; да еще доносить по поводу каждого слова недовольства, которое вырвется у измученного человека.

В ответ на такую «деятельность» колхозные коммунисты должны принимать соответствующие реакции колхозной массы. Они должны непрерывно принимать от колхозников и ощущать на себе психические токи высокого напряжения: токи жгучей ненависти. Должны чувствовать на себе колючие взгляды, полные вражды и угрюмой опаски. Коммунисты должны постоянно наблюдать сердитые, злобные движения людей, вынужденных повиноваться и беситься молча. Должны слушать, не только от мужчин, но и от женщин, злую матерщину, ругань, внешне как будто беспредметную, но на самом деле почти всегда направленную именно против колхозного начальства и колхозных «порядков».

Простые русские люди, крестьяне, в массе своей — люди чувствительные и добрые. Такими они остались и теперь. Из-за этих своих качеств редкий из них может стать теперь коммунистом, даже при условии, что бич голода подгоняет колхозников к «продовольственной карточке»: не каждый обладает каменным сердцем, железными нервами и бегемотовой кожей.

В коммунистическую организацию теперь идут только такие «кандидаты на хлебные должности», которые из-за полной кормушки способны задушить всех и «перегрызть горло» каждому.

Из колхозных деревенских коммунистов могли удержаться в пар-

тии только те, которые имели эти качества или сумели их приобрести, будучи поставлены перед альтернативой: или активное участие в разбое коллективизации и сохранение билета и полной кормушки — или отказ от этого участия, исключение из партии, лагерь, голод; в лучшем случае — рабское и полуголодное положение рядового колхозника.

Во время коллективизации много коммунистов в районе было исключено из партии за «правый уклон», за «гнилой либерализм», за «мягкотелость». Для проведения драконовской колхозной политики они оказались «неподходящими».

Немало коммунистов должны были при коллективизации держать очень тяжелый морально-психологический экзамен. Партиец-милиционер сельсовета Болотное должен был раскулачивать своих односельчан, в том числе и своего отца. Другой коммунист из этого села, служивший в городе, по приказу своей партийной организации, приезжал на свой поселок для личного активного участия в коллективизации. Он, вместе с другими партийцами и комсомольцами, забирал лошадей у поселян и отводил их в село, на колхозную конюшню: никто из жителей поселка не соглашался выполнить акт самоубийства или убийства соседа — отвести лошадей и отдать их в колхоз. Партиец с поселка «экзамен на колхозный разбой» выдержал и вернулся на место службы с характеристикой «преданного большевика сталинской закалки». А через некоторое время получил от матери коротенькое уведомление: «Отец погиб в колхозе с голоду. От лошадиного корма помер...»

Некоторые коммунисты крестьянского происхождения, вынужденные участвовать в «разбое коллективизации», были надломлены в морально-психическом отношении. Одни из них окончательно спились, превратились в горьких пьяниц. Другие постарались уехать как можно дальше от родных мест и порвали всякие связи со своими родными, чувствуя свою глубокую вину перед ними и острую непримиримую вражду родных к ним.

При нэпе среди деревенских коммунистов, кроме шкурников, были еще идейные и честные люди. Одни надеялись, что партия постепенно перейдет от диктатуры к демократии. Другие, особенно комсомольцы, мечтали о добровольном переводе крестьян в «социалистический рай». Третьи хотели служить народу в качестве добросовестных, культурных специалистов-чиновников.

Но, начиная с периода коллективизации, когда каждый шаг большевистского правительства стал смертельно враждебным крестьянству, народу, — в колхозных организациях идейных и честных партийцев, которые считались бы с интересами народа, больше не осталось.

До какой степени безыдейности дошла партия, может проиллюстрировать такой факт, произошедший в начале советско-финской войны в одном районе Курской области. Партийцы рассказали об этом своим женам, те — кумушкам, и так этот факт стал известен всем.

В самом начале войны Советского Союза против Финляндии в этом районе, так же как и во всех других, была собрана районная конференция членов и кандидатов партии. На конференции было оглашено письмо Центрального Комитета Коммунистической партии с призывом ко всем коммунистам: записываться добровольцами в Красную Армию, на финский фронт, для того, чтобы усилиями Коммунистической партии победить «фашистскую Финляндию» и превратить ее в «народную республику», т. е. присоединить к Советскому Союзу.

На этой конференции присутствовали все члены и кандидаты района, около 500 человек. На призыв ЦК, который секретарь райкома партии огласил и обращал к каждому партийцу поименно, не откликнулся никто. Разжиревшие «кабаны» ссылались на «слабое здоровье»; беспутные развратники — на необходимость «опекать семью»; «революционеры», не расстававшиеся с оружием и воевавшие с голодными колхозниками и беззащитными бабами, мотивировали свой отказ тем, что они «в армии вообще не служили и потому не уверены в своих военных способностях», и т. д. и т. п. В конце заседания выступил один коммунист и заявил, что, хотя у него большая семья, но он вступает в армию добровольцем, так как ему стало «стыдно за свою партийную организацию». Но и после того подражателей не нашлось...

До такого морального и идейно-политического уровня дошли колхозные коммунисты: до уровня корытной компании, у которой ни грана политической идейности, ни капельки элементарной честности, даже по отношению к своей партии и своей власти, не осталось.

Колхозники и местные интеллигенты рассказывали о жизни и деятельности некоторых из этих коммунистов, колхозных руководителей, которые в период коллективизации выдержали экзамен на звание «преданных большевиков сталинской закалки» и теперь делали «колхозную погоду» в Болотном и в районе.

В доколхозной деревне крестьяне называли сельских коммунистов иронически: «товарищами-комиссарами», ругательно: «пьяницами-босьяками», «товарищами из Брянского леса» («волками»).

В период коллективизации их ругали «Соловьями-Разбойниками». Теперь колхозники иронически называют их «господами-товарищами», «новыми помещиками», «колхозными князьками», «царьками», а ругательно именуют: «драконами», «людоморами»...

«Голова колхоза»

В последние годы председателем колхоза в Болотном был коммунист из соседней деревни, из другого колхоза, «босьяк-пьяница». Райисполком назначил его без ведома колхозников, безо всякого, даже вынужденно-формального, согласия с их стороны. После того, как бывший председатель, комсомолец, был взят в армию, в село пришел с бумажкой от райисполкома новый председатель, сел в канцелярии правления и начал «править» колхозом...

По установившейся уже традиции, новый начальник прежде всего занялся организацией самоснабжения. Сразу же после вступления на свой пост он заполнил весь чуланчик при своей квартире бочками со свиной, сундуками с яйцами, мешками с крупой, пшеничной мукой. Целый шкаф заставил бутылками с водкой.

Безо взятки этот пьяница ничего не делал для колхозников, даже пустяковой бумажки не выдавал.

— К нашему начальнику без пол-литра водки не подходи, — говорили о нем колхозники.

Обирая людей, обворовывая колхоз, новый председатель еще издевался над голодными людьми:

— Довольно кулачью шиковать!.. Теперь вы на пище святого Антония посидите. А я буду есть так, как вам и на Пасху не приходилось...

Не подражая прежним начальникам, которые эту свою «деятельность» старались скрывать, новый начальник воровал колхозные продукты совершенно открыто. Он брал все из колхозных складов и ферм, словно из своих собственных амбаров.

Наблюдая такое бесцеремонное воровство, голодные колхозники возмутились и однажды на колхозном собрании заявили районному уполномоченному:

— Вот вы, дорогой товарищ, все пугаете нас строжайшими наказаниями за воровство «священной социалистической собственности». И действительно: многие колхозники уже сидят немало лет в лагерях за колоски и картошку. А вы нам скажите, разрешается ли воровать колхозное добро начальнику?

— Что за вопрос?! Никому не разрешается!

— А ежели он все ж таки ворует?

— Он будет снят с поста и отдан под суд.

— Ну, так снимайте с поста и отдавайте под суд нашего председателя колхоза. Мы все видим, как он ворует колхозные продукты и скот...

Уполномоченный с важным видом записал жалобу колхозников в свой блокнот. А потом люди наблюдали, как он пьянствовал с председателем почти всю ночь и рано утром выехал в город на подводе, запряженной парой лошадей и тяжело нагруженной. После этого жалоба колхозников была «забыта»...

Назойливые крестьяне повторили свою жалобу другому уполномоченному из района.

Тот не стал повторять комедию своего коллеги. Он накричал на них, чтобы «всякие там подкулачники больше не разводили злостной демагогии против большевистского руководства в колхозе!...»

Для всех стало ясно, что председатель воровал колхозные продукты не только для себя...

А сельский «князек», получив твердую поддержку со стороны районного руководства, стал мстить колхозникам, которые осмелились жаловаться на него и публично обвинять его в воровстве.

Норму поставки пеньки государству колхоз выполнил. Остатки должно было раздать колхозникам. Но «голова колхоза» этого не делает. Остаток пеньки гибнет на конопляном поле, около деревни, а колхозникам чуни сплести не из чего...

Начальник не снабжает работников даже соломой. Она гниет в поле, а у колхозников коровы голодают, крыши худые и на дворе непролазная грязь. Солома выдается не всем колхозникам, а по выбору начальника и по его усмотрению...

Колхозники догадываются, в чем тут дело. Начальник-вор хочет спровоцировать колхозников на воровство, чтобы предъявить им обвинение в расхищении «социалистической собственности», а самых неприятных ему колхозников — отправить в лагерь.

Председатель безо взятки не дает своим колхозникам лошадь, чтобы привезти зимой дров из далекого леса, и они вынуждены мерзнуть. Но он заставляет этих мерзнувших работников из Болотного возить на колхозных лошадях дрова для его родственников и собутыльников, которые живут в другой деревне и принадлежат к другому колхозу.

На работу этот начальник-самодур выгоняет колхозников, несмотря ни на какие обстоятельства.

Так, зимой он выгонял женщин-колхозниц в лес. Они должны были выкапывать дрова из-под глубокого снежного заноса, накладывать толстые бревна на сани, везти за 20 километров на спиртоводочный завод и там складывать их в штабеля. Вспотели бессильные бабы на этой тяжелой работе, простудились на холоде и заболели. А две из них сразу же умерли...

Таков этот маленький начальник, но большой самодур. Он любит величать себя «головой колхоза». Колхозники дали ему прозвище: «колхозный царек».

А по поводу его претензии на звание «колхозного головы», бабы многозначительно перемигиваются и говорят:

— Ну ж, и «голова»! Хуже всякого иного места!..

«Блюститель советской законности»

Участковый милиционер в Болотном происходит из того же села. Он сын богатого крестьянина, который «вышел в люди» и дослужился до офицерского чина. С детства презирая крестьянский труд, как труд тяжелый и грязный, сын страстно мечтал о том, чтобы тоже «выйти в люди». Но первая попытка его на этом пути была неудачна: он по-

ступил учиться в гимназию, но вскоре был исключен оттуда за воровство.

После большевистского переворота этот неудачник понял, что освободиться от тяжелой крестьянской работы и «выйти в люди» теперь можно гораздо более легким путем, с помощью партийного билета. Вступив в партию, он сразу же поступил на службу в качестве милиционера. Он сосредоточил главное свое внимание на разоблачении «антисоветских разговорчиков». Создавал соответствующие политические «дела» и, держа крестьян под постоянной угрозой и шантажируя, добивался от них непрерывных «угощений», с целью «задабривания».

— Как я захочу, так и пойдет дело, которое я веду. Я могу его совсем замять, а могу и сварганить из него дельце, от которого небу станет жарко! — часто бахвалился он перед колхозниками...

Один колхозник рассказывал, как было «замято» его дело. Отбывши наказание в лагере за какой-то пустяк, он вернулся домой, «прихватив» с собой казенное одеяло из лагеря. Милиционер встретил его на дороге, обыскал, нашел в сумке одеяло, спрятал в свой рюкзак и сказал колхознику:

— Благодарю Бога, что одеяло это новенькое: оно мне самому нужно... А ежели бы оно было старое, то я немедленно составил бы протокольчик, приложил бы к нему одеяло, как вещественное доказательство, и тебя отправили бы опять в лагерь — лет на пять, прямым сообщением, без пересадки...

Дела о воровстве, после получения соответствующей «мзды», милиционер, по своему обыкновению, «заминал». Или даже непосредственно помогал вору.

Колхозники рассказали о таком случае. По рекомендации милиционера, кооперативное правление назначило вороватого местного жителя сторожем сельского магазина. Мужички говорили: «Доверили козлу капусту»... Их опасения скоро оправдались. Однажды в кооператив был доставлен сахар для продажи колхозникам. Вечером сторож долго совещался в своей хате с милиционером. А на второй день была объявлена новость: «Воры выломали окно, залезли в кооператив и украли весь сахар. А сторож был пьяный и проспал...»

Милиционер заявил, что сторож должен возместить убыток кооперативу, уплатить стоимость сахара. И тогда он «замнет» дело. Сторож тайно распродал украденный сахар (сахар был такой редкостью в колхозах, что сторож распродал сахар не по государственной цене, а

втридорога!), возместил стоимость сахара кооперативу, а «прибыль» поделил с милиционером...

— С постоянными ворами, с ворами-специалистами, наш «мильтон» в ладу, он вместе с ними дела обдeldывает, — говорили колхозники.

Но зато дела о мелких кражах в колхозе, о кармане колосков или корзине картошки с колхозного поля, в том случае, когда провинившийся не имел средств на взятку, чтобы «заткнуть мильтонову ненасытную глотку», — милиционер раздувал и доводил колхозников до лагеря.

Людей, которые оказывали непослушание и сопротивление произволу местных властей, милиционер смертельно ненавидел и презрительно именовал их «больно грамотными».

У одной крестьянки был отобран весь хлеб до последнего зерна. Она с горя хотела повеситься. Когда об этом факте узнал студент, приехавший к родственникам на каникулы, он отправил телеграфную жалобу на имя «советского президента» Калинина, в Москву. Оттуда было прислано распоряжение: вернуть хлеб. Приказ был выполнен немедленно. Но милиционер, «блюститель законности», доведший женщину до петли, был так озлоблен «вмешательством какого-то беспартийного студенткишки в правительственные дела», что после этого случая стал приставать к родственникам студента с грозным допросом:

— Скоро ли ваш больно грамотный студент уберется отсюда?..

— А разве он кому-либо мешает? — спрашивали те.

— Очень даже, — разволновался грозный начальник, — он вмешивается не в свои дела. Бросает палки в наши колеса. Срывает правительственные мероприятия по хлебозаготовкам. А главное — он совершенно подрывает всякий авторитет местных органов власти. Ежели он скоро не уберется отсюда, то я сумею сварганить дельце и на него, хотя он и того... больно грамотный...

Однажды этот милиционер перевелся было на службу в город. Но вскоре вернулся назад, в колхоз:

— Там люди больно грамотные... Мне в колхозе лучше.

При арестах за колоски и картошку, при вооруженных изъятиях имущества, колхозники нередко пытались обращаться к совести милиционера. А тот важно и невозмутимо на это отвечал:

— За жалованье я должен служить начальству. И совесть мне ни к чему... Мне приказ важен: прикажут расстрелять — и я расстре-

ляю всякого, и глазом не моргну!... Потому, было бы вам известно: я блюститель советской законности и большевистского порядка!...

«Вождь районного масштаба»

Типичным «героем колхозного времени» является председатель местного райисполкома, «вождь районного масштаба», как он любит себя называть.

Он происходит из крестьянской семьи, из одной деревни соседнего района.

Как инвалид (у него с детства была искалечена рука), он не мог заниматься крестьянским трудом и все свои устремления направил на поиски службы. Многие его земляки стали интеллигентами: после революции из его деревни вышло около десятка учителей. В годы нэпа путь для ученья был широко открыт: образование на всех ступенях было бесплатное; для студентов рабочих факультетов, техникумов, институтов выдавалась стипендия. Но этот путь был труден: стипендия была полуголодной, а интенсивные учебные занятия были нелегки. Поэтому практичный сельский паренек выбрал для себя другой, более легкий, путь — партийно-административную карьеру. Вступив в комсомол, он поступил на службу секретарем сельсовета в своем селе. А потом, получив партийный билет, он стал упорно двигаться со ступеньки на ступеньку по служебной лестнице: стал председателем сельсовета, потом секретарем райисполкома и, наконец, занял пост председателя райисполкома в том районе, куда входит Болотное.

Люди, близко знавшие его, рассказывали о культурном облике этого районного начальника. Кроме газет, он ничего не читал. Разницу между «свиноводством» и «свинством» он никак не мог усвоить и поэтому в своих докладах постоянно путал эти термины. Даже ветхозаветных вождей марксизма он не мог правильно назвать и именовал их по-своему: «Марс и Енглис». Лузганье семечек было его любимым развлечением и в авто и в служебном кабинете.

Но практически он был очень сметлив и по характеру вьюнообразен. Он личным опытом нащупал методы жизнеустройства в советском государстве. Наверное, самостоятельно он открыл большевистскую «механику карьеризма», с ее тремя Архимедовыми рычагами, посредством которых он и совершал свой подъем по служебной лестнице:

во-первых, истинно собачья преданность партийному начальству и «бдительность» к его противникам; во-вторых, чрезмерная служебная исполнительность; в-третьих, ловкое взяточничество.

Каждого уполномоченного, партийного начальника, он встречал с подобострастием. Сначала хорошенько угощал. А потом, на собраниях, обмасливал его приторной лестью: «дорогой товарищ», «наш уважаемый руководитель», «ответственный работник районного масштаба». Доклад каждого начальника он характеризовал, как «историческую речь», а его указания, как «партийные директивы, подлежащие неукоснительному выполнению на все 100 процентов».

Ни в какие «уклоны» он никогда не впадал, так как всегда придерживался мудрого правила: «не должно сметь свое суждение иметь». А «генеральную линию партии» понимал всегда правильно, то есть как линию «партийных генералов», начальников...

По отношению к «уклонистам» и «антисоветским элементам» он рьяно проявлял «большевистскую бдительность», т. е. немало людей выдал на расправу...

Взяточничеством он занимался систематически, с самого начала своей административной деятельности, когда еще работал в сельсовете. Кустари, его земляки, рассказывали, как он вымогал с них взятки при проведении налоговых кампаний. Но делал он это очень умело: во-первых, очень скрытно, а, во-вторых, не только брал взятки, но и сам давал их, своему начальству. Из-за этого малограмотный сельсоветчик был «замечен» в глухой деревне и переведен на видный пост в город.

А теперь, на посту районного руководителя, при колхозной системе, он придал этому делу взяточничества широчайшие масштабы и строгую плановость. Назначение работников, возглавляющих самые «хлебные должности», он никому не доверяет. Он непосредственно сам назначает колхозных председателей и кладовщиков в районе, складских и торговых работников в городе. На все эти должности он назначает «своих», «верных людей», прямо обязывая их при этом назначении к регулярному выполнению «первой заповеди»: «приноси и привози!..»

Один из его «верных людей» в пьяном виде разоткровенничался и рассказал, как он получал назначение от этого начальника. Вызвал его председатель райисполкома в свой кабинет, закрыл дверь на ключ и сказал:

— Вот что, друг любезный, я тебя знаю: ты хоть и беспартийный, а жулик тоже хороший... Я тебя назначу на хлебную должность, заведующим складом. А ты должен разуместь, что и к чему... Ты матерый волк по этим делам и сам должен понимать. Жалованье мое маленькое, всего 800 рублей в месяц. Что на них купишь при этой дороговизне?! А расходов уйма: своя семья очень большая, у брата тоже не малая, да еще коханку завел. А все это аграмадных расходов требует. Ведь я коханке и костюмы, и пальто, и туфли купил. И велосипед, и часы, и патефон, и радио достал. А сколько платьев подарил — и не пересчитать! Так ты, дорогой мой, того... я тебе — сытную должность, а ты мне — из твоего склада все, что мне требуется... Регулярно и без дальнейших напоминаний! Ты сам бери... себя ты, конечно, не забудешь... Но и начальства твоего не забывай. О нем прежде всего памятуй. Иначе сразу же по шапке получишь!.. Но чтоб все эти дела были шиты-крыты... Мою квартиру ты знаешь. На следующей неделе ожидаю визита. Понял?..

А «районному вождю» все нужно: и деньги и «натуральные поставки всех видов», как он шутливо говорил своим «верным людям». Даже из больничного склада он требовал: и хорошие кровати, и постельные принадлежности, и спирт, и рис, и сахар.

Других районных руководителей председатель райисполкома «прикрепляет для кормления» к определенным колхозам и совхозам. Таким образом, он организовал «круговую поруку», наладил «партийное кумовство», как говорят колхозники. Он устранил трения и столкновения, которые возникали у районных бюрократов, когда они бесплавно толкались вокруг «районной кормушки». А себе он создал прочную опору среди районных руководителей.

Благодаря этой хитрой тактике взяточничества и верноподданничества, этот некультурный человек с низшим образованием успешно проделал свою карьеру от секретаря сельсовета до председателя райисполкома и устойчиво держался на этом высоком посту уже много лет.

Он завоевал себе известность среди областного начальства. Высшему начальству он угождает главным образом своим свехусердием в налоговых делах. Да и «подарить» колхозную корову, свинью или бидон меда никогда не забывает...

От председателей колхозов и сельсоветов он настойчиво требует:

— Делайте всегда так, как я делал, когда работал в сельсовете. Все налоги, займы, всякие поставки советскому государству выполняйте, во-первых, с превышением нормы, т. е. выше, чем на 100%, а во-вторых, досрочно. Так должны работать настоящие большевики сталинской закалки! . .

Выполнив огромные поставки и налоги, голодные колхозники бывают вынуждены везти в районный центр изрядное количество хлеба еще дополнительно, в виде «красных обозов».

Если по отношению к начальству «районный вождь» ведет себя очень угодливо, то по отношению к колхозникам он проявляет себя настоящим тираном, действуя по правилу: «Жми до отказа! Колхозник все вынесет» . . .

Председателям колхозов он дал строжайший наказ: выгонять колхозников на работу не только в будни, но и по воскресеньям.

— В колхозе работа всегда найдется, — говорит он.

В одной деревне он собрал в канцелярии колхозников, которые имели от врача справки об освобождении от работы по состоянию здоровья, порвал врачебные документы, бросил клочки их по ветру и заявил:

— Видали, как полетели ваши бумажки?.. Завтра же, к восходу солнца вы должны быть в поле, на колхозной работе! Иначе я прикажу милиционеру арестовать вас и отправить в тюрьму: там мы вас подлечим!.. Вишь, господа какие, разнежились: болеть вздумали!..

Жестокая помещица, госпожа Скотинина, возмущалась: «Как она смеет болеть, крепостная девка?!» Новый, большевистский, крепостник, товарищ Скотинин, придерживается тех же благородных убеждений: крепостные колхозники болеть не смеют . . .

«Районный царек» любит разъезжать на автомобиле по своей колхозной вотчине, в сообществе своей толстой нарядной красотки, и пировать у своих подвластных колхозных начальников. Подъезжая к деревне, он приказывает шоферу гнать автомашину с предельной скоростью и при этом орет на людей во все горло:

— Берегись! . .

Колхозники понимают незатейливые чувства, обуревающие «районного вождя». И сопровождают промчавшийся автомобиль ядовитыми замечаниями:

— Сразу из грязи да попал в князи. Вот и куражится . . .

— Раздайся грязь: навоз ползет! . .

— Но как ни старается наш районный царек, а все же из хама не выходит пана . . .

Колхозники жалуются на своего районного начальника:

— Весь район разорил! . . Уж так зажал, так зажал, аж все пищат! . .

Многие колхозники так ненавидят своего начальника, что не называют его по отчеству, а только по имени, зная, что это страшно бесит «районного вождя». А между собой крестьяне именуют его только прозвищем: «Храпон (Ферапонт) Сухорукий» или «Храпун Хапутин районного масштаба» . . .

Но областное начальство расценивает его иначе. За систематическое перевыполнение планов по сбору налогов, займов и поставок государству руководимый им райисполком неоднократно получал переходящее красное знамя по области. Другими словами, «районный вождь», по оценке областного начальства, является одним из лучших районных руководителей в области.

Однажды грянул гром над головой «районного вождя»: в областной газете появилась статья с резкой критикой его деятельности. Оказывается, в район из центра случайно заехал литератор, наслушался от колхозников жалоб и, поддавшись этим впечатлениям, разразился в областной газете бичующим фельетоном.

Литератору не понравилось после этого. Он был обвинен в том, что «легкомысленно попался на удочку антисоветских враждебных элементов» и написал свой фельетон «не в духе социалистического реализма, а в духе гнилого буржуазного объективизма».

Но для «районного вождя» статья не принесла никакого ущерба. Руководители советско-партийных органов активно его поддержали. За него вступились его партийные коллеги, для которых он организовал хорошую «кормушку» в районе. В защиту одного из лучших в области, краснознаменного сборщика налогов выступил облисполком.

Наконец, в защиту «верного, испытанного большевика», во всеоружии своего высокого звания «члена правительства», выступил местный Депутат Верховного Совета. А «член правительства» прекрасно знал «верного большевика», так как он совмещал звание Депутата Верховного Совета с обязанностями «личного друга» районного вождя . . .

Председатель райисполкома устроил для своей «коханки» головокружительную карьеру. Сначала он специальным решением райисполкома объявил эту ленивую колхозную комсомолку «лучшей стахановкой колхозных полей в районе» и стал осыпать ее, как из рога изобилия, премиями. Потом представил эту плохую бригадиршу к ордену. Наконец, во время кампании выборов, через райком и обком он провел ее депутатом в Верховный Совет...

А теперь этот свежее испеченный орденоносный «член правительства» отплатил своему «личному другу» и покровителю услугой за услугу, отведя нависшую тучу и выручив из нагрянувшей беды. Давно известно, что «рука руку моет»...

9. СКОТ И ЛЮДИ В КОЛХОЗЕ . . .

Встреча на колодезной тропинке

Однажды в селе я шел по тропинке к колодцу. Встретился с двумя колхозными лошадьми, которые возвращались на конюшню после водоя. Лошади шли прямо на меня и не сворачивали при встрече. Пришлось свернуть и уступить им дорогу.

Я стал наблюдать другие случаи при аналогичной ситуации. И замечал всегда одно и то же: при встрече людей с колхозными коровами и лошадьми, дорогу всегда уступали люди, а не животные. Колхозный скот стал совсем «невежливым» . . .

Мне объяснили это явление так: колхозные животные ходят теперь, по обыкновению, большими группами и поэтому при встрече не уступают дороги человеку.

Это, конечно, правильно. Но такая причина недостаточна для объяснения этого явления. Ведь даже отдельные колхозные животные не уступают дороги человеку. И наоборот. Прежде, в единоличной деревне, даже целое стадо животных при встрече с человеком уступало дорогу: расступалось перед ним, пропуская человека.

Откуда произошло это различие в поведении животных в колхозе?

Прежде, в деревне единоличников, была глубочайшая разница между скотом и человеком: крестьянин был хозяином скота, а скот был собственностью и слугой крестьянина.

Теперь, в колхозе, эти взаимоотношения коренным образом изменились. Скот расценивается начальством как главное достояние колхоза. Но колхозники это уже не хозяева социализированного скота, а только обслуживающий персонал при нем. Это положение аналогично тому, которое создавалось прежде у батрака с хозяйским скотом у плохого хозяина, который свой скот ставил выше, чем батрака.

Этот новый жизненный уклад в колхозе невольно и бессознательно отражается на самочувствии и поведении людей и животных и на их взаимоотношениях.

Прежде крестьянин-хозяин никогда не мог поставить себя на одну плоскость со скотом, его собственностью. Он чувствовал свое несравнимое и неизмеримое превосходство над своим скотом, условия жизни которого и самая жизнь зависели исключительно от хозяина. Поэтому крестьянин-собственник воспитывал свой скот еще сизмальства, ежедневно — и наказанием и поощрением — в духе безусловного повиновения и постоянной уступчивости перед человеком. В частности, скот приучали к тому, чтобы он входил в дверь или ворота только тогда, когда ему человек это разрешал, и чтобы животные всегда уступали дорогу человеку, сворачивая в сторону. И это признание превосходства человека, уступчивость перед ним вошли у скота в плоть и кровь, стали привычкой.

А теперь, в колхозе, скот к этому никем не приучается. Наоборот, колхозные порядки приучают и скот и людей к противоположному взаимоотношению. Теперь колхозник совсем не чувствует своего превосходства над скотом. Напротив, он повседневно видит и чувствует привилегии скота в колхозе и поэтому вынужден во всем уступать скоту.

Евангельская притча и колхозная действительность

Евангельская притча о блудном сыне поведала нам историю о том, как батрак богатого хозяина, живя в чужой стране, завидовал скоту, за которым он ухаживал: хозяин кормил свой скот лучше, чем батрака.

Теперь эта притча стала самым обыденным явлением в колхозной деревне.

Посмотрел я колхозных свиней и поросят в Болотном: они были средней упитанности. А некоторых свиней откармливали на ветчину начальству: те были жирные. Свинарки же, которые ухаживали за свиньями, были тощие, худые, изможденные...

Свиней на колхозной ферме кормят неплохо. Им дают картофель, свеклу, жито, муку, а поросятам — молоко с молочной фермы. А

сами свинарки картофеля имеют не всегда достаточно, хлеба же часто совсем не видят...

Колхозные поросята пьют «снятое» молоко. А детишки многих свинарок даже «снятого» молока не имеют: коровы нет или она яловая...

Колхозные коровы также выглядят более упитанными, чем доярки...

Пахари завидуют колхозным лошадям, которые в рабочую пору в своем «меню» имеют муку и овес: у хлебобобов нет ни хлеба, ни овсянки...

Да, это парадоксальное явление сразу бросается в глаза в социалистической деревне: колхозную скотину там кормят лучше, чем людей. У колхозного начальства есть строгие и точные инструкции о хорошей кормежке скота. О необходимости же хотя бы сносного питания для колхозников никаких «директив из центра» никогда не было...

Чем это вызывается?

Наглядную и ощутимую пользу от скота колхозное начальство на каждом шагу чувствует: оно повседневно кушает мясо, сало, яйца, сметану. Чувствует, одевая шерстяную фуфайку и кожаную куртку, теплую шубу и валенки. Чувствует эту пользу, когда разъезжает на колхозных лошадях.

А непосредственной пользы от колхозника для себя колхозное начальство не замечает. Колхозника оно не жрет: костист, проклятый, и потом воняет!.. Ни сметаны, ни яиц от него начальство не ожидает. Шкуры на тужурку от колхозника не получишь: ни одной не осталось, все семь содраны... Ездить на колхознике можно было бы, но... на лошади все же удобней и спокойней: она сильнее, быстрее и не так норовиста, как озлобленный колхозник...

Коммунистическому начальству колхозник представляется только примитивным сельскохозяйственным орудием, которое устарело, доживает последние годы и скоро должно быть заменено в крупном социалистическом земледелии трактором, комбайном, механизированным роботом. Для самого же колхозного начальства это совершенно бесполезное существо: никакой пользы от него нет, за исключением тех случаев, когда у него вынудишь взятку...

Того же обстоятельства, что весь колхозный скот, так высоко оцениваемый со стороны начальства, людьми выращивается, что социалистическое животноводство на людях держится, — советское на-

чальство не замечает. Подобно крыловской «героине», не умея поднять рыло чуть повыше корыта, оно связи между «дубом» и «желудями» не видит и не понимает... Басни Крылова теперь из школьных хрестоматий изъяты и мудрости житейской не учат: они проникнуты «чуждым духом»...

Скотоморы и людоморы...

Колхозный скот кормили на фермах сносно. Помещения для него построены тоже недурные: конюшни и хлева — солидные, утеплены, соломы для скота настлано много. А во дворах колхозников грязно, и ветер через плетни свищет: соломы нет...

Помещения для молодняка на колхозных скотоводческих фермах зимою даже отапливаются: колхозным телятам и пороссятам тепло. А дети колхозников в своих хатах зимой мерзнут: дров нет...

Теперь, когда колхоз Болотное владеет кирпичным заводом, председатель планирует построить новый свинарник, кирпичный. Но за целое десятилетие колхозной жизни в селе не построено ни одной новой избы... Никто даже не смог отремонтировать свою старую хату: леса купить не на что, привезти не на чем. Многие хаты сгнили и разваливаются. Соломенные крыши прогнили и протекают: начальство даже соломы для ремонта крыш колхозникам не отпускает...

Когда болеет скот на колхозной ферме, то к нему немедленно привозят ветеринара. Но когда в селе не было больницы, к заболевшему колхознику врача никогда не привозили. И колхозной лошади не давали, чтобы родные могли отвезти больного в лечебницу. Останется больной жив — пусть продолжает тянуть колхозную лямку, а умрет — черт с ним: работа его будет взвалена на других, безо всякого ущерба для колхозного бюджета... Сочувствия к людям никакого нет, а ответственности за человеческую жизнь начальство ни перед кем не несет.

За гибель скота на ферме колхозных работников отдавали под суд и строго наказывали: «за халатность», «за вредительство», как «врагов народа», — в лагеря ссылали.

Но за смерть колхозников от голода, холода, истощения, — а по словам местных врачей, именно от этих причин, главным образом, заболевают и умирают колхозники, — ни у кого из начальников-

людоморов даже волос с головы не упал: ни в колхозе, ни в районе, ни области, ни во всем советском государстве...

Скотоморы — это «псы-вредители», «враги народа», а людоморы — это... «друзья народа»...

Такой оригинальный подход к людям и скоту вдохновлялся личным примером «отца народов» и директивами вождя коммунистического государства.

Когда руководители днепропетровских колхозов доложили Сталину, что они провели электричество в колхозные свинарники, и что колхозные свиньи чувствуют себя под «лампочкой Ильича» великолепно, — то он очень похвалил их за это. Но спросить сельских начальников о жизни и самочувствии колхозников «родной отец»... забыл... А потом, когда журналисты посетили эти прославленные колхозы, то оказалось, что электричество проведено там только на свинофермы, но в хаты колхозников оно не проведено... Такой пример «сталинской заботы о человеке» вызывает подражание у всех других советских начальников...

Директивы вождя действовали в том же плане. Подводя итоги коллективизации, вождь большевистского государства с неудовольствием отметил, что в этот период в Советском Союзе погибло очень много скота. Но о гибели многих миллионов колхозников от голода он дипломатично умолчал... Иначе какое же впечатление мог бы произвести этот доклад: ведь голодная смерть миллионов людей не вяжется с декламацией о «счастливой, зажиточной колхозной жизни». Если при «добровольной коллективизации» миллионы людей сосланы на каторгу и миллионы уморены голодом, то какое же историческое прозвище надлежало бы дать вождю «колхозной революции»: Отец Народов — или Генеральный Соловей-Разбойник?...

В своем докладе на партийном съезде в 1934 году вождь партии дал большевикам строжайшую директиву: во что бы то ни стало увеличить поголовье колхозного скота, ибо животноводство стало главной политической проблемой советского государства. В последующие годы деревенские коммунисты, сами роскошествуя, приложили все усилия к тому, чтобы колхозники «забыли вкус мяса» и, голодая, непрерывно выращивали бы колхозные стада...

На каждом собрании и в каждом отчете советские начальники стали хвалиться достижениями в этой области.

— Колхозное свиноводство в нашем районе находится на крутом подъеме, — говорили одни.

— Свинство в колхозах расцветает пышным цветом, — безграмотно, но поэтически, декламировали другие . . .

Докладчики были правы. Колхозное стадо действительно увеличивалось, а колхозники вымирали . . . Свинство в колхозах расцветало пышным цветом, а человечность гибла . . .

«Песнь торжествующей свиньи» . . .

Эти парадоксы колхозной жизни закономерны. Это непосредственный результат большевистской «заботы о человеке».

Корытная психология крыловской «героини под дубом» порождает людоморно-колхозную политику коммунистических «Соловьев-Разбойников».

Колхозно-людоморная политика вызывает кладбищенские результаты в селе и сносное положение на скотоводческой ферме.

А на этом колхозно-кладбищенском фоне пышно расцветает свинство, неустанно раздается «песнь торжествующей свиньи» . . . На колхозной ферме блаженно чавкают и хрюкают свиньи. В колхозном селе чавкает и хрюкает, пьянствует и похабничает орава новых, колхозных, господ Скотининых, справляющих нескончаемый «пир во время чумы» . . .

Вымаривая голодом колхозников, не имеющих достаточно хлеба и забывших вкус мяса, пирующие господа Скотинины восклицают:

— Нет на свете краше птицы, чем свиная колбаса! . . (Хрущев).

Этот пир богов справляется в «социалистическом раю» повсеместно: «от Москвы до самых до окраин». Советским царям и князькам вольготно, весело живет в СССР . . .

Уморив голодом десятки миллионов людей и справляя бесконечный пир во время чумы, цари-людоморы провозгласили любопытные идеи.

Голодным, вымирающим массам советская печать настойчиво рекомендовала и рекомендует:

— Презирайте смерть! . .

А для себя цари-людоморы провозгласили другие лозунги:

— Мы живем в век коммунизма! (Каганович).

— Жить стало лучше, жить стало веселей! . . (Сталин)

— Хочется жить и жить! (Киров)

10. КОЛХОЗНАЯ БАРЩИНА

Трактористы и погоняльщики

Ранняя весна. У околицы села стоят два трактора. Около них возятся два тракториста. Подходит группа сельских начальников: председатель и счетовод колхоза, председатель и секретарь сельсовета.

Колхозные начальники предлагают трактористам немедленно выезжать в поле и начинать пахоту. Трактористы возражают, доказывая, что пахать еще рано: земля очень сырая, почва глинистая и тракторы не смогут работать, завязнут.

Начальники настаивают на своем и вынуждают трактористов выехать в поле. Те приглашают с собой начальников: убедиться, возможна ли пахота.

Выехавши в поле, трактористы приступают к работе. Но на первой же борозде тракторы застревают в глине и останавливаются.

— Видите, что получается? — обращаются трактористы к колхозным начальникам...

— От нас райком партии требует организации сверххранного сева, — оправдываются те.

Два тракториста и четыре колхозных погоняльщика уходят домой. Завязшие тракторы остаются в поле.

Возвратившись на свою квартиру, трактористы смеются:

— Начальники пойдут сейчас на почту и по телефону отправят райкому рапорт: «Трактористы в нашем колхозе выехали в поле и приступили к пахоте. Подготовка к сверххранному севу начата. Клянемся, что большевистскую весну организуем по-стахановски!...»

— Так вот шумят и суетятся каждый год. Запланировали даже весну переделать: в большевистскую превратить. А она не желает, смеется над ними... Мобилизуются... орут... размахивают руками... А дело стоит. Недаром колхозники прозвали их: «рукомахи»...

Комбайн МТС и «бабушкин комбайн»

Через несколько дней я увидел еще одну машину в поле. У подножья крутого холма валяется опрокинутый комбайн. Со смехом и руганью встречные колхозники рассказали историю этой машины.

В прошлом году МТС прислала в колхоз комбайн. Председатель колхоза заявил комбайнеру:

— Жать поедешь в самый дальний угол нашего поля. Туда надо прежде всего поспешить: иначе соседи-колхозники там все колоски срежут и растащат. Их бригадиры следят только за своим полем. А на чужих полях воровать колоски не воспрещают. «Нам, говорят, до чужого колхоза никакого дела нет» . . .

Приехал комбайнер к указанному полю. И за голову схватился:

— Да ведь комбайн — не горный баран, товарищ председатель: он по горам лазить не умеет . . .

Председатель вспылил:

— А ты заставь его лазить, ежели ты мастер своего дела! На ровной степи всякий осел, товарищ комбайнер, жать может . . . А ты сумей орудовать на наших косогорах. К нашему сожалению, мы не можем перетащить сюда украинские степи . . .

— Еще раз предупреждаю, товарищ председатель, что на косогорах комбайн работать не может: он тут за мое почтение опрокинется . . . На косогорах надо жать серпами, а на ровном поле — комбайном. За результаты вашего приказа я отвечать не могу . . .

— Я за все отвечаю, — заявил председатель. — А ты, дорогой, валяй скорее, а рассуждай поменьше. Это не твоего ума дело. На это есть ответственные товарищи . . .

— Попробуем, товарищ начальник! — козырнул комбайнер.

Поехал по косогору. Комбайн опрокинулся на первом заезде. И закувыркался вниз . . . Комбайнера сильно помяло, а в машине многие части были поломаны.

Приехал начальник МТС. Осмотрел комбайн и заявил:

— Сломанные части комбайна заменить нечем: запасных частей нет. Машина сломана по вине председателя колхоза. Поэтому мы передаем ее в собственность колхозу. А стоимость комбайна будем взимать с колхоза деньгами и натурой в пользу МТС: для покупки новой машины.

Свой рассказ о судьбе комбайна колхозники закончили так:

— Вот это поломанное чучело и валяется тут с прошлого года. А мы, колхозники, отдуваемся за самодурство глупого начальника: за сломанный комбайн долг выплачиваем...

— Ну, а как вы жали рожь? — спросил я.

— Известное дело, как всегда: серпами, или «бабушкиными комбайнами». Так мы их теперь называем, — засмеялись колхозники. — Благо еще с нэповских времен серпы остались. А то за последние десять лет ни одного нового серпа колхоз купить не мог.

— Ну, не только «бабушкиными», — дополнили другие. — Много приходится теперь орудовать и «дедушкиными комбайнами»: косами. Урожай-то в колхозах, известно, сталинский: рожь дует до самого колена... Серпом-то до нее и не достанешь.

«Сенокосная кампания закончена»...

Прохожу по лугу. Весь огромный луг, лучший в селе, покрыт черными кучками прошлогоднего сгнившего сена. Все сено погнило, а сам луг испорчен.

Колхозники рассказали, как это получилось. Чтобы похвалиться перед районным начальством, что «луг уже скошен, сенокосная кампания закончена», председатель колхоза отдал распоряжение: скосить сразу весь этот огромный луг, а уже потом убирать сено. За два погожих дня сплошной косовицы, в которой принимало участие все взрослое население колхоза, луг скосили. А потом наступили дожди, и сено погнило...

— Больше всего наш колхозный «голова» занимается выпивкой, — заключили колхозники свой рассказ о луге. — Но, иногда, получив приказ, схватится за колхозные дела с такой ретивостью, что, Боже упаси!.. Усердие проявит не по разуму: усердие — неукротимое, а разумом Бог обидел... И вот результат: уничтожил горы сена за неделю, испортил луг на несколько лет...

Никогда такого случая в деревне единоличников не было. И быть не могло. Прежде крестьяне ранним утром косили траву, а днем сушили ее и спешили убрать сено. Даже в самое дождливое лето сено никогда не гнило: его собирали, увозили домой и сушили в сарае под крышей.

Сбор бригады

Раннее летнее утро. Еще темно.

Бригадир-комсомолец подходит к избе каждого члена своей бригады, сильно стучит палкой по раме окна и кричит во весь голос:

— На ра-бо-ту!!!

Дребезжат окна. В хатах встают угрюмые колхозники. И сердито ворчат:

— Проклятая каторга!..

Собирается колхозная бригада у околицы села. Если одна колхозница запаздывает, ее ждут все. Нередко та или другая баба изрядно запаздывает при выходе на работу. Но без нее бригада на работу не двинется. Старая пословица — «семеро одного не ждут» — в колхозе не действительна.

Бригадир встречает запоздавших руганью и угрожающе размахивает палкой. Эта палка — символ его власти и постоянное оружие, подобно тому, как револьвер у председателя колхоза и сельсовета.

Но запоздавшие не остаются в долгу и «огрызаются»:

— Твоей бабе хорошо: «толстая лепеха» дома осталась. Ты ее к хорошему делу пристроил: она дома сидит, трактористам обед со свиной варит. Потом пожрет с ними хорошо да на свой огород отправится. А я дома больного ребенка одного оставила. Сама на колхозную работу идти должна... А что она мне дает, эта проклятая, каторжная работа?!.

— Ах, так ты про-ти-во-кол-хоз-ну-ю агитацию ведешь?!. Ха-ра-шо!.. Придется доложить председателю, — угрожающе шипит бригадир.

Колхозница прикусывает язык, умолкает. Она хорошо знает, чем это «пахнет»: лагерь пострашнее бригадировой палки...

Когда вся бригада, наконец, в сборе, бригадир ведет ее в поле, на работу.

Колхозницы плетутся нехотя, голодные, угрюмые... За ними, с палкой на плече, выступает сердитый бригадир...

«Оправляться ходила» . . .

Осенний день. Бабы копают картофель на колхозном поле. Бригадир сидит на куче картофельной ботвы: наблюдает за бригадой, локрикивает.

Копают бабы колхозный картофель, а у самих беспокойные мысли в голове бродят: « . . . из этой колхозной картошки нам ничего не останется . . . Скоро ударят морозы. А свой картофель на усадьбе не убран: нет времени . . . Померзнет на усадьбе картошка — помирай семья с голоду» . . .

Бригадиру скучно: он зевает, дремлет. Потом встал, спустился в лощину, растянулся на пиджаке и блаженно захрапел . . .

Одна колхозница, усадьба которой находится поблизости от картофельного поля, подмигнула своим товаркам, показывая на бригадира:

— Подольше тебе, дьяволу, поспать-похрапеть . . .

На четвереньках она поползла по картофельным бороздам к своей усадьбе. Стоя на коленях, быстро стала копать лопатой картофель на своем участке. «Вечером, думает, после колхозной работы, приду, подберу свою картошку и отнесу ее домой».

Работает колхозница украдкой на своей усадьбе, а сама тревожно посматривает на лощину: не проснулся ли погоняльщик?.. Но тот всхрапнул изрядно.

Через два-три часа, увидя проснувшегося бригадира, баба лукаво присела на корточки, а потом поспешила к колхозному полю . . . Бригадир, размахивая палкой, кричит бабе:

— Чего шатаешься по полю, как круговая овца?! .

Колхозница отвечает в тон ему:

— Оправляться ходила, то-ва-риш-ш-ш- бригадир! . .

Девичье сердце и неумолимый председатель . . .

Девушки-колхозницы вернулись с поля, как только солнышко спустилось за холмом. Поужинали.

Сегодня суббота.

На улицу вышли парни-односельчане. Они работают в городе. В

воскресенье имеют день отдыха и по субботам иногда приходят домой. Зовут девушек.

Собрались на улице девушки-колхозницы с парнями. Хоть изредка молодежи побалясничать в своем кругу хочется, почувствовать биение онемевшего сердца в груди...

Но нагрянул неумолимый начальник колхоза и грозно заорал:

— Марш по домам! Спать надо: завтра к восходу солнца все в поле должны быть! Тут райком партии приказал: «Прополочную кампанию закончить стахановскими темпами!» А они телячьими нежностями в рабочую пору вздумали заниматься... Завтра, того и гляди, на работу опоздают и государственный план важнейшей политической кампании сорвут! А мне за вас отвечать?! Вы знаете, как нам райком голову намыливает?! А потому: марш по домам — спать надо!..

Заворчали девушки:

— Что же это такое?! Уж и вечером, после работы, посидеть с ребятами нельзя?!

Они встали, глубоко обиженные, и поплелись домой...

Вслед уходящему председателю раздалась неистовая матерщина парней. Некоторые юноши предостерегающе унимали своих расходившихся товарищей:

— Придержите язык за зубами. А то «голова» обозлится и следующей раз не отпустит на заработки...

«Голову открутим...»

Бригадир доложил председателю, что один колхозник в воскресенье на колхозную работу не вышел, а весь день работал на своем огороде.

— Мы ему голову открутим за это! — закричал колхозный «царек». — Как гусаку!..

И выразительным жестом он проиллюстрировал эту угрозу.

Эта эффектная операция так привычна для него: не один гусь и не одна курица в деревне пострадали от этого специалиста по откручиванию голов, когда он был еще небольшим пареньком...

За десятилетний период в колхозе Болотное сменилось много председателей. Почти все они были партийцами или комсомольцами. Управлять государственным имением партия разрешает только коммунистам. Беспартийным же она этого дела не доверяет.

Назначение колхозных председателей происходит в райкоме, иногда оформляется потом в райисполкоме. Через колхозные собрания эти назначения проводятся, хотя бы формально, очень редко. Райком предпочитает совершенно обходить эту «лишнюю инстанцию»...

Коммунисты-назначенцы плохо руководят колхозами. До своего назначения на колхозный пост опыта работы в сельском хозяйстве они не имели: происходят они, обычно, или из деревенских бедняков, у которых хозяйство было плохое, или из городских жителей. Поэтому они являются прежде всего работниками несведущими, неумелыми.

Личной материальной заинтересованности в налаживании колхозного производства у руководителей тоже мало. Прежде доход хозяина-собственника зависел исключительно от урожайности полей и продуктивности скота в хозяйстве, т. е. от прилежной и умелой работы сельского хозяина. «Что стопаешь, то слопаешь», — так определяла это крестьянская пословица.

Но доход колхозного управляющего зависит от других причин. «Не возьмешь — помрешь», «Бери смелей — жить будет веселей!» — так откровенно говорят колхозные руководители об этом основном источнике своих доходов. На свою заработную плату — полтора трудодня за один день службы, или, конкретно, для села Болотное, 600 граммов ржи в день, — председатель колхоза с семьей жить никак не может. Он может жить только теми продуктами, которые забирает в колхозе. Сам он определяет это свое действие термином «берет», а колхозники говорят: «ворует»...

Размер этого «основного дохода» в бюджете председателя не зависит от экономического состояния колхоза. Один председатель может ограничиться скромным «доходом» даже из богатого колхоза. А другой безшабашно расхищает колхозное имущество и ведет роскошный образ жизни в самом бедном хозяйстве. Размеры этого дохода зависят не от экономического состояния колхоза, а от стяжательских appetitов и мошеннической ловкости председателя.

Служебные интересы колхозного председателя тоже не направляют его внимания на хозяйственное благополучие колхоза и работников. Служба и судьба председателя зависят от районного начальства. Оно назначило его на «хлебную должность» и во всякое время и по любому поводу может лишить его этой должности.

Но районное начальство прежде всего и больше всего интересуется двумя делами: колхозными (и совхозными) продуктами лично для себя, во-первых; выполнением налогов и поставок для государства, во-вторых. А это тоже не стоит ни в какой связи с материальным благополучием колхоза. Ограбляя государственное имущество и колхозников, услужливый председатель бедного колхоза может полностью удовлетворить требования районного начальства. А руководитель богатого имения, в котором колхозники получали бы хорошую оплату за свой труд, — не мог бы долго удержаться на своем посту, если бы он не посылал колхозных продуктов районному начальству или не откликнулся бы на призыв из райкома: после выполнения всех поставок, организовать дополнительно «добровольный красный обоз» с продуктами для государства.

Таким образом, личные интересы колхозного председателя, материальные и служебные, приводят его к тому выводу, что заботиться надо только о себе да о требованиях ближайшего, районного, начальства.

С колхозниками же ему считаться совсем не следует, потому что председатель от них совершенно не зависит. Колхозники — это не хозяева колхоза, а только крепостные его батраки, бесплатная рабочая сила государства, «навечно» закрепленная для эксплуатации за государственным имуществом, колхозом.

Что касается колхоза, как хозяйственного предприятия, то руководителям приходится считаться с ним, но лишь «постольку-поскольку». Лишь бы не допустить полного развала этого хозяйства до такого состояния, при каком он не сможет выполнять роль, которая на него возложена: «кормушки» для председателя и районного начальства, главного налогоплательщика для государства.

Тощий трудовень

За свою работу колхозники получают... «трудодни». Трудодень это рабочий день с полной нагрузкой, день, за который выполнена

норма работы. Колхозные бригадиры ежедневно записывают трудодни в трудовую книжку колхозника.

Оплата трудодня устанавливается в конце года. После уборки урожая колхоз прежде всего сдает государству установленные натуральные поставки. Затем расплачивается с МТС за машины. Потом «засыпает» всякие колхозные фонды: семенной, фуражный (для колхозного скота), резервный, общественной помощи и т. п.

После сдачи всех государственных поставок, отправки «добровольных красных обозов», оплаты МТС, «засыпки» всяких колхозных фондов, незаконных «фондов» для начальства, — учитывается остаток ржи и делится на сумму всех трудодней в колхозе. Так устанавливается оплата трудодня для колхозников.

Остатки эти невелики, и оплата трудодня в колхозах необычайно низкая. В Болотном в разные годы она колебалась от 200 до 400 граммов ржи на трудодень. В райне в качестве «образцового» прославляется один колхоз, в котором выдается 800 граммов на трудодень. Но это специальный, «показательный», колхоз, с которого органы власти берут гораздо меньше поставок. Средняя оплата трудодня в колхозах района не выше полкилограмма ржи.

Для взрослого колхозника, который летом работает на тяжелых сельскохозяйственных работах в среднем по 15 часов в день, требуется съесть килограмм хлеба, т. е. в два-три раза больше того, чем он сам зарабатывает в колхозе. Колхозник не в состоянии заработать себе в рабочую пору одного только хлеба на день...

В селе живет один вдовец, колхозник-одиночка. Работая в колхозе непрерывно, он заработал в 1940 году 200 трудодней и получил за эту работу от колхоза 5 пудов ржи (по 400 граммов на трудодень), т. е. получил хлеба только на полгода. Другую половину года он был вынужден обходиться без хлеба.

Но ведь колхозники-одиночки в деревне очень редки: в Болотном этот случай — единственный.

Рядом с этим колхозником-одиночкой живет вдова-колхозница с тремя малолетними детьми. Она выработала 160 трудодней и получила за них от колхоза 4 пуда ржи. Для ее семьи этого хлеба хватает только на один месяц. А остальные 11 месяцев в году семья должна обходиться без хлеба... Или может использовать хлеб по другому: употреблять кусок хлеба в качестве лакомства только каждое второе воскресенье...

Таков этот тощий колхозный трудовень. Работоспособный колхозник-одиночка может есть заработанный в колхозе хлеб только через день. А колхозница с детьми может допустить эту «роскошь» только по праздникам.

Ничего, кроме хлеба, колхозники на свои трудовни не получают. Колхозный картофель, овес — частью используется на корм колхозному скоту, частью сдается государству. Овощи с колхозного огорода председатель продает на рынке. Мясо, молоко, шерсть, яйца, конопля, гречиха — все это целиком идет государству.

Прежде в деревне высшую степень эксплуатации определяли так: «работа за кусок хлеба». Это значило, что работник получает от хозяина только питание и жилье: выражение «кусок хлеба» в данном случае употреблялось не буквально, а фигурально.

Но колхозный труд не дает работнику даже питания.

Хуже того: колхозный труд не обеспечивает колхозника даже «куском хлеба» в буквальном смысле слова. Чисто символический характер трудовня колхозники разоблачают такой иронической поговоркой:

— За свою работу мы получаем от колхоза . . . тридцать дней в месяц . . .

Обильная работа

Колхозники Болотного имеют очень много работы.

Полевых работ они выполняют не меньше, чем прежде, в доколхозном селе.

Но, кроме полевых, крестьяне имеют в колхозе еще много других работ.

За последние годы на пустыре разбит огромный колхозный огород. Колхозники подняли целину лопатами, сделали плетневую изгородь, а теперь они проводят все колхозно-огородные работы с ранней весны до поздней осени.

Посажен большой колхозный сад. Колхозники сделали изгородь, копали ямы, садили деревья. Теперь ухаживают за садом.

Колхозу принадлежит много скота: лошадей, коров, свиней, овец. Есть также и птицеферма. Уход за скотом и птицей производят колхозники, специально поставленные на эту работу: конюхи, пастухи, коровницы-дойarki, свиначки, птичники.

В селе построено очень много помещений: канцелярия колхозного правления, семилетняя школа, больница, баня, кирпичный завод, конюшни, молочная ферма, птицеферма, свинарник, овчарня, огромные амбары — зернохранилища, подвалы — картофелехранилища, овощехранилища, сараи для сена и яровой соломы, склады для машин и сельскохозяйственного инвентаря, сельский магазин и т. д.

Все строительные работы в колхозе — рубка леса, перевозка строительных материалов, обработка дерева, земляные работы, само строительство от начала и до конца — все эти работы колхозники проводили за обычные «трудодни» и наряду с сельскохозяйственными работами.

Из этих примеров видно, как много работы имеют колхозники, как перегружены они работой. Рабочих рук в колхозе нехватает. Немало людей за годы колхозной жизни вымерло, сослано в лагеря, сбежало. Многие уходят из колхоза и теперь: в армию, в школы, на заработки.

Кроме того, многие колхозники физическим трудом не занимаются, начиная от председателя и кончая звеньевым. В колхозе около полусотни лиц принадлежат к администрации: председатель, его заместители, члены и служащие правления, заведующие фермами, руководители предприятий, бригадиры, звеньевые и т. п.

В одной только колхозной канцелярии сидит десяток чиновников: председатель колхоза, два заместителя, председатель ревизионной комиссии, секретарь колхозного правления, счетовод, кассир, нарядчик, агроном, буфетчик.

Точно по пословице: «Один с сошкой, а семеро с ложкой». Трудовая нагрузка остальных колхозников от этого еще более увеличивается.

Немудрено, что из-за всех этих обстоятельств колхозники обременены трудом. В селе рьяно осуществляют советские законы о колхозном труде. На работу выгоняют не только взрослых, но и подростков, начиная с 12 лет.

Колхозники летом работают от восхода до захода солнца, т. е. в среднем по 15 часов в день.

Все лето работают и в будни и в праздники, без выходных дней...

Во время коллективизации, призывая крестьян вступать в колхозы, большевистские агитаторы неустанно твердили: «Вся работа будет выполняться машинами: и пахота, и посев, и косовица, и жатва, и все другие работы. Колхозники будут только управлять машинами, по-свистывать да петь веселые песни о вольготной жизни в колхозном раю» . . .

Как же обстоит дело с механизацией сельского хозяйства в колхозе? Облегчен ли машинами труд колхозника?

— Ни капельки! — отвечают колхозники Болотного на этот вопрос.

Поломанный комбайн валяется в поле, а рожь колхозники убирают серпами и косами.

Правда, для пахоты каждое лето из МТС приезжают два трактора и производят вспашку колхозных полей, приблизительно до одной трети их. Но две трети колхозных полей колхозники вспахивают конными плугами. А кроме того, пахотная площадь в колхозе увеличилась на одну треть, по сравнению с доколхозным периодом: вместо прежнего трехполья с паровым полем, теперь в колхозе — многополье, и парового поля нет. Таким образом, практически от тракторов колхозники никакого реального облегчения в пахотных работах тоже не получили.

Молотьба хлеба в колхозе производится прежним способом: конными молотилками. Посев, бороньба, прополка, пропашка, косовица, перевозки, — все эти работы производятся в колхозе так же, как и в доколхозном селе — без механизации.

Так от машин колхозники Болотного, действительно, никакого облегчения своего труде не получили.

Но зато от уменьшения конской тягловой силы в колхозе труд земледельцев стал гораздо тяжелее, чем раньше.

Конское поголовье в первые годы коллективизации уменьшилось в селе вдвое и с тех пор выше этого уровня не поднялось.

При этих условиях колхозные лошади получают двойную нагрузку в работе. Но и на колхозника, работающего с лошадью, падает такая же двойная нагрузка: если лошадь должна вспахать и заборонить вдвое большую площадь, то и пахарь тоже должен проделать двойную работу.

Это увеличение трудовой нагрузки пахаря и лошади ведет к ухудшению качества работы: однократная вспашка — вместо двукратной, однократная бороньба — вместо многократной, мелкая вспашка и т. д.

Прежний крестьянин превратился в безлошадного колхозника-бобыля. А из колхоза для его личных работ лошади ему не дают, мотивируя отказ тем, что коней в колхозе мало. И колхозники вынуждены теперь, кроме своей, выполнять еще много, как они говорят, «лошадиной работы». Они обрабатывают свою усадьбу с картофелем исключительно ручным способом: лопатой, цапкой. Они выносят навоз на усадьбу корзинами и ведрами. Урожай картофеля с усадьбы тоже приносят: в корзинах и мешках.

Приносят заработанное на трудодни зерно со склада: мешками, на спине. Несут рожь на мельницу и муку с мельницы тем же способом. Приносят солому с поля и даже дровишки из лесу. Отправиться в город по своим делам — что-либо купить или продать — колхозники могут только пешком, единственным, доступным для них способом, который они шутливо называют так: «на собственном единоличном коняке», или: «на персональном авто № 11»...

Так работа земледельцев не только не была облегчена механизацией, но стала гораздо тяжелее: из-за недостатка коней в колхозе и безлошадности колхозников.

При такой тяжелой работе да жизни впроголодь колхозникам теперь не до песен и посвистывания. «Не до жиру — быть бы живу»... Теперь они, стиснув зубы, молчат. Или кряхтят, охают, стонут и злобно ругаются... Работают теперь колхозники очень много и тяжело.

Колхозные мученики

Прежде крестьянин-единоличник выполнял все земледельческие работы охотно, с радостью: он наглядно видел плоды своего труда. С веселыми думами выходил он в поле:

«Посмотрю пойду,
Полубуюся,
Что послал Господь
За труды людям».

Любуясь на золотую ниву, он с умилением восторгался урожаем: «Эка Божья благодать!.. Закрома хлебом наполню».

А теперь? Колхозник выполняет свою работу с озлоблением, потому что она бесполезна для него, как Сизифов труд: на этой работе хлебороб не может заработать себе даже куска хлеба.

Но эта тяжелая, бесполезная для него работа вновь и вновь наваливается на него, словно камень, постоянно скатывающийся с горы на Сизифа. Это происходит в колхозах повсеместно. Наглядный пример этого — Болотное.

Сначала там были только полевые, луговые работы и уход за скотом. Затем прибавились садово-огородные работы. Позже развернулось строительство всевозможных помещений и предприятий в колхозе.

Потом начальство стало нагружать колхозников работой также и зимой. Колхоз берет зимой транспортные подряды на перевозку грузов (дров, картофеля, зерна, строительных материалов и т. д.) для государственных учреждений и предприятий. Наконец, было запланировано строительство новых колхозных помещений — капитальных, кирпичных.

А если сверху будет «спущен» приказ — варить для социалистических свиней специальные обеды, ежедневно купать их в ваннах, услаждать их радиомузыкой — колхозное начальство бездумно и незамедлительно начнет его «провертывать по-большевистски». При монопартийной диктатуре и «колхозных трудоднях» все возможно...

Начальники наваливают на людей работы все больше и больше. Они все больше камней сваливают на колхозного Сизифа, так как владеют безграничной властью и пользуются бесплатным крепостным трудом.

От увеличения работы в колхозе общий фонд заработной платы колхозников не увеличивается. Но оплата трудодня уменьшается: все тот же одинаковый остаток хлеба от государственных поставок делится теперь не на прежнее количество трудодней, а на большее. Стало вдвое больше работы в колхозе, вдвое больше трудодней, — значит

на каждый трудодень выпадает в два раза меньше граммов хлеба. Только и всего. «Проще пареной репы», как говорят колхозники...

Такова новая, колхозная, бухгалтерия. Такова новая, большевистская, теория и практика «расширенного воспроизводства» в социалистическом земледелии.

Из-за такой практики в колхозе пропала цель труда, польза для работника. Труд приобрел характер бесполезной, бессмысленной, абсолютно принудительной работы. Пропала радость труда, осталась только мука.

Колхозная работа превратилась в Сизифов труд. Живые колхозники превратились в легендарных Сизифов.

Но во время уборочных работ в колхозе эти муки Сизифова труда достигают крайней степени. Пахать голодному тяжело и мучительно. Но убирать хлеб — это для голодного работника бесконечно тяжело и нестерпимо мучительно: жать, возить рожь — и не иметь хлеба, молотить — и голодать!.. А именно так организовано дело в колхозе.

Во время уборочных работ единоличные крестьяне прежде, до революции, питались очень хорошо: ели сало, мясо, яйца, сметану, коровье масло. А теперь и на уборочных работах колхозник питается только пустыми щами да картошкой, даже без хлеба, без масла, голодает. Прошлогодний хлеб он поел еще зимою. А хлеб из нового урожая правительство воспрещает выдавать колхозникам до тех пор, пока все поставки государству не будут выполнены и все колхозные фонды не будут «засыпаны», т. е. практически до конца календарного года.

Каким большим торжеством в каждой крестьянской семье был прежде «праздник первого снопа»! Первые снопы сжатой ржи, украшенные веселыми ленточками, торжественно привозили домой. Дружно, с песней, их обмолачивали — непременно по-старинному, цепами, — и зерно потом мололи на мельнице. А затем тут же бабы выпекали из этой муки «новый хлеб»: такой свежий, мягкий, пахучий, очень вкусный!

Ребятишки с кусками этого нового хлеба выбегали на улицу и хвастались друг перед другом:

— Мамка уже нового хлеба испекла! Мед, настоящий!.. Не веришь? На, покушай!..

Уборочные работы прежде были праздником для всех крестьян. И у всех было радостное настроение.

Бабы с песней возвращались с жнива. Мужчины, возящие рожь, весело улыбались. Старички дома приветливо их встречали и подбадривали:

— Урожай — слава Богу! Теперь день — год кормит...

А ребятишки больше всех радовались урожаю. Они лакомились зеленым горохом, поджаренными колосками ржи, печеной картошкой. На возах со снопами, сияя от радости, бывало, по крылатому слову Некрасова, каждый «Ванюха в деревню въезжает царем!..»

А теперь, в колхозе?.. Не праздником, и даже не буднем, а сплошной «страстной пятницей» стало в колхозе время уборочных работ.

Евангелие воспрещает при молотье завязывать рот волу: в это время пусть досыта наедается работающее животное. Но в колхозах во время уборочных работ завязывают рот людям, голодным работникам. Им в это время совсем не дают хлеба из обмолоченного нового урожая, ни малейшего аванса. Их отправляют в лагерь за горсть съеденных на жниве колосков...

От раннего утра до позднего вечера жать рожь на огромных колхозных нивах, неделями работать над хлебом и среди хлеба во время уборки и молотбы — и в то же время... голодать, быть без куска хлеба, не имея даже возможности пожевать горсть зерен!.. Разве это не муки Тантала?!

Впрочем, нет: это — нечто большее. Вода удалялась от Тантала, как только он, жаждущий, стоя в воде, наклонялся к ней, чтобы напиться. Ветви с фруктами моментально поднимались высоко вверх, лишь только голодный мученик пытался сорвать фрукты, висящие над самой его головой. Но колхозное жито не удаляется от земледельца, когда он, голодный, хочет покушать его на жниве или на молотбе. Нет, колхозное зерно хлещет колхозника, словно бич со свинцовым наконечником: бьет десятилетней каторгой «за расхищение священной, неприкосновенной, социалистической собственности»...

Так в колхозной деревне хлеб стал врагом хлебороба, а хлебороб — врагом хлеба. Колхозный труд стал врагом работника, а работник — врагом труда. Труд стал подлинным проклятием людей...

Колхозники выполняют тяжелый, но бесполезный для них Сизифов труд. И в то же время они испытывают муки Тантала. Древние мифы о самых жгучих муках людей в преисподней стали живой повседневной явью в «социалистическом раю»...

Ненавистная работа

Земледельцы расценивают колхозный труд не только как бесполезный, но даже как очень вредный для них.

— Колхозная барщина выматывает у нас все силы, — жалуются они. — Поработаешь долгий летний день — все силы иссякнут. А чем их восстановить, ежели колхозная работа даже куска хлеба не дает?!.

— Но этого мало: эта проклятая каторжная работа отнимает у нас и время. Она не оставляет нам времени для нашей работы, которая нас, хоть и плохо, а все же кормит. Огород дает нам овощи, усадьба — картошку, а коровка наша — молоко. Без этого личного хозяйства мы давно протянули бы ноги. Но это маленькое хозяйство требует много труда и времени. Без работы не будет ни картошки, ни овощей, ни молока. Одно только содержание коровы от нас требует теперь уйму времени. Прежде, в светлые доколхозные времена, наша Буренушка всегда корм имела: зимой — сено и яровая солома, а летом — свободное пастбище. А теперь? Нет у нашей коровы корма, как и у колхозника. Пастбища теперь используются только для коров колхозной фермы, а коровы колхозников пастбища не имеют. Наша корова и летом стоит на дворе и требует корма. На зиму мы тоже должны приготовить корове корма: все сено и всю яровую солому забирает колхоз — для колхозной фермы, а для коров колхозников остается только ржаная солома. Но на одной ржаной соломе корова не выживет, как и колхозник на трудоднях... Вот тут и подумай: наше маленькое, нищенское хозяйство спасает нас от голодной смерти, но оно требует много времени. А где его взять?..

— Мы много раз просили и колхозное и районное начальство: после того, как колхозник свою дневную норму, трудодень, выполнит, отпускать его домой. Пусть он после колхозного трудодня вечером свою работу делает: на усадьбе, в огороде, во дворе. При таком порядке каждый колхозник стал бы напрягать все свои силы, чтобы поскорее выполнить норму и иметь часок для своей работы. Такой порядок

был бы полезен и нам и колхозу. Но колхозные и советские начальники нас и слушать не хотят. «Ежели, — говорят, — колхозник выработал одну норму, то он должен выполнять вторую норму. Советский закон говорит точно: летом колхозники обязаны работать от восхода до захода солнца, без выходных дней! А закон подписан вождем товарищем Сталиным и руководителем правительства товарищем Молотовым. Мы не можем в этом законе изменить ни одной буквы. Работайте и не ворчите: до вашего огорода и до вашей коровы нашему правительству никакого дела нет! . . . »

Колхоз за сданные продукты получает от правительства денежную плату. Но плата эта — ничтожная. За килограмм ржи правительство платит колхозу 4 копейки, а продает потом в своих магазинах килограмм печеного хлеба за рубль! За килограмм пшеницы власть платит 6 копеек, а сама продает потом килограмм пшеничного хлеба за 4 рубля!

Деньги, вырученные за продукты, поступают в колхозную кассу: в колхозный фонд, «на нужды колхоза». А колхозникам из них ничего не выдают.

Немудрено, что при такой оплате, при которой работающий не получает за свою работу даже буквально «куска хлеба», у людей нет никакого интереса к этому труду и никакого желания работать в колхозе.

Колхозники стараются вырваться от государственной барщины на другую работу, в которой они материально заинтересованы. Поработать на своем личном огороде, который расположен на усадьбе и обеспечивает колхозникам овощи. Поработать на своей усадьбе, которая снабжает семью картофелем (вся усадьба, включая огород, занимает 0,25 гектара и выделяется на каждый колхозный двор). Нарвать травы для своей коровы, которая кормит молоком. Отнести в город сумочку овощей или несколько литров молока, чтобы на вырученные деньги купить самое необходимое. Люди вообще стремятся уйти из колхоза на лето: в соседний совхоз или на заработки в город.

Но советское правительство обязывает крестьянина, принуждает его к колхозной работе драконовскими законами. По советским зако-

нам каждый взрослый колхозник обязан выработать в колхозе свою годовичную норму — 180 трудодней, а каждый подросток от 12 до 16 лет из колхозной семьи — 120 трудодней. За невыполнение этой нормы советские законы устанавливают для «нерадивых колхозников» наказание: тюремное заключение.

Для этой же цели, понуждения к труду, учреждена и многочисленная колхозная администрация. Колхозники метко называли этих чиновников «погоняльщиками». Так называли прежде, до революции, жестоких и тупых хозяев, которые на лошадях ездили, работали, но погоняли их не овсом, а только кнутом.

Подгоняемые драконовскими законами и многочисленными погоняльщиками, колхозники вынуждены идти на государственную барщину. Но, голодные, истощенные и незаинтересованные, работают там вяло: равнодушно или даже с ненавистью к делу.

На уборочных работах

Прежде, когда крестьяне работали на своих полях, они работали усердно и добросовестно. Они выбирали картофель до-чиста. Они подбирали не только картошки, которые после сохи оказались наружи, но и те, которые были засыпаны землей. Крестьяне разгребали вспаханную борозду руками и находили засыпанную картошку. В земле ничего не оставалось.

А теперь колхозницы собирают картошку на колхозных полях по-иному. Они собирают только ту, которая валяется наружи, а в земле ее не ищут.

Мало того. Нередко броском ноги они засыпают даже и ту, которая лежит наружи. Так противна бабам эта колхозная картошка, которая пойдет на спиртоводочный завод, на «мужицкую отраву», а у колхозниц отрывает время и не дает им возможности выкопать свою картошку, какая спасает их от голодной смерти.

Во время жнива на своих полях крестьянки аккуратно брали горсть ржи и осторожно подрезали ее серпом, не вытрясая зерен из колосьев. С такой же осторожностью крестьяне косили яровые хлеба.

А теперь, на колхозных полях, колхозники жнут рожь и косят яровые небрежно, безо всякой осторожности, сердитыми рывками. Так ненавистна им эта работа, которую вынуждены выполнять голодные люди, вопреки своему интересу, своей воле.

Безо всякой осторожности они связывают снопы, небрежно перебрасывают их, складывая на полях или укладывая на телеги. Много зерна осыпается во время сбора урожая и его перевозки.

Прежде, бывало, крестьяне своевременно свозили рожь с полей и перед обмолотом в дождливые годы сушили в овинах («ригах»). В колхозе нет овинов. Нет даже крытого тока.

Теперь рожь и яровые хлеба долго лежат на колхозных полях под открытым небом: от начала «жатвенной кампании» до конца «кампании по обмолоту».

Лежат снопы под открытым небом и гниют. В некоторые годы только по этой причине в колхозе пропадает до четверти колхозного урожая.

А в результате такой работы, которая выполняется колхозниками с ненавистью и нарочитой небрежностью, поля вспаханы плохо, урожай собран неряшливо, много картофеля в земле остается, уйма зерна вытрясается на землю.

Когда я ходил по колхозным полям после уборки ржи и овса, то был поражен: поля покрыты мышинными норами и гнездами. Такого обилия мышей никогда на крестьянских полях прежде не было.

Крепостной, принудительный труд в колхозе породил удивительные результаты: голод — для хлеборобов, изобилие — для мышей...

Трудодни и аренда

До революции по соседству с селом на помещичьем поле жила одна крестьянская семья. Происходя из дворовых крепостных, она совсем не имела собственной земли. Вскоре после освобождения крестьян от

крепостной зависимости эта семья получила от своего помещика участок земли — 13,2 гектара (12 десятин) — в аренду. Так она жила и работала на этом участке с тех пор до самого большевистского переворота. Земля была арендована на обычных условиях *испольщины*: половину всего урожая с этого участка семья арендатора платила помещику в качестве арендной платы.

Жила эта семья неплохо. Имела хорошую двухкомнатную избу, две лошади, корову, свиней, овец и птицу. Жила без нужды.

Теперь новое поколение этой семьи живет в Болотном и работает в колхозе. Глава этой большой семьи говорил, что аренда земли у помещика давала его семье гораздо лучшие возможности для жизни, чем работа в колхозе. И заявил, что охотно сменил бы теперешний «свободный колхозный труд» на прежнюю «кабальную помещичью *испольщину*» . . .

— Прежде, — рассказывал этот арендатор, — помещик забирал за арендованную землю только половину результатов нашего труда. А теперь разве земледельцам достается половина колхозного урожая? Нет: советское правительство и всякие начальники-воры забирают из колхоза все, а нам на трудодни оставляют только крохи с их господского стола . . .

Расспрашивал я колхозного счетовода по этому вопросу. Тот ни одной абсолютной цифры не сообщил: «государственная тайна» . . . Но он сказал, что распределение колхозного валового урожая ржи производится приблизительно в таких пропорциях: больше половины сдается государству; четверть — колхозу; меньше четверти — остается колхозникам на трудодни.

А с других полей и лугов колхозники Болотного ничего не получают: ни с ярового, ни с поля кормовых трав, ни сена с лугов.

Значит, колхозники получают для себя 25 процентов валового урожая с озимого поля. А со всей земельной площади колхоза (четырех полей и луга) они получают только 5 процентов урожая . . .

Следовательно, труд колхозника оплачивается советским правительством в десять раз хуже, чем труд арендатора помещичьей земли на условиях «*испольщины*» . . .

Барщинно-оброчная система

Колхозники — грамотные и неглупые люди. Они читали в книгах о крепостном праве. Пожилые — слышали рассказы от стариков-очевидцев. Теперь они часто сравнивают колхозные порядки с крепостным правом. И это сравнение говорит не в пользу колхозов.

— Колхозная барщина куда тяжелее барщины помещичьей! — говорили многие колхозники. — Можете сравнить сами. Старики нам рассказывали, что при крепостном праве в имении нашего бывшего барина, помещика, было около 1 000 десятин, а у крестьян, в трех деревнях, было около 3 000 десятин земли, т. е. втрое больше, чем у помещика. А теперь? Советское государство забрало себе всю нашу землю, а нам, крестьянам, оставило только жалкие крохи: по $\frac{1}{4}$ гектара на колхозный двор. А до революции на каждый крестьянский двор в среднем в нашем селе приходилось не по четверти гектара, а по 8 десятин, или по 8,8 гектара.¹⁾

— Каково?! — вырвалось у одного колхозника. — Нашу мужицкую земельку советская власть обкарнала в тридцать пять раз!..

— Земли мы теперь имеем во много раз меньше, чем прежде. А работать в советских имениях, в колхозах, мы должны гораздо больше, чем крепостные на помещичьей барщине, — вступали в разговор все новые собеседники, которым, как они говорили, «колхоз в печенки въелся»...

— Наши дедушки рассказывали, что на помещичьей барщине они работали только три дня в неделю. А мы на колхозной барщине работаем все семь дней в неделю. За все лето мы не имеем ни одного выходного дня! Работаем, как проклятые... Да, колхозная барщина гораздо тяжелее помещичьей!..

— А ведь в колхозе мы не только барщину выполняем, но и громадные оброки государству платим, — дополняют другие колхозники.

— Какие оброки? — спрашиваю.

— Самые настоящие: и натуральные оброки и денежные, — поясняют колхозники. — Прежде помещик принуждал своих крепостных выполнять только одну повинность: трудовую — барщину, дворовую службу, или оброчную — натуральный или денежный оброк. А вот советские помещики заставляют нас, колхозников, одновремен-

¹⁾ Десятина равняется 1,1 гектара.

но выполнять барщину и платить оброк! Хозяйство у колхозника теперь нищенское: усадебный участок — четверть гектара земли, полуживая корова да пяток кур. И вот с такого-то бобыльского хозяйства мы должны платить государству огромный оброк. Натуральные поставки: ежегодно 2 пуда мяса, 200 литров молока, 150 яиц. А кроме того, власть наложила на нас еще громадный денежный оброк: налоги и заем, 600 рублей на каждый двор! Под такими прессами ухитрись выжить...

— В школе, на уроках, наши дети часто читают об «ужасах крепостного права» и «счастливой колхозной жизни» — рассказывают колхозники. — Но мы-то хорошо знаем, на своих спинах изучили: хоть помещичье крепостное право было для крестьян очень тяжело и очень горько, но колхозное крепостное право для нас еще тяжелее и горше...

«Отработки» и барщина

До революции в пореформенной русской деревне, кроме денежной и натуральной арендной платы, иногда практиковалась и трудовая плата, которая называлась «отработками». Крестьянин арендовал у помещика землю, а платил ему за это работой в помещичьем имении, отрабатывая определенное число рабочих дней за каждую десятину арендованной земли.

В одном районе Курской области, в большом совхозе, была введена такая система оплаты труда, которая была подобна «отработкам».

Сначала совхозные рабочие получали денежную плату: по 130 рублей в месяц. А хлебный паек они оплачивали по государственной цене. Эта зарплата была гораздо выше оплаты колхозного трудодня, но ниже зарплаты городских рабочих.

А потом директор совхоза, желая больше заинтересовать рабочих в труде, сделал такой опыт: по предложению самих совхозников, он, вместо денежной заработной платы, выделил по 4 гектара совхозной земли на каждого рабочего. Совхозники стали работать в совхозе без зарплаты: только за землю, которую совхоз дал им для использования. Семья совхозного рабочего, обычно, колхозника из соседней деревни, очень прилежно работала на этом личном участке и получала хороший урожай, гораздо лучший, чем на соседних колхозных и совхозных

полях. Этот урожай мог сносно кормить семью рабочего. Совхозник, получив большую заинтересованность в труде, стал лучше работать в совхозе. А совхоз, резко сокративши свои денежные расходы на зарплату и получив заинтересованных рабочих, стал экономически укрепляться.

Слух об этом опыте широко распространился по колхозам и совхозам соседних райнов и областей. Колхозники приставали к руководителям местной власти с предложением:

— Верните нам нашу крестьянскую землю. А помещичью можете оставить в государственных имениях, в совхозах. За это мы согласились бы отбывать совхозно-государственную барщину: три дня в неделю работать в совхозе бесплатно, как наши дедушки выполняли помещичью барщину при крепостном праве. А остальные три дня в неделю будем работать на своей земле, для себя.

Дело об этом оригинальном опыте дошло до Москвы. Центральный Комитет партии и советское правительство прислали специальную комиссию для срочного расследования этого «странного дела».

Комиссия обследовала этот опыт и резко осудила его, как «анти-советское вредительство» и «экономическую контрреволюцию».

По заключению комиссии, этот опыт наглядно дискредитировал систему социалистического земледелия в глазах крестьянства. Во-первых, он вновь подтверждал превосходство собственного, индивидуального хозяйства над социалистическим, совхозно-колхозным, и звал назад, к единоличному хозяйству, к системе столыпинских хуторов. Во-вторых, этот опыт разоблачал большевистскую легенду о «свободном колхозном труде»: в действительности, этот труд был для колхозников тяжелее «кабальных отработок» и хуже помещичье-крепостной барщины.

Как отмечалось в решении партийно-правительственной комиссии из центра, этот «контрреволюционный эксперимент возрождал среди колхозников реакционные, антисоциалистические настроения отсталого крестьянства о ликвидации колхозной, социалистической системы земледелия».

Инициаторы этого опыта, директор совхоза и секретарь райкома партии, местные крестьяне по происхождению, попали в тюрьму, как «враги народа», «антисоветские вредители» и «реставраторы капитализма»... Хуторки совхозных рабочих были немедленно ликвидированы. Совхозно-колхозная социалистическая форма земледелия была

признана «не подлежащей никакой реставраторски-капиталистической ревизии».

Таким образом, советское правительство категорически отказало совхозным рабочим в их просьбе: заменить «свободный социалистический труд» в совхозах системой «кабальных отработок» . . .

Так же категорически советское правительство отказало колхозникам в их еще более оригинальной просьбе: чтобы власть, возвратив крестьянам их исконную землю, которая была отобрана у них при коллективизации, заменила бы колхозную барщину совхозной, в государственных имениях (три дня в неделю), аналогичной помещичьей барщине при крепостном праве . . .

11. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Упадок растениеводства

Председатель колхоза цифры о колхозном урожае содержит в строжайшем секрете, соблюдая приказ правительства. Он хранит эту тайну также и по личным соображениям: колхозники постоянно бы кололи глаза председателю этими цифрами. А теперь колхозники, ругая колхозное начальство, точными цифрами свою критику подтвердить не могут.

Не мог получить точных данных об урожайности в колхозе и я. Но, сравнивая на глаз колхозные поля с бывшими единолично-крестьянскими, я мог твердо установить, что колхозный урожай был приблизительно вдвое хуже единоличного урожая на тех же самых полях. Прежде основные массивы ржи на единоличных крестьянских полях определялись так: «рожь по грудь», «рожь до пояса». А на удобренных полосах, на хуторских и на поселковых полях рожь определялась: «стеной стоит», «в рост человека».

Теперь на колхозных полях нет ржи «в рост человека» или «по грудь». Массивы колхозной ржи — это «рожь до пояса», «рожь до колена».

Прежде рожь серпами жали. Только на некоторых, самых глинистых, холмах иногда приходилось косить ее. Теперь, на колхозных полях почти половину ржи колхозники выкашивают косами: такая она низкорослая.

Другой пример может дать наглядное сравнение не прошлого с настоящим, а современного — с современным. Это сравнение каждый может увидеть на рядом расположенных участках земли: урожай картофеля на колхозных полях и овощей на колхозном огороде в два-три раза ниже, чем урожай картофеля и овощей на усадьбе колхозника.

Окуда же на колхозных полях быть хорошему урожаю? Навоз с колхозных ферм годами не вывозится на поля.

Голодные и истощенные колхозники принуждены работать там бесплатно, из-под палки. Поэтому все сельскохозяйственные работы в колхозе выполняются гораздо хуже, чем на полях единоличников. Хуже производится пахота и бороньба. Хуже проходит прополка, пропашка. Уборочные работы проводятся «из рук вон плохо», как говорят колхозники.

Колхозные урожаи сильно страдают от полевых вредителей: полевых мышей и зайцев. Зайцев развелось очень много: нет ружей, нет охоты.

Потравы колхозного урожая — огромные.

За колхозными стадами пастухи присматривают не особенно внимательно. Голодных колхозных крепостных мало интересуют колхозные поля, луга и колхозный скот.

А голодный скот колхозников — коровы, телята, поросята — летом вообще остается безо всякого присмотра. В лучшем случае скот остается под присмотром малолетних детей (до 12 лет), которых еще не выгоняют на колхозную барщину (но часто «выводят» на колхозную работу школьников целыми классами).

Своих коров колхозникам воспрещено выпускать со двора. Но нередко коровы вырываются на пустырь, а оттуда дальше, на колхозные поля и луга. Однажды две голодные коровы колхозников вырвались на клеверное поле и паслись там с обеда до вечера. С голодухи обожрались и подохли.

Выпускать телят и поросят на пустырь в селе, под присмотром детей, колхозникам разрешено. Но этот пустырь выбит так, что на нем нет ни травинки: даже крапива, бурьян и «колуны-татарники» на нем теперь все поедены... Голодные телята и поросята рыщут неутомимо в поисках корма, натыкаются на плетневую изгородь колхозного огорода, пробираются под ней, через нее или сквозь нее на колхозный огород и опустошают его. Ребятишки, присматривающие за

своими телятами и поросятами, не очень спешат выгонять своих питомцев с огорода...

Не очень старается об охране колхозного огорода также и огородник. Председатель колхоза возложил на него «по совместительству» две работы, которые трудно совместить: колхозного мельника и огородника. Причем, мельница находится от огорода на расстоянии целого километра, и от мельницы огород совсем не виден.

Нередко голодные телята и поросята пробираются и на колхозные поля, примыкающие к самому селу. Тогда они с остервенением набрасываются на рожь или овес и «молотят» зерновые так старательно, что молотить их повторно на колхозном току едва ли будет целесообразно... Все взрослые колхозники в поле, на работе. А малолетние ребята при такой ситуации спрячутся по хатам и лукаво притаятся: словно они ничего не видят и ничего не слышат... Но вечером они расскажут родным, как их телята, поросята и куры «подкормились сегодня на колхозном поле»...

В результате всех этих обстоятельств, урожай на колхозных полях и на огороде гораздо ниже, чем в селе единоличников.

А при доставке на колхозные и государственные склады и во время хранения там колхозный урожай еще уменьшается. Он гибнет: рассыпается, гниет, мерзнет, пожирается мышами. Продукты расхищаются начальниками и всякими работниками, соприкасающимися с перевозкой и хранением.

Только на пропагандном языке колхозный урожай называется «богатым». Колхозники оценивают его по-другому: «никудышний урожай».

Местные колхозники определяют средний урожай ржи на колхозных полях Болотного в 25-30 пудов с гектара. Такой урожай был в эпоху крепостного права. А средний урожай в пореформенном селе, перед революцией 1917 года, был: в общине — 50-60 пудов с гектара; на отрубях и хуторах — от 80 до 100 пудов.

Колхозный, «сталинский», урожай упал до уровня урожая в крепостной деревне. Сельское хозяйство при колхозной системе попятилось на сто лет назад. Бывшая «житница Европы» превратилась в некрасовскую деревню Неурожайку, в голодную Русь...

Упадок скотоводства

Скотоводство в колхозе находится в таком же запущенном состоянии, как и полеводство.

Поголовье скота в колхозном селе сильно уменьшилось, по сравнению с дореволюционным временем.

Колхозники не имеют теперь в личном владении ни лошадей, ни овец. А на колхозной ферме их теперь вдвое меньше, чем было у крестьян в дореволюционном селе.

Прежде в каждом крестьянском дворе, за исключением нескольких бобыльских, были свиньи: одна или две. А теперь у колхозников нет свиней. Свиньи есть только на колхозной ферме. Но их там в 4-5 раз меньше, чем было в доколхозном селе.

Прежде, кроме свиней, на каждом крестьянском дворе было от 5 до 10 поросят: маленьких и больших, «подсвинков». А теперь только летом в каждом дворе выхаживается по одному поросенку. Весной колхозник покупает на колхозной ферме одного маленького поросенка, кое-как кормит его до осени, а потом продает, чтобы получить деньги на выплату налога и займа.

Общее количество свиней и поросят в колхозном селе стало в несколько раз меньше, чем было в дореволюционном.

Коров в колхозном селе тоже стало меньше, чем было их в доколхозный период.

Прежде, в дореволюционном селе, было около десятка бескоровных дворов. А теперь их число увеличилось раза в четыре. Не имея пастбищ и не получая от колхоза кормов, многие колхозницы не в силах кормить ни корову, ни теленка.

Прежде крестьяне содержали от двух до пяти голов крупного рогатого скота на каждом дворе: в худшем случае — корова с теленком, в лучшем случае — две коровы, два теленка и большая телка.

Теперь же у колхозника в лучшем случае есть только корова с теленком, а у многих — только одна корова: от бескормицы многие коровы остаются яловыми.

Общее поголовье крупного рогатого скота в колхозном селе на ферме и в единоличном владении — далеко отстает от того количества, которое было в доколхозном селе.

Ущерб скотоводству причиняют хищники.

Если колхозные поля сильно страдают от мышей и зайцев, то колхозные стада страдают от волков.

В больших лесах, Брянских и Курских, теперь развелось очень много волков: с самого начала коллективизации у крестьян были отобраны охотничьи ружья (другое оружие советская власть отобрала сразу же после Октябрьского переворота).

Волки теперь всюду рыщут по колхозным полям, а зимой и по деревням, безо всякой опаски. Нет теперь в колхозных деревнях ни ружей, ни охотников, ни собак (если прежде в каждом втором крестьянском дворе была собака, то в период коллективизации их вывели: кормить нечем).

Поэтому волкам, так же, как мышам и зайцам, очень вольготно живется на колхозной Руси. Эти хищники свободно и без опаски бродят по полям, лугам и оврагам, незаметно подбираются к стадам (собак нет даже у пастухов), смело нападают и похищают овец и ягнят, телят и поросят.

Но «двуногие волки» расхищают и пожирают колхозный скот еще более немилосердно, чем их четвероногие «товарищи из Брянского леса».

Колхозный председатель и заведующий складом, их семьи, родные и близкие обеспечены всеми видами колхозных продуктов, в том числе и мясом, вдоволь.

Хорошо обеспечены также и ближайшие начальники и сотрудники колхозных руководителей: председатель сельсовета, секретарь партийной ячейки, милиционер, бухгалтер, ветеринар.

Что касается районного начальства, то оно от «колхозных князьков» получает продукты тушами и возами. Управляющие колхозными имениями систематически дарят своим начальникам: гусей, поросят, телят, баранов, свиней, коров.

Денежные фонды на личные нужды (на одежду и обувь, на радио и мотоцикл, на дом и мебель и т. д.) колхозные руководители тоже создают за счет общественных продуктов, главным образом, животноводческих.

В результате всех этих обстоятельств, колхозная деревня и в области животноводства пришла к странному парадоксу. Колхозники, выхаживающие скот, «забыли вкус мяса». А поголовье скота в социалистической деревне, несмотря на «великий пост» земледельцев, далеко отстает от дореволюционного уровня...

Обеднело колхозное село и в области птицеводства. До революции в каждом крестьянском дворе было от 10 до 20 кур зимой. А летом к ним добавлялись одна-две дюжины цыплят, от одной или двух наседок. Теперь же колхозники не могут содержать больше 5 кур: нет корма.

Прежде у многих крестьян были, кроме кур, также гуси и утки, а у некоторых — индюшки. Теперь, в колхозном селе, совсем нет такой птицы.

Куриная ферма в колхозе есть. Но общее количество птицы в селе — и на ферме и у колхозников — в несколько раз меньше, чем было в дореволюционный период.

Итак, поголовье скота и птицы в колхозном селе сильно уменьшилось по сравнению с доколхозным периодом, как дореволюционным, так и нэповским.

Кроме того, резко снизилась также продуктивность скотоводства и птицеводства в колхозе.

Яйценоскость кур резко снизилась: на колхозной ферме из-за тесноты и плохого ухода; на дворе колхозников — из-за недостатка корма для птицы.

Прежде крестьяне резали двух-трех откормленных свиней в год. Каждая свинья была от трех до шести пудов весом. А теперь вес худого поросенка — подсвинка со двора колхозника не доходит до двух пудов, а вес свиньи с колхозной фермы чуть выше.

Прежде крестьянские коровы давали молока от 10 до 15 литров в день, или до полутора ведер-«доенок». Прежде крестьяне измеряли его ведрами. А теперь голодная истощенная корова колхозника дает от 3 до 6 литров молока в день, и корова с фермы — столько же.

— По удоям коровы «догнали» теперь козу... Надо надеяться, что скоро ее «перегонят», — горько шутят по этому поводу колхозники.

У колхозников нет кормов для скота. Председатель колхоза не выдает для личного скота земледельцев никаких кормов: ни сена, ни яровой соломы, ни картофеля, не выделяет даже пастбищ. Крестьянское стадо получает пастбище только после уборки всего урожая с полей, т. е. глубокой осенью.

На колхозной же ферме кормов для скота при разумном использовании было бы достаточно. Но там корм используется неразумно: кормят скот неравномерно, много корма пропадает под ногами животных, в навозе, немало расхищается.

За колхозным скотом нет вообще хорошего ухода.

Сельские начальники — плохие хозяева. Они интересуются только мясом, молоком, яйцами. Но их мало интересуют свиньи, коровы и

куры. Эти крыловские «герои» охотно пользуются «желудями», но не любят заниматься вопросом об их выращивании.

Что касается колхозников, ухаживающих за скотом — конюхов, коровниц, свинок, птичниц, — то колхозные порядки превратили их тоже в плохих работников. Колхозники не имеют никакого интереса к своей работе на ферме. Они ненавидят эту работу, как бесплатную, принудительную, мешающую им работать на себя.

Они непроизвольно переносят недовольство государственной барщиной и на колхозный скот.

Кормя колхозных свиней, свинка озабоченно думает: «А чем же мне накормить моего поросенка, чтобы он не подох?! А подохнет, — где же мне тогда взять денег на налог?!».

Ухаживая за колхозными коровами, скотница невольно злится на них: «Вам, обломам, председатель и сено, и яровую солому, и даже картошку отпускает. А моя Буренушка от одной ржаной соломы подыхает...»

Если же доярка не имеет своей коровы (в селе более трети бескоровных!), тогда она думает о колхозных коровах еще злее: «Я вас, дьяволов рогатых, кормлю, пою, ухаживаю за вами. А молока-то от вас ни я, ни детки мои ни капельки не получаем... Ну, зачем мне стараться — хорошо ухаживать за вами?! Да пропади вы пропадом!.. И с председателем... и с коровьей начальницей вместе!..»

Озлобленные, голодные крепостные переносят свое озлобление и на работу, и на орудия труда, и даже на скот. Колхозники обслуживают скот, но он принадлежит не работникам-животноводам, а их жестоким угнетателям: советским крепостникам, «новым помещикам».

«Колхозная революция сверху» привела к тому, что лучшие хозяева в селе были «ликвидированы, как класс». А вместо них во главе сельского хозяйства были поставлены люди неумелые, нерадивые и нечестные. Эти люди, колхозные начальники, работают «из рук вон

плохо». Но расхищают и разоряют сельское хозяйство они очень основательно...

Колхозники — ограбленные, голодные, истощенные, работающие из-под палки, крепостные советского государства — не имеют никакой личной заинтересованности в колхозном труде. Мало того: жестокие и неразумные колхозные порядки вызывают у них глубокую ненависть и к государственному имени и к работе в нем.

А эти обстоятельства привели к печальному экономическому результату. Колхозно-крепостническая система привела к снижению урожайности, к упадку скотоводства, к разорению всего сельского хозяйства. Хозяйство в колхозной деревне сброшено в болото, утопает там и не может выкарабкаться...

Разорение сельского хозяйства привело к голоду страну, которая прежде была «житницей Европы»... Колхозная деревня превратилась в некрасовскую Пустопорожнюю волость в Подтянутой Советской Империи...

«Второе крепостное право»

Во время коллективизации кто-то из крестьян ночью повесил задушенную курицу на столбе, около колхозного правления, и под ней прибил записку: «Лучше повеситься, чем вступать в колхоз. — Честная труженица Курочка Петухова».

Спустя несколько лет, мне пришлось услышать в колхозе анекдот, который перекликается с этой яркой антиколхозной прокламацией, выявляя все то же непримиримо-враждебное отношение крестьян к колхозу.

«Политический комиссар, — рассказывает анекдот, — на политических занятиях в армии спрашивает у молодого красноармейца-колхозника:

— Что означают буквы — ВКП(б)?

— ВКП — это значит: второе крепостное право...

Комиссар удивлен и озадачен...

— Ну, а что же, в таком случае, обозначает буква «б» в скобках?..

— А «б» — это уже такое слово, которое я вам, товарищ комиссар, повторить не смею: непечатное выражение... Потому и закрыто, для приличия, скобками...

И в этих красочных примерах острой антиколхозной агитации и в повседневной колхозной практике ярко выявляется отношение крестьян к колхозу. Колхоз — это не их хозяйство, а чужое имение, чужое дело, не только чуждое, но даже враждебное крестьянам. Колхозный труд — это даровой, подневольный, крепостной труд, проклятье колхозника. Колхозная барщина тяжелее барщины помещичьей. «Второе крепостное право», колхозно-государственное, тяжелее первого, помещичьего.

И колхозники испытывают острую вражду к этому, ненавистному им, государственному имению и к этой постылой, проклятой, колхозно-крепостной барщине...

12. «НЕ ЖИЗНЬ, А МУКА...»

Бюджетный разговор с кузнецом

В селе я встретил знакомого кузнеца. С первых же слов он стал жаловаться на то, что «хлеба нет».

— Как же так: ты крестьянин, а хлеба у тебя нет? — спросил я.

— Какой я крестьянин?! Я колхозник, крепостной батрак, — угрюмо заявил кузнец. — А ты посуди сам, как колхоз нас оплачивает. Возьмем, к примеру, мою семью. У меня в семье пять душ: трое рабочих — я, жена и взрослая дочь; да двое малолетних детей — школьники до 12 лет. Заработали мы в прошлом году уйму трудодней: 600 трудодней! Заработали в колхозе трудодней больше всех односельчан. А что получили за свою работу? Только 15 пудов ржи: в прошлом году выдавали по 400 граммов на трудодень. Нам этого хлеба едва до Пасхи хватило. А с той поры мы живем без хлеба. Хлеб делаем, а без хлеба живем. Вот она, друг ситцевый, заковыка какая...

Почесал он затылок по поводу «заковыки» и продолжал:

— Ты знал нашего раскулаченного соседа, Ивана Васильевича? Я утвердительно кивнул головой.

— Ну, так вот, этот сосед раньше, до революции и при нэпе, каждое лето нанимал батрака и батрачку. Батрачке он платил 40 пудов ржи за лето, а батраку — 50 рублей деньгами. Рожь тогда стоила в деревне 40 копеек пуд (в лавке — 50 копеек). Значит, батрак мог купить за свое жалованье 125 пудов ржи. Вот и учти, милый человек, сколько хлеба мы втроем могли заработать, если бы работали мы в батраках. Я, как батрак, 125 пудов да мои бабы — жена и дочь — 80 пудов; значит, вместе 205 пудов ржи! А теперь от колхоза мы втроем получили за свою годовичную работу... 15 пудов! Во сколько раз меньше? Ну-ка, смекни: ты — человек грамотный.

— Это... в 14 раз меньше, — подсчитал я.

— Вот как, в 14 раз меньше!.. А?! Видал, миндал, что получается?!
— засмеялся мужик.

И удивленно покачал головой.

— Да, ведь, хозяин кормил своего батрака. А мы работаем в колхозе на своих харчах. В колхозе, как видишь, мы работаем почти бесплатно: мы там себе даже хлеба не зарабатываем. Но я должен работать не только на колхоз: я должен платить государству громадные налоги — и натуральные и денежные.

— Налоги?! — удивился я.

— Да еще какие!.. За корову с меня сдирают и мясной и молочный налоги: два пуда мяса в год и половину всего молока, которое корова дает за год. Из-за молочного налога нам самим остается молока в обрез, так что для продажи молока не имеем. На мясной налог мои ребята с большими трудами выхаживают в течение лета теленка. Ведь выпаса для наших телят колхоз не дает. Поэтому все лето траву ребята сами кое-где собирают — для коровы и для теленка.

— А кроме натуральных, я должен уплатить государству еще и огромный денежный налог. Вместе с «добровольно-принудительным» государственным займом 600 рублей в год! Это на каждую семью в селе столько налогу навалено: 600 рублей!..

— За что же?

— А пес их знает, за что! Плати — да и все тут! Семь шкур с колхозника сдирают...

— Но где же берешь денег на налоги?

— Прежде, когда я был единоличником, у меня был полный двор скота и птицы: пара лошадей, две коровы, две свиньи с поросятами, десяток овец, полтора десятка кур, гуси были. А теперь у меня на дворе пусто: одна корова и пяток кур. Летом еще теленок да поросенок. Потому — кормить скотину и птицу нечем. Раньше я откармливал на сало две свиньи за год: одну резал к Рождеству, другую — к Пасхе. А теперь я куплю в колхозе на свиноферме маленького поросенка и с большим трудом могу вырастить его. Осенью вынужден продать подсвинка неоткормленного: откормить на сало нечем. Должен продать на налог. Поэтому-то мы со времен коллективизации и забыли вкус мяса...

— А с маслом как?

— Вкус масла тоже забыли. Нет коровьего масла: молока мало. Конопляного масла тоже не спрашивай. Прежде я картофеля на усадьбе садил немного, а большую часть картошки садил в поле. А на усадьбе выращивал коноплю и имел свое конопляное масло. А теперь колхоз отобрал у меня поле, и я должен выращивать на усадьбе и картошку, и свеклу, и капусту. А вся усадьба с гулькиным носом: $\frac{1}{4}$ гектара, двадцать пять соток. Коноплю сеять негде. Масла нет. Обходимся совсем и без мяса, и без сала, и без масла. Жую теперь всухомятку: капусту да картошку, картошку да капусту. Чтоб им было пусто! . . . — не выдержал, ругнулся кузнец.

— А на заработки в город не ходил? — спросил я его.

— Председатель колхоза не отпускает. Без кузнеца колхоз как без рук: ведь на кузнице весь инвентарь держится. Поселковый кузнец может хоть изредка на дому мелочишку заработать от частных заказов. А я и этой возможности лишен: в селе — кругом начальство. Преследуют жестоко . . .

Кузнец расспросил меня о городском житье-бытье.

Выслушав рассказ, позавидовал:

— У вас, в городе, стало быть, лучше: хлеба в достатке и чайку с сахарком можете попить. А у нас и того нет . . .

Потом помолчал, вздохнул, встал взволнованный:

— Вот так и бьемся мы, как рыба об лед: чтобы честным трудом прожить, чтобы хоть как-нибудь прокормиться, чтобы не умереть с голоду . . . Рассуди сам, как тут, в колхозе, жить можно?! . А может быть, что-нибудь и посоветуешь? . . . — пытливым взглядом он в глаза.

Ни «рассудить», ни «посоветовать» я ничего не мог. Уже если такая семья, в которой трое здоровых, работоспособных и трудолюбивых работников, среди них мастер-специалист, — если такая семья бьется в колхозе, как рыба об лед, чтобы не умереть с голоду, — как же тут можно «рассудить» и что же тут можно «посоветовать»?!

« Одет, как колхозник . . . »

Неказиста была одежда у орловских мужичков до революции. Холщевая самодельная рубашка, холщевые крашеные штаны у большинства мужиков. Холщевая рубашка и ситцевая юбка у баб. Армяк («сибирка», «зипун») из грубого самотканного сукна, сделанного из

волны; полушубок из овчин. На ногах лапти из лык или чуни из веревок; зимою — теплые валенки.

Это была рабочая, повседневная одежда и обувь, домашнего изделия. А кроме самодельной, была обувь и одежда фабричного производства: ситцевые или сатиновые рубашки, брюки городского типа у мужчин. У девушек и баб были сатиновые юбки, шелковые кофточки и платки. Почти у всех жителей деревни для воскресных дней были сапоги или ботинки. Это была праздничная одежда: в будни она бережно хранилась в сундуках. Отходники и зажиточные крестьяне ходили в кожаной обуви и в будни.

Теперь же колхозники не могут изготовить для себя самодельной одежды и обуви: нет у них для этого ни холста, ни пеньки, ни волны, ни овчин.

А одежда и обувь из советских фабрик поступает в продажу в провинциальных городках очень редко и в мизерных количествах.

Что касается цены, то текстильные и кожаные товары, как говорят колхозники, «очень кусаются».

Заглянул я в государственный магазин в районном городе. Там висела одна единственная рубашка: «русская рубашка» из льняного полотна фабричной выделки. Цена ее — 80 рублей. До революции она стоила полтора рубля.

Никакой обуви в магазине не было.

На базаре увидел я обувь: пара поношенных сапог и две пары поношенных мужских ботинок. За сапоги хозяин просил 400 рублей, а за ботинки была назначена цена по 200 рублей за пару. Кроме этих трех пар старой обуви, никакой другой на базаре не было.

Многие ли колхозники могут купить себе обувь и одежду при таких ценах?!

Советское правительство платит колхознику за пуд (16 килограммов) ржи 64 копейки. Значит, за одну рубашку, которая соткана из льна, сданного колхозником, на государственной фабрике и продается в государственном магазине, — за эту рубашку колхозник должен продать (сдать правительству по государственной цене) 125 пудов ржи! . .

Но сам колхозник в среднем зарабатывает в колхозе за «трудодень» 400 граммов, или за год (за 200 трудодней) — 5 пудов ржи (80.000 гр = 80 кг). Значит, для покупки в государственном магазине одной льняной рубашки колхозник должен работать в колхозе на

государство . . . 25 лет, т. е. всю свою недолгую жизнь «трудообязанного колхозника» . . . И только при том условии, если сам колхозник заработанный им хлеб есть совсем не будет, а весь его продаст государству.

А для покупки сапог или ботинок всей жизни бедного колхозника не хватит . . .

Вот поэтому-то колхозники и вынуждены ходить в нищенском тряпье. В ветхих, истлевших рубашках. В рваных штанах. В лучшем случае, штаны и рубашка колхозника состоят, главным образом, из заплат. Верхняя одежда колхозников — это отрепья, остатки от «зипунов» и полушубков нэповских времен. Это совершенно замызганные пиджаки и ватники неопределенного цвета. Ходят колхозники босиком или в опорках, перевязанных бечевкою: опорки надеты на босу ногу и из дыры выглядывают пальцы . . . Зимой встречались в деревне люди, идущие по снегу совершенно без обуви: ноги обернуты тряпками, обвязанными бечевкой . . .

Тряпье и опорки колхозники носят до тех пор, пока они не истлеют окончательно и не рассыплются в прах . . .

— Так и носим это барахло, доколе с плеч или с ног не свалится, — говорят колхозники.

— Да, дондеже не свалится, — подтвердил колхозник, бывший дьячок.

Прежде крайнюю степень неблагополучия в одежде определяли так: «Одет, как нищий». Теперь в Советском Союзе говорят в таких случаях по-другому: «Одет, как колхозник» . . . Прежде крестьяне носили одежду грубую и небогатую. Но эта одежда была крепкая, теплая и хорошо соответствовала своему практическому назначению: она хорошо защищала людей, все время работающих под открытым небом, от холода и непогоды.

А теперь колхозники ходят «голы и босы, разуты и раздеты». Колхозные деревни — это некрасовские нищие деревни: Дырявино, Заплатово, Разутово . . .

Колхозная одежда не предохраняет даже от стыда . . . Штаны у мужичков нередко бывают в таком печальном состоянии, что, по их выражению, «весь срам виден: и спереди и сзади» . . . Бабы при встрече не могут удержаться от невольного смеха. А мужикам — стыдно . . . И выхода из этого трагикомического положения нет: починить штаны нечем, тряпки для заплат нет. Двойной стыд испытывают

колхозники от своей одежды. Стыдно им носить такое убогое, нищенское одеяние. А еще стыднее — оттого, что оно даже «срамные места» прикрыть не может...

Но советская печать упрекает разутых и раздетых колхозников в том, что они будто бы сами в этой беде виноваты. Писатель Алексей Толстой на страницах советских газет писал:

— Обуви недостаточно потому, что каждый мужик, который прежде ходил в лаптях, теперь желает приобрести ботинки и галоши...

Читая такие упреки, колхозники говорили с глубокой обидой:

— Мы рады были бы сплести себе лапти или веревочные чуни. Да ведь нет у нас теперь ни лык, ни пеньки... Неужели этого не понимает писатель?!

— Наши бабы и теперь, как прежде, пряли бы и наткали холста и сукна. И до сих пор еще бабы на чердаках берегут и самопрялки и ткацкие станы. Да, видать, напрасно: нет у колхозников теперь ни конопли, ни замашек, ни овец, ни волны...

На страницах советской печати разутые и раздетые колхозники читали не только упреки, но и утешения. Так, в «Правде» они прочли «веселый» очерк писателя-коммуниста Серафимовича. Очерк о том, как дед-колхозник на Кубани, в родных краях писателя, пас колхозное стадо гусей и каждый раз, когда встречался с колхозницами, прятался в канаву с крапивой. Оказывается, единственные штаны старика были в таком состоянии, что «срама» прикрыть не могли... И деду была очень неприятна каждая встреча с бабами...

В очерке писатель величественно похлопывал деда по плечу и утешал:

— Это пустяки, дед, что у тебя порты худые. Ты должен гордиться тем, что делаешь великое дело: помогаешь строить величественное здание социализма!...

Указывая на такие статьи в газетах, колхозники отплевывались и неистово ругали их авторов. Комментарии их к таким статьям были очень злы.

— Конечно, писатель прав, — говорил колхозник степенно и серьезно: ну, зачем колхозному деду штаны?! Что ему жениться, что ли? Ему уж давно пора помирать. А вот писателю, тому без прекрасных костюмов не обойтись, хотя бы он и был дедом. Дед-то он дед, а любит быть щеголем одет. Потому — на вольных хлебах писа-

тели-подпевалы откормлены изрядно и чувствуют себя молодо, даже в стариковском возрасте. Наш брат, колхозник, к сорока годам так наголодается, так намучается, что без приказа председателя получает из колхоза «бессрочный отпуск» и переселяется в «Царство Землянское»... А те, сказочники, что для нас байки пишут, они так рано помирать не собираются. Вот, к примеру, этот самый сказочник, который безпорточного деда так старательно утешал. Недавно двоюродный брат ко мне из Москвы заезжал: служит там парикмахером. Слухов всяких, анекдотов возы привозит. Так вот, он рассказывал, что этот самый «дед-утешитель» в семьдесят лет женился на молоденькой красивой девушке-колхознице. Она спасалась от голода и нанялась к нему в прислуги на дачу. А дед-сказочник девушку от голода спас и себя «утешил»... Ну, скажите, а разве перед молодой красавицей можно предстать в худых портах?!

Колхозники рассмеялись.

— Вот тоже и другой сказочник, — продолжил разговор колхозный агроном. — Тот самый сказочник, который упрекает колхозников, что они хотят иметь обувь. Молотов назвал его: «товарищ-граф». Разве графу можно жить в нужде? В нужде не любят жить ни «товарищи», ни «графы». А тем более «графы-товарищи». Когда граф Алексей Толстой вернулся из-за границы в Советский Союз и написал книжку «Хлеб», то об этом анекдот ходил: «Хлеб-то граф испек плохой. Но за этот дурной хлеб он получил вагоны прекрасного масла...» Да одного масла «товарищу-графу» мало. Как только Западную Украину заняла Красная армия, граф немедленно поехал туда со своими миллионами. И привез оттуда несколько вагонов всяких драгоценностей. За это его окрестили теперь «графом-барахольщиком»...

— Что и говорить, жулики эти сказочники, — вмешался в разговор еще один колхозник. — Вот у меня со времен гражданской войны сохранилась библиотечка книг Демьяна Бедного. Подписывался бойко: «Демьян Бедный, мужик вредный, просит братьев-мужиков поддерживать большевиков». В одной его книжечке оказался портрет Демьяна. Показал я этот портрет моему отцу. А он изумился: «Это же граф, а не «мужик бедный». Это откормленный кабан, а не мужик в наши голодные времена»... Так вот, этот Демьян Бедный веселые книжицы пописывал. Некоторые из них я наизусть помню. В одной книжечке он упрекал мужиков за то, что они в обмен за свой, кровным трудом заработанный, хлеб, требовали с горожан то, что мужику было не-

обходимо: мануфактуру, соль, одежду или обувь. Это мужицкое требование советский писатель излагал издевательски:

«Как таперь мы все равны,
То . . . снимай-ка, брат, штаны! . . .»

А теперъ партия Демьянов Бедных устроила порядки куда справедливей: она оставила «братьев-мужиков» и без хлеба и без штанов . . .

После таких бесед с нищими, оборванными колхозниками, разутыми Щедриными и Гоголями в худых портах, вспомнились народные пословицы.

Вспомнилась пословица испанская:

— Под плохим плащем, встречается, добрый парень скрывается.
Припомнились и русские пословицы.

— На кресле ворона, а на вороне — корона.

— По одежке встречают, а по уму провожают.

Несовпадение, а нередко и полную противоположность, богатства ума и богатства одеяния русский народ испокон веков мудро замечал и остроумно отмечал в пословицах и сказках.

« Дрова — беда наша . . . »

Прежде, в свободной деревне, крестьяне не испытывали нужды в топливе. Привезти хвороста из леса каждый мог, лошади почти у всех были. У кого не было лошади, тому сосед мог привезти. Стоил же воз хвороста несколько копеек.

А теперъ? Ближние лесочки, местного значения, давно уже вырублены. А до огромного государственного леса 15-20 километров. Как привезти дров оттуда? Чтобы получить колхозную лошадь, нужно дать председателю взятку: иначе он подводы не даст. А «типовая норма» у него немалая: пол-литра водки и полкило колбасы, а это стоит 20 рублей. Но где же колхознику взять денег для такой взятки?

И поэтому колхозники вынуждены таскать зимой дрова из далекого леса «пешеходно-ручными средствами»: вязанками на спине или волоком по дороге... За 15-20 километров!..

Прежде в каждом крестьянском дворе были легкие самодельные ручные санки («салазки»). На них сено скоту привозили из сарая, ребяташки катались зимой. А теперь у колхозников нет даже и этих санок, которые могли бы облегчить доставку дров. Нет ни долота, ни буравчика, ни гвоздей, а без этого санок не сделать. Но без санок много ли дров можно наносить, на спине, за два десятка километров?!

Поэтому холодно теперь зимой в избах колхозников. Очень холодно. Сидят люди в хатах, одетые, в своих лохмотьях, и в руки дуют: мерзнут... Или валяются кучею все на печке...

— Дрова — это беда наша, — кричат колхозники...

Колхозное село превратилось в некрасовскую «деревню Знобишино»...

Батрачка и нищий

Встретил я бывшую батрачку того раскулаченного крестьянина, о котором упоминал кузнец.

Рассказала она о своем житье-бытье.

— Как жила я прежде в батрачках, то 40 пудов ржи за лето зарабатывала. А теперь мы вчетвером в колхозе работаем: я, муж мой, сын пятнадцати и дочка тринадцати годов. И хлеба получили на трудодни только 12 пудов... Раньше я зарабатывала хлеба на всю свою семью. Мы втроем тогда жили: я, мать-старушка да сестра-подленок. А теперь мы четверо в колхозе, не зная отдыха, работаем, но хлеба себе не заработали... Прежде мой хозяин, у которого я в батрачках жила, нам дров на всю зиму бесплатно со своего хутора привозил. А теперь мы без дров бедствуем... Прежде мы были обуты-одеты. А теперь — вишь, в чем хожу...

Она была босиком. Одета только в ветхой холщевой рубашке, которую donaшивала еще с доколхозных времен. Ни платка, ни юбки на ней не было...

— Да что тут и говорить, — продолжала она. — Прежде, известное дело, мы жили бедно. Но ни холода, ни голода мы не знали. А теперь?!

Она сердито отмахнулась рукой от этого «теперь» и поспешила в поле...

После этого разговора с батрачкой захотелось мне встретиться со слепым-нищим. Прежде, до революции, этот слепой жил с матерью и нищенствовал. Потом, в годы нэпа, он женился, обзавелся семьей. Теперь он жил в колхозе с женой и двумя детьми-подростками. Зашел я к нему в хату: любопытно было с ним побеседовать.

— Ну, как живете, Митрофаныч? — спросил я его.

— Хотел было я Вам ответить по-старому, — начал степенно слепой: «Живем да хлеб жуем». А потом во-время спохватился: зачем же говорить неправду? Ведь, хлеб мы теперь в колхозе редко жуем... Заработала моя жена с двумя детьми за год 10 пудов хлеба, давно-давно его поели... А из колхоза мне помощи никакой. Родным, собутыльникам, молодым вдовушкам председатель дает иной раз помощь, а мне, слепому, нет...

— Ну, а прежде разве Вам лучше жилось? — спросил я.

— Нельзя Бога гневить: хлеб всегда был. Как только хлеб выводился, надевал я сумку на плечи, брал свою лиру, приглашал какого-нибудь паренька поводырем и шел в одну из соседних деревень. Обойдешь деревню — худо-бедно пуд хлеба в сумке есть. Попросишь, чтобы не печеным хлебом, а мукою давали, — слепому не отказывали: давали мукою. Находились добрые люди, которые для слепого даже небольшой шматок салца отрежут. А в большой праздник обойдешь деревню, — то принесешь пирогов, мяса, яичек...

Слепой замолчал: ушел в воспоминания...

— Ну, а теперь милостыню собираете?

— Нет, теперь, при колхозах, баста!.. Больше уже за милостыней по колхозам не хожу. Никто не подает: сами колхозники ничего не имеют. Все стали нищими... Правда, картошки подадут. Но картошку я, слава Богу, сам на своей усадьбе имею. Теперь только иногда в базарный день в город сходишь: на базаре с лирой посидишь, поиграешь. Не перевелись еще добрые люди: несколько монет в шапку горожане бросят, на килограмм хлеба соберешь. Да и то милиционеры часто прогоняют. «Уходи, — говорят, — отсюда: нищенствовать советская власть запрещает...» — «Да я не нищенствую, — скажешь им. — Я ничего

не прошу. Я просто любитель-музыкант: старинные стихи пою и играю. Разве я кому-нибудь мешаю?!» ... Ну, отстанут... А на иного мильтона ничего не действует: все же прогонит...

— Да, так вот и живу теперь, как и прочие колхозники, — закончил свой рассказ слепой. — Хлеб редко жевать приходится, а все на картошку налегаем...

Он усмехнулся и протянул руку к миске: там был картофель в «мундирах».

Нищий-слепой и батрачка — это были самые бедные люди в до-революционном селе. И они колхозом недовольны. По собственному опыту судят: прежде даже им жилось лучше...

Предсмертные желания

В колхозе я видел двух умирающих старух.

Одной из них очень хотелось покушать перед смертью селедки.

— Хоть бы пососать теперь селедочный хвостик! — приставала она к своим родным с ноющей просьбой. — Я потом умерла бы спокойно...

Родные сходили в город. Ни селедки и никакой другой рыбы там найти не могли.

Написали письмо знакомым в областной город. С таким же успехом: нигде не было ни рыбьего хвоста. Россия, страна океанов, морей, озер и бесконечного количества рек, стала безрыбной страной... А в газетах люди читали: «Из-за недостатка тары и соли рыбозаготовительные организации не принимают привезенную рыбаками рыбу. И рыбаки вынуждены выбрасывать целые лодки наловленной рыбы в море...»

Другая старуха, жена того конюха-колхозника, который «помер от лошадиного корма», лежала «на смертном одре»: на припечке, на куче тряпок. Лежала, раскрывала запекшийся рот, словно рыба, выброшенная на берег. И стонала:

— Хочу испытать сладенькой водички... Дайте мне водички с сахарком!..

Дочь ее металась в поисках сахара или меду. Но ни крошки сладостей нигде найти не могла...

Так и умерла эта бедная старуха, не испив «сладенькой водички». Даже перед смертью не могла она подсластить горький роковой конец своей горькой жизни...

Так люди в нищете горько живут и в муках умирают в советско-колхозном селе, некрасовском Терпитгоре...

Колоски и лагерь

У смертного одра этой старухи я встретил одного из ее сыновей: он недавно возвратился из «исправительно-трудового лагеря». Там он отбывал семилетнее заключение за то, что в самые голодные годы колхозной жизни накопал для детей корзинку картофеля на колхозном поле...

Встретил я также колхозницу, которая провела пять лет в лагерях, за колоски. Она во время жнива набрала с колхозного поля карман колосков для своих голодных детишек...

Я осведомился у этих пострадавших людей, знали ли они раньше тот советский закон, который так жестоко карает за кражу колхозной, государственной собственности.

— Вестимо, знали, — ответил колхозник. — Нам все уши прожужжали об этом законе, о «священной и неприкосновенной социалистической собственности»...

— Да, ведь, когда дети от голода плачут, — на все пойдешь, — добавила баба. — Голод — не тетка... Где же материнскому сердцу вытерпеть такую муку?!

— Колоски!.. Боже мой!.. — воскликнул сосед умирающей старухи. — Прежде, бывало, ребятишки любили полакомиться поджаренными колосками ржи. Нарвут пучки колосков, поджарят их на огоньке и с удовольствием жуют поджаренные зерна: вкусно!.. Рвали везде, на любых полосках, как грибы в лесу. Прохожие тоже, бывало, рвали колоски и дорогою жевали их. Рвали их и сами мужики и бабы. Все рвали в полях колоски, когда захочется и где вздумается. И в святом Евангелии рассказано, что сам Христос и святые апостолы, проходя

по полям, тоже колоски рвали и кушали их. И никто не ругался за это, не осуждал людей за колоски. Ни в Палестине, ни в России. Ни в старину, ни в наше время, перед колхозом. А теперь?! За колоски — в Сибирь!.. За колоски — в лагерь!.. За колоски — на каторгу, на десять лет!.. И кого же? Хлебороба, кто хлеб выращивает!.. Голодного труженика, кто работает, а хлеба не имеет!.. Земледельца, кому ржаное поле испокон веков принадлежало... Если бы рассказать это нашим родителям, то они бы не могли поверить этому. Нет, таких порядков не могли выдумать люди. Это сделали нелюди... Драконы сделали, о каких нам сказки старые люди рассказывали. По наущению самого сатаны!..

Колхозный обед

Я многократно видел колхозников за обедом. Обычно ели картофельный суп или свекольно-капустный борщ, ничем не заправленные — ни маслом, ни салом.

Хлеба нет. Вместо хлеба «прикусывали» очищенную картошку.

Когда было молоко, на второе подавали нарубленный картофель с молоком.

Когда же молока не было, обед состоял только из одного блюда. Молока же нет в каждом втором колхозном дворе: в каждом третьем дворе нет коровы; во многих дворах коровы от истощения яловые.

— Никакой в них сытости нету, в наших харчах, — жаловались колхозники. — Живот наполнил, а сам голоден. Вылезешь из-за стола, а есть хочется...

— И силы этот харч не дает для работы, — добавляли другие. — Придешь на работу, а силы нет. Работаешь из последних паров, вялый, бессильный. Не ты с напором работаешь, как прежде бывало, а работа тебя одолевает... Работать с таких харчей трудно. Хочется лечь и спать...

«Царский борщ»...

Однажды, когда только что подали на стол такой обычный колхозный обед в хате, приехал знакомый, городской гость, который был тут же приглашен к обеду.

Гость достал дорожную колбасу из своего чемоданчика и разделил ее на две части. Одну половину подал больной хозяйке дома, которая

лежала в постели, а другую положил на стол, для остальных членов семьи.

Семья была большая, кусок колбасы невелик. Члены семьи посоветовались, как целесообразнее использовать колбасу. Решили: нарезать ее мельчайшими кусочками и положить в борщ, чтобы «подкрасить» его.

Приступили к еде. «Подкрашенный» борщ все ели жадно, с большим аппетитом и удовольствием. Глаза блестели. Все улыбались, радостные, возбужденные, и хвалили «чудесный борщ».

Особенно страстно его расхваливал глава семьи, бывший раскулаченный.

— Как повстали колхозы, с тех пор мясной крошки во рту не было, — говорил он. — С той поры не видали мы ни мяса, ни сала, не едали уж мясного борщеца!.. А теперь вот, Бог послал, даже колбаски покушать привелось. На век запоем... Вот так борщ! Распречудесный борщ!..

Он запнулся, придумывая сравнение, и закончил восторженно:

— Одним словом, настоящий царский борщ!..

На постели сидела больная колхозница, хозяйка дома, и ела колбасу с картошкой. Ожившая и повеселевшая, она жевала колбасу и вслух сама с собой разговаривала:

— Вот Бог послал нечаянную радость! Нет, теперь я не умру... Я оживу... Поживу еще... Я еще поживу!..

Надежда женщины оправдалась. Подкрепившись в течение недели хорошими продуктами, которые привез в подарок гость, больная колхозница, собиравшаяся уже помирать, встала с постели — выздоровела...

Харчи мужицкие

Прежде, в дореволюционном орловском селе, пища крестьян была самая простая, неприхотливая. Но люди имели ее достаточно и были сыты. Никто в селе не голодал.

Мясо крестьяне ели только по праздникам да в страдную рабочую пору. Рыбы, фруктов, сахару могли покупать недостаточно: это было для них дорого.

Но хлеб сельские жители ели вдоволь, безо всякой нормировки и ограничения. Во время завтрака и обеда на столе была положена целая гора нарезанного крупными кусками хлеба. Коврига хлеба лежала всегда на столе. Каждый член семьи или батрак мог в любое время, когда ему захочется, отрезать себе краюху хлеба, или, как шутили в деревне, «кусочек с коровий носочек». Ребятишки особенно охотно пользовались этим правом. Часто их можно было видеть на улице с куском круто посоленного хлеба в руках.

Об измерении хлеба граммами в прежней деревне и не слыхали. Рожь измеряли пудами,¹⁾ а печеный хлеб — не граммами и фунтами, а ковригами.

— Теперь осталось у нас две ковриги, — говорила крестьянка. — Надо печь новые хлебы.

И хозяйка приготавливала огромную «дежу» (бочку) с тестом, а завтра пекла свежий хлеб. Вытаскивала из печи несколько огромных ковриг — на неделю.

Никакой «хлебной нужды» в единоличной деревне не было. Недаром же русскую деревню поэты называли «ржаной деревней», а мужицкое отечество — «ржаной Русью».

За завтраком к картофелю добавляли сушеные грибы или соленые огурцы.

К обеду подавали щи или суп, хорошо заправленные салом. На второе — картофель с яйцами или конопляным маслом. На третье — гречневая или пшенная каша с молоком.

Все эти продукты крестьяне ели вдоволь, досыта, или, как говорили в деревне, «от брюха».

А теперь, вспоминая об этих «харчах», колхозники глотали голодные слюнки, вздыхали и мечтательно говорили:

— Вот было блаженство!...

Они не имеют теперь ни хлеба, ни каши, ни сала, ни масла, ни яичек. Люди вынуждены теперь ограничиваться пустыми щами и немасленной картошкой, да и то не всегда вдоволь...

Так питаются хлебоборобы в бывшей «житнице Европы». «Ржаная Русь» превратилась в некрасовскую деревню Нееловку, стала Коммунистической Подтянутой Империей...

¹⁾ Пуд = 16,38 килограмма.

Начальники пируют

Но не все колхозники живут плохо. Колхозная верхушка роскошничает.

Мне пришлось наблюдать семью одной колхозной буфетчицы. За столом всегда было мясо, водка.

О колхозном кладовщике его соседи говорили:

— Яйца в его доме в корзинах, как картошки насыпаны! . . . На столе каждый день мясо. Какое душе угодно: жареное, вареное, ветчина, студень. Огурцов, моркови, помидоров — вдоволь, с колхозного огорода.

Кухарка колхозного председателя рассказывала:

— Прежде я в кухарках у попа и лавочника служила. Хорошо кушали мои господа! Очень хорошо! Ну, а теперешний мой барин из босяков вышел. Но что касемо поесть, то в этом деле он им не уступит! . . . Утром, как только встанет, отомкнет свой чуланчик, принесет оттуда помидоров, огурцов, пяток яиц, большой кусок ветчины или сала. И велит: яичницу-глазунью ему поджарить. Пол-литра водки единым духом вылакает. Яичницу всю до крошечки с большой сковороды подберет и ухмыльнется: «Ну, кажись, я готов! . . . » И, посвистывая, шагает к колхозной канцелярии. А к вечеру заказывает: курицу или поросенка ему поджарить . . . К обеду редко приходит: днем больше в буфете закусывает.

Колхозный буфет

В колхозах были организованы буфеты. Заглядывал я в них. Там продается водка, колбаса, мясо всех видов, хлеб, и белый и черный.

Хотя буфет этот «колхозным» называется, но создан он не для колхозников. Нищий крепостной не в состоянии купить ни мяса, ни колбасы, ни водки: эта роскошь ему не по карману. Ему хотелось бы купить дешевой рыбы: селедочки, тарани. Но в буфете это не продается. Колхозник хотел бы купить черного хлеба по государственной цене. Но хлеб в буфете продается только тем посетителям, которые покупают выпивку и закуску.

Колхозник забредет иной раз в буфет, постоит сиротливо около двери, облизнется, проглотит набегающие слюнки . . . Потом почешет

затылок. И, не солоно хлебавши, уходит обратно, вспоминая бабушкины присказки: «Дедушка видал, как барин виноград едал»; или: «По усам вино текло, а в рот не попало» . . .

Колхозники говорят, что эти буфеты созданы, главным образом, для угощения начальства. Без буфета раньше было неудобство. Понадобилось колхознику с какой-нибудь просьбой к местному начальству обратиться, — предварительно нужно было сходить в город, чтобы купить водки и колбасы для угощения. А теперь дело это очень облегчено и упрощено. Заходит колхозник в канцелярию, просит начальника «на минутку в буфет». И там, за бутылочкой, дело устраивается удобно и быстро . . .

«Трудящийся да не ест!»

Колхозники работой задушены, а едят впроголодь.

Болтуны же, деревенские начальники, за счет этих голодных тружеников роскошничают и бражничают. У колхозных начальников пир на весь мир. Они пируют и дома и в буфете.

В первые годы после революции советская власть провозгласила в качестве одной из важнейших основ своей политики принцип первоначального христианства: «Нетрудящийся да не ест!» Даже в Конституцию его записала.

Давно уже в советском государстве этот принцип на практике отменен и совершенно забыт.

Теперь в колхозной жизни он заменен новыми, совершенно противоположными ему, принципами паразитарной идеологии и безудержно — эксплуататорской политики:

— Трудящийся да не ест! . .

— Бездельник пусть ест и пьянствует! . .

Вымирающее село

— Сколько стариков в вашем селе? — поинтересовался я. — Что-то их теперь не видно?

— А как же их можно увидеть, если их нет?! — ответил знакомый колхозник.

Он начал считать стариков, старше 60 лет. Дело это оказалось несложным. По этому подсчету, в 1941 году, весной, их оставалось в живых только десять... На 600 жителей села.

А прежде, в дореволюционном селе, старые люди от 60 до 100 лет, старик, старуха или оба вместе, встречались почти в каждом дворе.

По оценке старожилов до революции в 130 дворах Болотного проживало около сотни стариков. А теперь их осталось десять...

— Не нравятся что-то нашим дедам колхозы, — горько пошутил один мужик: как появились колхозы — пропали старики...

Колхозная жизнь, при голоде, холоде, изнуряющем труде, настолько тяжела и разрушительна для организма, что колхозники не могут дожить до старости. Едва-едва они дотягивают до 40, редко — до 50 лет.

Поэтому колхозное село «омолодилось»: старики стали в нем музейной редкостью.

Но, если по возрасту колхозное село «омоложено», то по своему физическому состоянию и внешнему облику население состарилось. Молодые девушки, истощенные голодом, чрезмерным трудом и завядшие в одиночестве, выглядят пожилыми женщинами. Люди средних лет имеют совершенно стариковский вид.

Стариков в колхозе нет. Но нет и молодежи. Колхозная нищета выморила стариков, загубила юность и превратила молодежь в пожилых людей...

Из колхозов много мужской молодежи уходит на работу в города. И оседает там. Из-за этого многие колхозные девушки не могут выйти замуж. Поэтому число браков в колхозном селе резко сократилось. А из-за этого рождаемость детей значительно снизилась.

О количественных изменениях населения в селе Болотное за последние годы старожилы сообщили приблизительные сведения:

До Октябрьской революции в селе было около 130 дворов. В нем жило тогда около 900 душ населения.

За годы революции и гражданской войны в 1917-20 годах население уменьшилось приблизительно на сотню человек.

Но в годы нэпа, когда жизнь улучшилась, население опять стало увеличиваться. К 1929 году был восстановлен прежний, дореволюционный, уровень числа населения: около 900 душ.

А весной 1941 года, до войны, в селе Болотное, вместе с поселками, числилось около 600 душ населения. Значит, с 1929 до 1941 года, за десятилетие колхозной жизни, население уменьшилось на 300 душ, или на одну треть.

Из них только полусотне жителей удалось вырваться в города на постоянное жительство или переселиться в колхозы других областей. Эта полсотня переменила место жительства: переселилась из деревни в город или в другие деревни.

Остальные 250 человек вымерли: одни в лагерях, другие в самом колхозе. Вымерли от голода, холода, истощения... Каждый третий, четвертый житель колхоза умер от преждевременной смерти...

И этот процесс вымирания колхозного села продолжался с 1930-го и вплоть до 1941 года. За десятилетие колхозной жизни не было ни одного года, когда число родившихся было бы больше, чем число смертей.

В колхозном селе людей умирает больше, чем рождается. Для всех жителей и наблюдателей села этот факт очевиден. Ясны и причины этого явления. От нищеты и рабства люди вымирают. Продолжительность жизни сокращается. Число браков уменьшилось, и рождаемость снизилась.

Начиная с периода коллективизации, колхозное село вымирает... Процесс этот идет неумолимо и безостановочно.

Рождение новых пословиц

— Ну, как живется? — спрашиваю при встрече знакомых колхозков с соседнего поселка.

— Жизнь наша известная — колхозная, — уныло отвечают они...

— Какое там «живем»?!. Не живем, дорогой, а мучимся, — поправляет меня другой.

— Да, ведь, вы когда-то, помнится, ваш поселок «райским уголком» называли? — спрашиваю.

— То было при нэпе. А теперь совсем другое дело. Теперь в колхозах везде «рай»: ложись и помирай... Был наш поселок «райский уголок», а теперь — это «адский уголок»...

— Ну, заплакали, заныли, запричитали, как бабы над мертвым! — вмешался в разговор бойкий молодой колхозник. — Совсем забыли, что «жить стало лучше, жить стало веселей»... Недаром же наш избач-комсомолец написал аршинными буквами плакат в избе-читальне: «Спасибо дорогому товарищу Сталину за нашу счастливую жизнь!» Ну, а мы, меж собой, этот привет вверх тормашками перекувыркиваем: «Спасибо счастливому товарищу Сталину за нашу дорогую жизнь!...» Так-то правильней будет...

Новое время — новое горе — и новые пословицы...

После этой встречи с колхозниками думалось: что это за умница — русский мужик!.. Какая неумемная сила творчества! Нужда, как спрут, душит его, а он все философствует, этот лапотный мудрец. Он создал богатейшую в мире сокровищницу народной мудрости, огромный океан пословиц. Когда господа называли его презрительно «серым мужиком», «серою скотинкою», то он отвечал на это своею пословицей: «Мужик сер, да ум у него волк не съел»...

Ум русского крестьянина пока не сгорел даже в колхозном аду. Мужик продолжает философствовать и творить пословицы. Теперь в жизни колхозника так много горечи, житейских парадоксов и непримиримых противоречий между высокими словами и низкими делами его теперешних господ, — что современные пословицы приобрели по преимуществу иронически-саркастический характер. Они «облиты горечью и злостью».

Вымирают в колхозе люди. Но нарождаются новые пословицы: злые, насмешливые. Это критика режима смерти со стороны тех, кто, удушаемый, не желает умирать, жаждет жизни и сопротивляется. Это протест мучеников против своих мучителей...

Нужда — спрут

Колхозники метко определили свою жизнь: «Не жизнь, а мука»; «не живем, а мучимся» . . . Всю жизнь они бьются, как рыба об лед, в безысходной нужде.

Во время коллективизации большевистские «Соловьи-Разбойники» ограбили крестьян: отобрали землю, скот, инвентарь.

А потом их принуждают работать на колхозной барщине: от темна до темна, без выходных дней, почти бесплатно.

За мизерный усадебный участок и корову власть облагает колхозника невыносимым оброком, натуральным и денежным.

И уйти от этой колхозной каторги земледelec не может. Он государственный крепостной, которого рабовладельческая власть приковала кандалами к своему имени для пожизненного отбывания принудительных работ . . .

Но жизнь колхозника — это не только каторга. Одновременно эта каторга является и сумасшедшим домом. Колхозники живут среди таких жутких и нелепых парадоксов жизни, которые могут быть только в сумасшедшем доме . . .

Колхозники-хлеборобы . . . живут без хлеба . . . Работая на огромных государственных полях, в бывшей «житнице Европы», хлеборобы и скотоводы . . . вымирают от голода . . .

В стране, которая прежде была завалена пенькой и холстом, кожами и овчинами, теперь люди ходят . . . «разутые и раздетые» . . . В отрепьях ходят люди, которые . . . выращивают на колхозных полях коноплю, лен, хлопок, а на колхозных фермах — скот, т.е. шерсть, овчины, кожи, или производят одежду и обувь . . .

Живя по соседству с непроходимыми лесными дебрями, колхозники . . . мерзнут в хижинах-завалюшках, болеют и гибнут от холода! . . .

Где, кроме дома для сумасшедших, могут встретиться такие нелепости?! . Да и то лишь в том случае, если власть в этом доме была бы захвачена отделением буйно помещанных . . .

Трагедия колхозной обыденщины заключается прежде всего в нищете и голоде, в неизбывной нужде колхозника. В это непролазное болото нужды загнала колхозника большевистская бесчеловечная власть, ограбившая мужика до-гола и эксплуатирующая его неотступно и беспощадно.

После коллективизации нужда, как спрут, присосалась к ограбленному колхознику и жадно высасывает из него всю кровь, убивает все жизненные силы, физические и душевные.

Нищета-спрут терзает колхозника всю жизнь, повседневно и ежедневно, превращая его в вечного мученика.

Спрут нужды сковал земледельца своими мощными, безжалостными, отвратительными щупальцами. Это чудовище неотступно душит его мертвой хваткой. Душит неумолимо до тех пор, пока на половине жизненного пути, в сорок лет, измученный, истощенный и обессиленный, колхозник не падает бездыханным...

Спрут-нужда это символ колхозной Голгофы...

Но одновременно спрут является также и символом самого большевистского рабовладельческого государства. Вселенских масштабов спрут, страшилище-душитель, чудовище-кровосос, — это и есть символическое олицетворение коммунистического государства...

Это страшная личина бесчеловечной власти, с ее девизом джунглей: «Кто кого может, тот того и гложет!...»